

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

Москва

2022

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Стокгольмский университет, Швеция

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: Л. С. Козлов, А. С. Кулева

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2022

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2022

ISSN 0373-658X

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues per year

2
MARCH — APRIL

Moscow
2022

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Stockholm University, Sweden
Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography (Modern Language Association); Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography (Modern Language Association); ProQuest Linguistics and Language Behavior Abstracts (Online), Core; ProQuest MLA International Bibliography (Modern Language Association); Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

Д. В. ГЕРАСИМОВ. О двух типах дицендиальных показателей причины (преимущественно на материале языков Евразии)	7
П. О. РОССЯЙКИН. Фокусные частицы и отрицательная полярность	30
О. Ф. ЖОЛОБОВ, В. А. БАРАНОВ. Трансформации лексического ряда <i>животъ — жизнь — житие</i> : опыт лингвостатистического описания	65

Из истории науки

В. И. МАЖУГА. Термины <i>significatio</i> и <i>significatus</i> как обозначение категории залога в римской грамматике	102
---	-----

Обзоры

В. С. ПОЛИЛОВА, И. А. ПИЛЬЩИКОВ, А. С. БЕЛОУСОВА. Сравнительное стиховедение в России и за рубежом	125
--	-----

Рецензии

А. А. КИВРИК. [Review of:] T. Tenbrink. <i>Cognitive Discourse Analysis: An introduction</i> . Cambridge: Cambridge University Press, 2020	151
Ю. Ю. МАКАРОВ. [Рец. на:] B. Sands (ed.). <i>Click consonants</i> . Leiden; Boston: Brill, 2020	157

Contents

Dmitry V. GERASIMOV. On two types of dicendial causal markers (with a special focus on the languages of Eurasia)	7
Petr O. ROSSYAYKIN. Focus particles and negative polarity	30
Oleg F. ZHOLOBOV, Victor A. BARANOV. Transformations of the lexical row <i>životъ</i> — <i>žiznъ</i> — <i>žitije</i> in Slavic: A linguostatistical analysis	65

Heritage

Vladimir I. MAZHUGA. <i>Significatio</i> and <i>significatus</i> as terms denoting diathesis in the ancient Roman grammar	102
---	-----

Surveys

Vera S. POLILOVA, Igor A. PILSHCHIKOV, Anastasia S. BELOUSOVA. Comparative verse studies in Russia and globally	125
---	-----

Reviews

Andrej A. KIBRIK. [Review of:] T. Tenbrink. <i>Cognitive Discourse Analysis: An introduction</i> . Cambridge: Cambridge University Press, 2020	151
Yury Y. MAKAROV. [Review of:] B. Sands (ed.). <i>Click consonants</i> . Leiden; Boston: Brill, 2020	157

О двух типах дицендиальных показателей причины (преимущественно на материале языков Евразии)

© 2022

Дмитрий Валентинович Герасимов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия;
dm.gerasimov@gmail.com

Аннотация: Конструкции с глаголами речи — хорошо известный диахронический источник обстоятельственных коннекторов, однако последние привлекли меньше внимания исследователей по сравнению с другими продуктами грамматикализации глаголов речи, такими как репортативы и комплементаризеры. В статье рассматриваются дицендиальные средства выражения причины в языках Евразии. Большинство таких единиц можно отнести к одному из двух типов («говоря / сказав» и «если сказать / скажешь почему»), выделяемых на формальных основаниях, но противопоставленных также по своим позиционным и семантическим свойствам. Демонстрируется, что различия в свойствах показателей двух типов непосредственно связаны с путями их диахронического развития. Только для единиц первого типа могут быть релевантны предлагавшиеся ранее универсальные сценарии грамматикализации глаголов речи. В статье также выдвигаются гипотезы о синтаксическом статусе причинных клауз, вводимых показателями двух типов, и указываются перспективные направления для их дальнейшего изучения.

Ключевые слова: грамматикализация, причина, причинные конструкции, чужая речь

Благодарности: Исследование поддержано грантом РНФ № 18-18-00472 «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология». Выражаю признательность В. В. Барановой, Ю. Бонемейеру, А. П. Выдрину, С. Ю. Дмитренко, Е. А. Забелиной, Н. М. Заике, К. Кавати, Т. А. Майсаку, Р. Г. Мамедшахову, Дж. Петерсону, В. А. Стегнию, Р. Фееру, М. Хёлиг, М. А. Холодиловой, В. С. Храковскому, анонимным рецензентам и редакции «Вопросов языкознания» за ценные замечания и/или помощь с данными отдельных языков. Любые ошибки и неточности остаются всецело на совести автора.

Для цитирования: Герасимов Д. В. О двух типах дицендиальных показателей причины (преимущественно на материале языков Евразии). *Вопросы языкознания*, 2022, 2: 7–29.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.7-29

On two types of dicendial causal markers (with a special focus on the languages of Eurasia)

Dmitry V. Gerasimov

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
dm.gerasimov@gmail.com

Abstract: Constructions involving speech act verbs are a well-known diachronic source of adverbial connectors, but the latter have so far received less attention in the literature compared to other common products of grammaticalization of verba dicendi, such as reportatives or complementizers. This paper focuses on dicendial causal markers in the languages of Eurasia. The majority of such elements fall into two distinct types (“saying / having said” and “if you / one say(s) why”), defined on the basis of their formal make-up, but clearly different in their positional and semantic properties as well. It is shown that the differences between the two types are directly linked to their diachronic origins. Previously proposed universal grammaticalization clines for speech act verbs can only be relevant

for the first type. The paper also puts forward hypotheses concerning the syntactic status of causal clauses introduced by markers of the two types and sketches prospective avenues for further language-specific research.

Keywords: causal clauses, grammaticalization, reason, reported speech

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 18-18-00472. I wish to express my gratitude to V. Baranova, J. Bohnemeyer, S. Dmitrenko, R. Feer, M. Höhlig, K. Kawachi, M. Kholodilova, V. Khrakovsky, T. Maisak, R. Mamedshakhov, J. Peterson, V. Stegniy, A. Vydrine, E. Zabelina, N. Zaika, the anonymous reviewers and the journal editors for their valuable comments and/or help with language data.

For citation: Gerasimov D. V. On two types of dicendial causal markers (with a special focus on the languages of Eurasia). *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 2: 7–29.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.7-29

1. Введение

Глаголы речи, *verba dicendi*, — распространенный источник грамматикализации в языках мира. На их основе развиваются показатели чужой речи, эвиденциальности и эпистемической модальности, комплементаризеры при широком классе матричных предикатов, подчинительные союзы цели, причины, условия и уступки, симплитивы и эквативы, различные дискурсивные маркеры ([Saxena 1988; 1995; Lord 1993: 151–213; Klamer 2000; Heine, Kuteva 2002: 261–267; Kuteva et al. 2019: 375–388] и др.). Настоящая статья посвящена дицендиальным (т. е. диахронически восходящим к конструкции с глаголом речи)¹ средствам выражения причины в языках Евразии. Большинство таких единиц в рамках данного макроареала относятся к двум основным структурным типам, которые можно проиллюстрировать следующими примерами из лезгинского языка²:

ЛЕЗГИНСКИЙ (нахско-дагестанские)

- (1) *bazar.di-n juğ ada-z, tars-ar awa-č luhu-z tak'an*
 воскресенье-GEN день он-ДАТ урок-PL быть-NEG говорить-IPFV.CNV ненавистный
xa-nwa-j
 становиться-PRF-PST

‘Он возненавидел воскресенья, потому что (в эти дни) не было уроков’ [Haspelmath 1993: 390].

- (2) *Birdan G'ezerdin.a waɥ.ra-l guɥzɥival awu-n akwazar-na,*
 вдруг Гезерчи(ERG) луна-SRESS наблюдение быть-MSR остановить-AOR
wuɥ.i-z laɣba-ŋ-tla ada-n fiqur masa kar.di wiɥ.e-l
 что-ДАТ сказать-PFV.PC-COND он-GEN мысль другой дело(ERG) сам-SRESS

jelb-na

привлекать-AOR

‘Незаметно Гезерчи перестал следить за луной, потому что его мысли заняло другое дело’ [Гайдаров и др. 2009: 446].

¹ Термин «дицендиальный» в данном значении характерен для отечественного монголоведения, но практически не употребляется за его пределами. На наш взгляд, это удобный ярлык, который заслуживает более широкого распространения.

² Сентенциальные примеры даны в орфографии или в транскрипции источника. При упоминании в тексте языковые единицы приводятся в латинской транскрипции, по возможности приближенной к МФА. У такого решения есть ряд минусов, но оно представляется оправданным для типологической статьи, которая опирается на большое количество источников, использующих различные подходы к репрезентации данных (иногда применительно к одному и тому же языку).

В примере (1) причинная клауза оформляется союзом *luhuz*, исторически представляющем собой имперфективное деепричастие от глагола ‘говорить’. В примере (2) указание на причину вводится при помощи конструкции, состоящей из вопросительного местоимения и формы условного наклонения того же глагола (букв. ‘почему если сказать’). Далее мы будем условно именовать показатели первого типа «деепричастными», а второго — «местоименными»; их более точная характеристика будет дана ниже. Хотя показатели двух выделенных типов часто сосуществуют в одном и том же языке, как это имеет место в лезгинском, они явно различаются по своим формальным и семантическим свойствам, причем различия эти напрямую связаны с историей их грамматикализации.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. После обзора релевантной литературы (раздел 2) мы последовательно рассмотрим формальные (раздел 3) и семантические (раздел 4) свойства интересующих нас единиц, фокусируясь на различиях между показателями «деепричастного» и «местоименного» типа. В разделе 5 мы обсудим историю грамматикализации показателей обоих типов, а в разделе 6 попытаемся указать на некоторые перспективные с типологической точки зрения направления для изучения дицдендиальных коннекторов в конкретных языках. Краткий итог подводится в заключительном разделе 7.

2. Существующие исследования

Среди возможных путей развития глаголов речи маркеры причины привлекли меньше внимания исследователей, чем комплементаризеры или дискурсивные показатели. Тем не менее, дицдендиальные причинные союзы не только приводятся в описаниях многих языков мира, но и неоднократно упоминались в качестве генетической или ареальной черты. Так, они указываются как типичные для индоарийских [Masica 1991: 402–403], тюркских [Johanson 1993: 240–241, 257], монгольских [Бертагаев 1953: 58; Пюрбеев 1979: 76–77; Даржаева 2020: 48], нахско-дагестанских [Майсак 2016: 592–593] языков, а также для таких ареалов, как Западная Африка [Lord 1993: 209], индийский субконтинент ([Saxena 1988; Coupe 2018: 201–202] и др.), Северный Кавказ [Абдуллаев 2010: 280; Arkadiev, Maisak 2018: 137–140] и шире, восточная периферия Европы [Kortmann 1997: 96].

Рассматривались интересующие нас единицы и в типологической перспективе. В [Heine, Kuteva 2002: 261] приводится путь грамматикализации SAY > CAUSE, иллюстрируемый данными лезгинского и бака (< убангийские < атлантико-конголезские). Во втором издании компендиума добавляются упоминания показателей в таких языках, как шаньтоский минь, сабинь (< нилотские) и табасаранский [Kuteva et al. 2019: 375]. В диссертации А. Мартович, посвященной, в частности, морфологической структуре и источникам грамматикализации маркеров подчинения, дицдендиальные причинные показатели отмечаются в четырех языках (лезгинский, тайский, гало, санго³) из сбалансированной выборки в 84 [Martowicz 2011: 131].

Неоднократно предпринимались попытки реконструировать универсальный путь грамматикализации глаголов речи, объясняющий развитие у их нефинитных форм функции причинного коннектора. Наиболее известна имплицативная иерархия, предложенная в [Saxena 1995: 351]:

³ При этом в санго (креольский язык на основе нгбанди (< убангийские)) причинный показатель *teneti*, по-видимому, восходит не непосредственно к глаголу речи, а к существительному со значением ‘речь, слово’. Кроме того, А. Мартович, видимо, неправильно проанализировала структуру тайского показателя *phrʷ wāa*, хотя входящий в его состав комплементаризер *wāa* действительно восходит к глаголу речи [Iwasaki, Ingkaphirom 2005: 259, 273].

(3) DIRECT QUOTE < SAY < KNOW < BELIEVE < WANT < PURPOSE, REASON < CONDITIONAL < COMPARATIVE MARKER

Согласно схеме (3), если дицендиальному показателю в некотором языке свойственна какая-то из приведенных на ней функций, то он должен употребляться и во всех функциях, перечисленных левее. Данное типологическое распределение объясняется универсальным сценарием грамматикализации: по гипотезе А. Саксены, форма глагола 'говорить' сперва употребляется в качестве маркера цитации при прямой речи, затем постепенно развивает функции комплементаризера при все более широком классе матричных предикатов (направление развития при этом следует «иерархии связанности» [Givón 1980]). Далее на базе комплементаризеров развиваются обстоятельственные союзы, сначала целевые и причинные, затем условные. Последними возникают употребления в качестве показателя сравнения. Существенно, что те же значения и в том же порядке развивают не только цитативы, образованные на базе глаголов речи, но и цитативы демонстративного происхождения [Saxena 1995: 360–363], такие как санскр. *iti* [Носк 1982]. Таким образом, отправной точкой процесса грамматикализации, отраженного в (3), служит не столько непосредственно лексическая семантика глагола речи, сколько способность вводить прямую речь⁴. Схожие шкалы грамматикализации, различающиеся в частных деталях, предлагались также в [Ebert 1991; Lord 1993; Chisarik, Wurff 2003] и др. (см. также [Martowicz 2011: 71]).

А. Саксена опирается на данные 38 языков, преимущественно из Южной Азии и Африки, в которых набор грамматических функций единицы с исходным значением 'say' или 'thus', по ее мнению, укладывается в приведенную иерархию. Схожие паттерны полисемии, подталкивающие к выводу об аналогичном пути развития, впоследствии были описаны для языков других ареалов, ср., в частности, [Serdobolskaya, Toldova 2011; Толдова, Сердобольская 2014] об уральских языках Поволжья: бесермянском удмуртском и луговом марийском. Так, примеры (4б–е) иллюстрируют различные функции удм. *š(u)sa*, исторически представляющего собой деепричастие от глагола *š(u)na* 'говорить' [Serdobolskaya, Toldova 2011: 286–287, 289]:

БЕСЕРМЯНСКИЙ ДИАЛЕКТ УДМУРТСКОГО

- (4) а. *mar pe ta?* — *š'ič'ə šu-e*
 что Q DEM лиса говорить-PRS.3SG

‘Что это?’ — **говорит** лиса’ (прямая речь, глагол в исходном лексическом значении).

⁴ В рамках настоящего исследования мы специально рассматриваем только показатели, возводимые к глаголу речи, несмотря на то что показатели, развившиеся из других источников, могут иметь очень схожую грамматикализационную историю. Кроме того, нас интересуют только показатели причины, менее изученные по сравнению с другими возможными результатами грамматикализации глаголов речи, такими как цитативы и комплементаризеры. Таким образом, фокус рассмотрения в статье уже, чем в большинстве работ, опирающихся на [Ebert 1991; Saxena 1995]. Одной из мотиваций такого сужения как раз является то, что в литературе функции, соответствующие различным стадиям схемы (3), обычно рассматриваются вместе и не всегда бывает понятно, к какому именно кругу употреблений относится то или иное утверждение. В то же время термин «показатель причины» мы трактуем достаточно широко, называя так любую сегментную единицу, способную выражать причинное значение, независимо от морфосинтаксического статуса, наличия других функций, положения соответствующих конструкций на шкале сочинения / подчинения и т. п. Вполне возможно, что отдельные выражения, упоминаемые в статье, недостаточно устоялись в языке в качестве средства выражения причины для того, чтобы их имело смысл признавать «показателями». Однако в рамках подобного пилотного исследования нам представляется важным охватить возможно больший круг потенциально релевантных данных. Хочется верить, что дальнейшие конкретно-языковые исследования, некоторые направления для которых намечены в разделе б, позволят уточнить в том числе и степень конвенционализации соответствующих единиц в тех или иных языках.

- б. *Vas'a vera-z brat-ez-lə, [soje žug-o-z šu-sa]*
 Вася говорить-PST.3 брат-P.3SG-DAT DEM.ACC бить-FUT-3 говорить-CNV
 'Вася сказал своему брату, **что** побьет его' (сентенциальный актант при предикате речи).
- в. *pi ě'akla-š'k-e [so baš'ŋ-o-z vit' šu-sa]*
 мальчик думать-DETR-PRS.3SG DEM получать-FUT-3 пять говорить-CNV
 'Мальчик думает, **что** получит пятерку' (сентенциальный актант при предикате мыслительной деятельности).
- г. *mon jara-t-iš'ko [so d'eš' mad'-e šu-sa]*
 я любить-CAUS-PRS DEM хорошо петь-PRS.3SG говорить-CNV
 'Мне нравится, **что** он хорошо поет' (сентенциальный актант при эмотивном предикате).
- д. *jul-e — avgust-e tin' turən dastiš'k-o-m n'i turən*
 июль-ILL август-ILL DEM сено готовить-FUT-1PL уже сено
[život-lə totalte med okm-o-z šu-sa]
 скот-DAT зимой OPT хватать-FUT-3 говорить-CNV
 'В июле-августе мы готовим сено, **чтобы** скоту на зиму хватило' (целевая обстоятельственная клауза).
- е. *parnik-ez... kal' uš'ti-m [val n'i pəš' šu-sa]*
 парник-ACC сейчас открывать-PST-1PL быть.PST уже жарко говорить-CNV
 'Мы открыли парник, **потому что** было уже жарко' (причинная обстоятельственная клауза).

Гипотеза об универсальном пути грамматикализации дицендиальных показателей была взята на вооружение (часто довольно некритически) многими авторами, писавшими о соответствующих единицах в конкретных языках. Однако она, особенно в варианте А. Саксены, подверглась жесткой критике со стороны Т. Гюльдемманна за игнорирование альтернативных путей развития, рассмотрение процесса грамматикализации в терминах единиц, а не конструкций, поверхностный учет материала африканских языков и неправомерное обобщение южноазиатского сценария, возникшего в результате специфического сочетания структурных, исторических и ареальных факторов [Güldemann 2008: 444–446]. В частности, те или иные значения, включая причинное, могут развиваться у цитативных показателей иными путями, минуя промежуточные стадии, предсказанные иерархией А. Саксены⁵. В качестве примера автор упоминает со ссылкой на [Lukas 1953] западносахарский язык дазага, где цитативный глагол *n* участвует в оформлении причинных клауз, но не целевых или актантных [Güldemann 2008: 466]. Следует отметить, что даже среди языков, непосредственно рассматриваемых в [Saxena 1995], далеко не во всех обнаруживается весь спектр употреблений, предсказываемых иерархией в (3); однако автор объясняет это пробелами в материале. Кроме того, есть вопросы к трактовке А. Саксеной данных некоторых языков, учитываемых на основании вторичных источников. Таким образом, несмотря на всю притягательность обсуждаемой гипотезы, вопрос о реальном распространенном пути грамматикализации от цитатива через комплементарзер к обстоятельственным союзам и его роли в дистрибуции дицендиальных маркеров в языках мира остается открытым. Для получения окончательного ответа на него требуется как более полное представление о соответствующем типологическом распределении, так и более детальный анализ материала конкретных языков. В рамках настоящей

⁵ Один из таких путей обсуждается в монографии [Pascual 2014: 88–91, 102–105], где маркирование причин при помощи дицендиальных показателей в некоторых языках Австралии и Новой Гвинеи рассматривается как результат конвенционализации конструкции с прямой речью.

статьи мы надеемся внести вклад в решение первой задачи и указать некоторые перспективные направления для решения второй.

Нами была предпринята попытка синтезировать накопленные сведения о причинных показателях дицендиального происхождения в глобальной типологической перспективе. В известной нам теоретической литературе содержатся упоминания о таких единицах более чем в 50 языках мира. Нам удалось расширить этот список, рассмотрев источники (грамматики, словари, сборники текстов, проблемные статьи) по примерно 300 языкам, образующим генетически несбалансированную, но ареально представительную конформную выборку. Далее для всех языков, в которых были так или иначе выявлены интересующие нас показатели, были дополнительно рассмотрены данные их ближайших «родственников» и «соседей». Таким образом к настоящему моменту удалось идентифицировать 230 стратегий кодирования причины, восходящих к конструкциям с глаголами речи, в 141 языке мира, что также позволило кратко описать повторяющиеся структурные типы дицендиальных причинных маркеров. В настоящей статье свойства двух наиболее частотных типов будут рассмотрены более подробно, преимущественно с опорой на данные языков Евразии — ареала, на который приходится большая часть выделенных стратегий (176 в 102 языках).

3. Формальное устройство и позиционные свойства

Упомянутые выше лезг. *luhuz*, удм. *šu(ə)sa* прозрачно возводятся к деепричастным формам глаголов речи в соответствующих языках. Аналогичные показатели обнаруживаются во многих других языках Евразии (а также за ее пределами), ср. тур. *dije*⁶, тат. *dip*, монг. *gedz*, венг. *mondva:n*, джуури *gufdire*, там. *enru*, тундр. юк. *monur* и др. Таковы же большинство дицендиальных показателей причины в языках Южной Азии, обсуждаемых в [Saxena 1988; 1995]. Это наиболее широко представленный формальный тип причинных показателей в наших данных. Далее мы будем называть такие показатели «деепричастными».

Общим для них является внешнее сходство (с точностью до некоторой фонетической редукции) с глагольной формой, способной оформлять зависимые клаузы со значением одновременности, (непосредственного) предшествования или сопутствующего действия. Такие формы подпадают под определение сравнительного концепта деепричастия, сформулированное в [Nedjalkov 1995: 97], хотя в описаниях конкретных языков они могут фигурировать под различными ярлыками. Так, в индологии интересующие нас формы обычно характеризуются как причастия; однако это лишь частная терминологическая традиция, связанная, по-видимому, с тем, что именно они выступают в аналитических конструкциях, служащих переводными аналогами европейских перфектов [Masica 2005: 108–110].

Во многих языках существует несколько деепричастных форм, способных выражать одно или более из перечисленных выше значений. От каких факторов зависит в таких случаях выбор формы речевого глагола, вступающей на путь грамматикализации, неясно. В языках с выраженным противопоставлением имперфектива и перфектива это может быть как имперфективное, так и перфективное деепричастие. Для языков лезгинской ветви нахско-дагестанской семьи характерно одновременное наличие двух дицендиальных показателей, восходящих к имперфективной и перфективной форме соответственно: лезг. *luhuz / lahana*, таб. *q'uri / dupnu*, агул. *Raj / puna*.

⁶ Обычно возводится к герундию от глагола *de-* ‘говорить’ ([Кононов 1953; Lewis 1967: 174–175; Göksel, Kerslake 2005: 462], *inter alia*). Альтернативная гипотеза, высказанная в [Sebüktekin 1971: 72], согласно которой *dije* исторически представляет собой форму оптативного причастия от того же глагола, не получила широкого распространения.

Агульский [Мерданова 2004: 159]

- (5) *mik'eldi a-dawa Raj šarf lik'.i-n-dawa gada-ji*
 холодно быть-NEG говорить.IPFV.CNV шарф надеть.PFV-PRF-NEG сын-ERG
 ‘Говоря / из-за того, что не холодно, шарф не надел сын’.
- (6) *uč.i-w pul fu-dawa p.u-na Ruš.u-n-dawa dad-a üĩ*
 сам-APUD деньги иметь-NEG сказать.PFV.CNV купить.PFV-PRF-NEG отец-ERG мед
 ‘Отец не купил мед, сказав / из-за того, что у него нет денег’.

В описаниях такие показатели приводятся как синонимичные, какие-либо семантические различия между ними не обсуждаются. С. Р. Мерданова отмечает, что в агульском *puna* в функции причинного коннектора значительно более употребительно, чем *Raj* [Там же: 158–159]; в то же время в грамматике [Haspelmath 1993] примеры приводятся только на *luhuz*, что может косвенно свидетельствовать о том, что в лезгинских материалах М. Хаспельмата, напротив, имперфективный вариант является более частотным. Было бы интересно более детально исследовать дистрибуцию дицендиальных коннекторов в различных лезгинских языках.

В языках, оформление зависимых предикатов в которых чувствительно к переключению референции, причинные показатели обычно развиваются из форм, способных выступать в односубъектных конструкциях. Такова, например, ситуация в юкагирских языках [ODKY: 10.21; Schmalz 2013: 290]. В пределах Евразии нам не удалось обнаружить случаи, когда причинные клаузы, развившиеся из таксисных клауз с глаголами речи, унаследовали бы от последних противопоставление по одно- / разносубъектности, однако подобные конструкции представлены в языке мацес пано-таканской семьи [Fleck 2003: 1119].

В большинстве случаев показатели рассматриваемого типа непосредственно присоединяют финитную клаузу со значением причины. Явные исключения представлены в тувинском и туркменском, где исходные деепричастия от глагола речи (*teef* и *dij(i)p* соответственно) развились в послелогии, присоединяющие именную группу или номинализованную клаузу (см. пример (10) ниже). При венг. *mondva:n* опционально употребление комплементаризера *hoj*⁷. Также в ряде дравидийских языков показатель, восходящий к деепричастию от генерического глагола речи (<*en-), может вводить причинную клаузу как самостоятельно, так и в сочетании с деепричастием от более специализированного глагола, обычно переводимого в англоязычных источниках как ‘tell’, ср. каннада *anta* (*he:li*), малаялам *ennu* (*paraṅṅu*), там. *enru* (*solli*). В литературе это обычно рассматривается как две реализации одной конструкции, в которой второй элемент является факультативным, см., напр., [Subbāṅāo 2012: 198]. Однако более вероятной кажется иная трактовка: двучленные выражения представляют собой показатели деепричастного типа, развившиеся из TELL-глаголов, а форма SAY-глагола в их составе представляет собой комплементаризер (в отличие от SAY-глаголов, дравидийские TELL-глаголы не могут вводить цитату без посредства служебного элемента). Среди индоарийских языков показатели, содержащие комплементаризер, представлены в дакхни (*bol ke*) и в языках бихари (предположительно дицендиальный *kahe-ki*⁸).

За исключением венг. *mondva:n*, выявленные нами причинные коннекторы деепричастного типа относятся к языкам с преобладающим порядком слов OV⁹. В соответствии

⁷ В венгерском также возможна комбинация *mondva:n* со специализированным причинным союзом *mert* или *merthoj* [Dömötör 2015: 32]. А. Дёмётёр считает такие употребления инновацией разговорного языка.

⁸ Возводится к *kahe ki* <say-LNK?/-SUBV.3SG? COMP> для садри в [Peterson, Baraik, in press: 294], однако кажется также возможным связать первый компонент с причинным местоимением.

⁹ Не вполне ясно, в какой степени это может быть связано с большей предрасположенностью OV-языков к развитию отглагольных коннекторов, а в какой — с более широким распространением порядка OV в Евразии. За пределами этого макроареала препозитивные дицендиальные показатели причины деепричастного типа встречаются, например, в нилотских языках сабинь [Kawachi 2012: 119–120] и лопит [Moodie, Billington 2020: 388, 424] (оба VSO).

с типологическими ожиданиями, почти все они располагаются в постпозиции к вводимой ими причинной клаузе. Исключение составляет упомянутый выше показатель в садри.

Совершенно иначе устроено лезгинское выражение *wufiz lahajt'a* (проиллюстрированное выше в (2)), к которому тоже обнаруживается множество параллелей в различных языках: адыг. *səd-a p'-'e-me*, чув. *mën-fën te-sen*, кор. *wə-ŋja-ha-mjɒn*, неп. *kinl-bʰɒn-e*, тхакали *tálan' pi³-janse* и др. В составе таких единиц четко выделяется два компонента: вопросительное местоимение причины ('почему') и некоторая форма глагола речи, способная выступать в протазисе условных конструкций. Эти компоненты выражения могут сохранять свой исходный облик, а могут подвергаться редукции, вплоть до стирания границы между ними и утраты аналитизма, ср. лак. *tsantfirtfa(n)* 'потому что' < *ts-i-w-an utfir-tfa(n)* <что-ш-делать-INF говорить-COND.CNV> [Казенин 2013: 247]. По характеру первого компонента мы далее будем условно называть такие средства выражения причины «местоименными».

Несмотря на разительное сходство между «местоименными» причинными показателями разных языков, их формальное устройство демонстрирует значительное варьирование. В большой степени это связано с варьированием в структуре соответствующих вопросительных слов и с разнообразием форм и конструкций, используемых в условных клаузах. Вопросительные местоимения, входящие в состав причинного показателя, могут быть морфологически непроеизводными, совпадать с генерическим предметным местоимением 'что', либо восходить к его сочетанию с падежным аффиксом или адлогом, иметь в своем составе интеррогативный показатель и т. п. В некоторых языках такие вопросительные слова представляют собой нефинитные формы от местоименного глагола 'что делать' (такова ситуация в монгольских и — вероятно, в результате контактного влияния последних — в сойотском [Рассадин 2012: 55]), либо восходят к сочетанию предметного местоимения с формой вспомогательного глагола (чаще всего 'делать'; ср. этимологию лак. *tsantfirtfa(n)* выше). В случае калм. *juŋ-g-ad gix-le* <что-говорить-CNV говорить-PFV.CNV> в качестве такого вспомогательного глагола выступает собственно *gi-* 'говорить', рефлекс которого, таким образом, присутствует в структуре показателя дважды [Павлов 2000: 275]. В состав местоименного компонента может также входить цитативная частица, как в бект. *sud-l'o niso-da* <что-quot говорить-COND> [Комри и др. 2005: 436].

Поскольку инвентарь вопросительных местоимений причины обычно насчитывает несколько единиц и склонен к относительно быстрому обновлению, в одном языке могут сосуществовать несколько вариантов причинного показателя с различными компонентами. Так, в литературном лезгинском помимо *wufiz lahajt'a* также имеется синонимичное выражение *kyz lahajt'a*, отличающееся супплетивным вариантом косвенной основы вопросительного местоимения (см. [Haspelmath 1993: 192]); кроме того, во многих диалектах существуют свои показатели, образованные по той же модели, но включающие диалектное местоимение (Р. Г. Мамедшахов, л. с.). Сравнимую вариативность в выборе первого компонента обнаруживают дицендиальные средства выражения причины в бурятском [Пюрбеев 1979: 76; Даржаева 2001: 77] и в дардском языке шина [Bailey 1924: 72].

Второй, глагольный компонент рассматриваемых показателей также бывает устроен по-разному; опять же, в одном языке могут сосуществовать несколько коннекторов, различающихся формой глагола речи. Это может быть как генерическое деепричастие, так и специализированная форма с условным значением. Примечательно, что в цахурском из двух основных суффиксов кондиционалиса в местоименном показателе причины *n'aɖas uwɬ-e*: <почему говорить-NCND> используется более специальный, выражающий гипотетическое условие. В сарыкольском и удмуртском фигурируют сочетания глагола речи с препозитивным условным союзом¹⁰. Как и в случае деепричастных показателей, в языках с противопоставлением по (им)перфективности может использоваться форма как с той,

¹⁰ В сарыкольском условный союз *tsa* может употребляться как пре-, так и постпозитивно [Kim 2017: 283], однако местоименный причинный показатель в цитируемой диссертации приводится только с расположением союза между местоимением и глаголом.

так и с другой аспектуальной характеристикой, однако можно говорить о тенденции к употреблению перфектива; в частности, именно перфективные формы употребляются в обсуждавшихся выше лезгинских языках.

В языках с развитым лично-числовым согласованием форма глагола речи в составе местоименного причинного коннектора часто содержит показатель 2-го лица. В ряде кыпчакских тюркских языков наблюдается варьирование между немаркированной по лицу формой кондиционалиса (которую можно интерпретировать как форму 3-го лица), формой 2SG и формой 2PL. В некоторых из них, например в кумыкском, к этому набору добавляется еще форма 1PL (*ne-ge de-se-k* <что-ДАТ говорить-COND-1PL>) [Абдуллаева и др. 2014: 498]. К сожалению, известные нам работы никак не комментируют распределение подобных вариантов. Можно предположить, что форма 2SG исходно используется при обращении к одному собеседнику, а форма 2PL — при обращении к нескольким, при этом по мере конвенционализации сочетания идет постепенная нейтрализация в пользу первого варианта. Доступные текстовые данные (в частности, [АККЯ]) в целом укладываются в эту гипотезу, однако их слишком мало для уверенных выводов. Схожее варьирование в числе наблюдается также в тундрном юкагирском (где 1/2-е лицо противопоставлено 3-му), при этом примечательно, что в отличие от упомянутого выше показателя деепричастного типа (*mon-ur* <говорить-CNV.SS>), в показателе местоименного типа используется разнособъектная зависимая форма глагола речи (*quodi:r mon-ul-yane / mon-l-aqane* <почему говорить-GER-1/2SG.DS / говорить-GER-1/2PL.DS>) [Schmalz 2013: 229].

В шина [Bailey 1924: 72; Bashir 1996: 245; Rajapurohit 2012: 137] и куртопском [Hyslop 2017: 338–339, 408–409] представлены причинные показатели (как деепричастного, так и местоименного типа), образованные от глаголов с исходным значением ‘делать’. Поскольку появление этих показателей, по всей видимости, связано с развитием у данных глаголов речевого значения (такое семантическое расширение вообще характерно для языков гималайского региона, особенно его северо-западной части [Bashir 1996]), мы относим их к дицендиальным. В родственном куртопскому языку цангла наряду с «обычным» выражением местоименного типа *hang-ya dak-nyi.la* <что-Q говорить-COND> встречается аналогичный по структуре (и семантике) показатель, содержащий глагол ‘делать’: *hang-ya a-nyi.la* <что-Q делать-COND> [Andvik 2010: 284–285]. В этом свете некоторую загадку представляет собой причинный показатель *nən n-oh-ən* <что/почему 2SG-??-REAL> в малоизученном изолированном языке кусунда (Непал) [Watters et al. 2006: 147]. Структурно он полностью изоморфен рассматриваемым в этом разделе дицендиальным показателям местоименного типа, однако неясно, от какого глагола он образован.

Второй (глагольный) компонент местоименных показателей может в отдельных случаях подвергаться более сложному парафразу, что свидетельствует о слабой степени грамматикализации соответствующей конструкции и осознании носителями буквального значения ее компонентов. Так, в адыгейском широко распространен причинный показатель *səd-a p'-ʔ^me-me* <что-Q 2SG-говорить-COND>, однако в готовящемся к изданию адыгейском переводе Ветхого Завета стих Суд. 4:9 выглядит следующим образом (Р. Феер, л. с.):

(7) АДЫГЕЙСКИЙ (абхазо-адыгские)

<i>Сыд-а</i>	<i>п-Ю-у</i>	<i>у-кьэ-упчІэ-мэ,</i>	<i>Зиухъаны-м</i>	<i>Сисарэ</i>
что-Q	2SG.A-говорить-ADV	2SG.ABS-DIR-спрашивать-COND	Господь-ERG	Сисара
<i>зы-ІэмьчІэ</i>	<i>Ø-р-и-лхъа-цты-р</i>	<i>бзыльфыгъэ-р</i>	<i>а-ры-шь</i>	<i>а-ры.</i>
REL-кулак	3SG.ABS-DAT-3SG.A-класть-FUT-ABS	женщина-ABS	ТОТ-COP-REAS	ТОТ-COP

‘{Но путь, которым ты пойдешь, не приведет тебя к славе.} Потому что Господь отдаст Сисару в руки женщины’ (букв. ‘Если спросишь, говоря «почему», это потому, что тот, кому Господь положит в кулак Сисару, женщина’).

Аналогично устроен др.-уйг. показатель *ne ytfyn ti-p ti-ser* <что для говорить-CNV говорить-COND>. Схожие перифрастические конструкции приводятся в [Weier 2003: 262] для могольского.

Дицендиальные причинные показатели местоименного типа резко отличаются от деепричастных коннекторов по своим позиционным свойствам: они неизменно предшествуют вводимой ими причинной клаузе (которая, в свою очередь, располагается после клаузы следствия), даже в языках, для которых препозитивные подчинительные союзы нехарактерны. Причинная клауза обычно имеет финитный морфосинтаксис, хотя в адыгейском показатель местоименного типа может сочетаться с глагольной формой, уже маркированной причинным суффиксом.

4. Семантика

Описательные грамматики редко уделяют место обсуждению конкретных оттенков причинного значения, выражаемых тем или иным показателем. Тем не менее, представляется возможным сформулировать некоторые предварительные наблюдения. С точки зрения семантики два выделенные выше типа дицендиальных показателей оказываются противопоставлены почти столь же явно, как и в формальном отношении.

Прежде всего бросается в глаза полифункциональность показателей, восходящих к деепричастию от глагола речи. Помимо клауз с семантикой причины, они часто вводят целевые клаузы, сентенциальные актанты, чужую речь и т. п. (см. бесермянские примеры (4) выше), что хорошо укладывается в гипотезу А. Саксены о стадийном развитии. К сожалению, типологическое сопоставление паттернов полифункциональности затрудняется тем, что показатели разных языков описаны в этом отношении с разной полнотой.

Полифункциональность обсуждаемых единиц может приводить к неоднозначности конструкций с ними (ср. переводы агульских предложений (5)–(6) выше). Д. Матич и Б. Пакендорф [Matić, Pakendorf 2013: 376] для иллюстрации причинного значения кол. юк. *mon-ut* приводят следующий пример, взятый из [ODKY: 15.45]:

- (8) КОЛЫМСКИЙ ЮКАГИРСКИЙ
Tabun-gələ pulun-de: ta:t ibil'e:-l'əl tude terikə-gələ kude-de-gə
 тот-ACC старик-DIM так плакать-EV[3SG] он.POSS старуха-ACC убить-TR-CNV.DS
mon-ut.
 говорить-IPFV.CNV.SS
 ‘Старик заплакал, потому что они убили его жену’.
 (‘The old man started crying because they had killed his wife.’)

Однако предлагаемое прочтение не учитывает контекст: по сюжету сказки, старик сам ранее убил свою жену, а в описываемой сцене пытается обвинить в ее смерти дочерей соседа. Таким образом, буквальный перевод (‘...говоря, что они убили его жену’) представляется более адекватным¹¹.

При этом непосредственно в сфере причинных отношений употребление таких показателей представляется ограниченным. Так, по поводу лезгинского М. Хаспельмат пишет (перевод наш): «*luhuz / lahana* выражает скорее внутреннюю субъективную мотивацию, чем объективную причину, что отражает исходное значение ‘говоря / сказав’» [Haspelmath 1993: 390]. Схожие наблюдения высказывались различными авторами и относительно аналогичных единиц в других языках. К сожалению, в описаниях подавляющего большинства рассмотренных в этой статье языков данный вопрос никак не поднимается. Нам не удалось найти бесспорных примеров использования дицендиальных показателей деепричастного типа для выражения объективных причинно-следственных отношений, однако

¹¹ Впрочем, в текстах [ODKY] есть как минимум пять бесспорных примеров на причинное значение *mon-ut*.

следует иметь в виду, что иллюстративному материалу описательных грамматик вообще свойственно сильное преобладание примеров с контекстами субъективного мотива / повода.

Некоторые деепричастные показатели имеют еще более узкую семантику, будучи специализированы для выражения санкции, как в случае тувинского послелога *teef*:

(9) Тувинский (тюркские) [Шамина 2001: 169]

Ном номча=ан=ы дэ-эи моол-дар колдуунда кадак
книга читать-PC.PST=3POSS говорить-CNV монгол-PL в.основном кадак

тудар бол-ган, чамдык өг-лер ланшаа=да бэ-эр=ле.
делать быть-PC.PST некоторый семья-PL ланшаа=ADD давать-PC.FUT=EMPH

‘За то, что прочитал молитву, монголы в основном дарят кадак, некоторые дают ланшаа¹²’.

Совершенно иное распределение демонстрируют показатели местоименного типа. С одной стороны, для них не засвидетельствовано употреблений вне сферы причины. С другой, они способны выражать широкий спектр причинных отношений, не ограничиваясь контекстами субъективного мотива / повода, ср. библейские примеры (10)–(12) с неодушевленным субъектом в первой клаузе:

(10) Непальский (индоарийские < индоевропейские)

bhūmi-mā ē'uṭai pani vanaspti thi'ēna,
земля-LOC тот.же еще растение быть.PST.3SG.NEG

ra bhūmi-mā kunai ghās-pāt pani umrēkō thi'ēna,
и земля-LOC который.EMPH трава-лист еще расти.PFV.PC быть.PST.3SG.NEG

kina-bhanē paramaprabhu parmēśvar-lē pṛthvī-mā pānī
почему-говорить.PFV.CNV Господь Бог-ERG земля-LOC вода

bars-āu-nu-bhaēkō thi'ēna ra bhūmi
литься-CAUS-INF-быть.PFV.PC быть.PST.3SG.NEG и земля

khan-jōt gar-na kunai mānis pani thi'ēna.
копание-пахота делать-INF который.EMPH человек еще быть.PST.3SG.NEG

‘Не было на земле растений, и не росло на земле полевой травы, ибо Господь Бог не послал дождя на землю и не было на земле человека для возделывания земли’. (Быт. 2:5)

(11) Кокборок (сал < сино-тибетские)

...twi aphaḥ bai rung didag-wi tong kha
вода волна INS лодка шататься-CNV быть PRF

tam-ni hwm khe nokbar pail cha ya khe sib-chajak
что-GEN сказать ADV ветер встречный хорошо NEG ADV дуть-AUX

‘...лодку било волнами, потому что ветер был противный’. (Мф. 14:24)

(12) Чеченский (нахско-дагестанские)

Эцца-хь чоГIа мохк б-ег-ийра, хIунда аьл-ча
туда-LOC сильно земля VI-дрогнуть-WPST почему говорить-CNV

Везачу Эл-ан малик, стигал-ара охьа а д-оьсс-ина
святой князь-GEN ангел небо-AVL вниз и IV-спускаться-PRF

къубба-нна дуьхьал б-илл-ина болу тIулг
гробница-DAT напротив VI-открывать-PRF VI-REL камень

дIа а карч-ийна, цунна тIе охьа-хи-ира.
в.сторону и катить-PRF 3SG.DAT на вниз-сесть-WPST

‘И случилось тогда сильное землетрясение, ибо Ангел Господень спустился с небес, подошел к гробнице, откатил камень от входа и сел на него’. (Мф. 28:2)

¹² Кадак (хадак) — буддийский церемониальный шарф, часто преподносимый в качестве торжественного подарка; ланшаа — угощение.

Тем не менее, и для показателей данного типа можно предположить свою специфику, связанную, однако, не с разновидностями выражаемого каузального значения, а с функцией в дискурсе. Такие показатели вводят постпозитивные клаузы, содержащие новую (или, по крайней мере, нетопикальную) информацию и выступающие в качестве обоснования ранее сделанному утверждению или побуждению. Обращает на себя внимание тот факт, что местоименным причинным показателям тюркских, нахско-дагестанских и абхазо-адыгских языков в параллельных русских текстах часто соответствуют дискурсивные частицы типа *ведь* или *же* — либо вообще не соответствует никакого выраженного показателя.

5. Пути развития

В качестве одной из иллюстраций предполагаемого универсального пути развития от конструкции передачи речи к причине / цели и далее к сравнению А. Саксена приводит следующие примеры из неварского языка [Saxena 1988: 378 ff.; 1995: 358–359]:

(13) НЕВАРСКИЙ (гималайские < сино-тибетские)

а. *wə tay-a-a juju-yatə təskə maya won-a-a chə-ḥ chuye*
 то слышать-PC-NF царь-DAT очень забота прийти-PC-NF ты-ERG ничего
dhənnə ka-e-məthe chən-tə jim-sə balākə swo-e
 беспокоиться брать-NF-PRON ты-DAT мы-ERG очень.хорошо смотреть-NPC
dha-k-a-a dhal-ə
 говорить-CAUS-PC-NF говорить-DPST

‘Услышав это, царь сделался очень заботлив и сказал: «Ни о чем не беспокойся, мы очень хорошо о тебе позаботимся»’ (цитатив, вводящий прямую речь).

б. *ram-ḥ saroj cələk dha-k-a-a dhal-ə*
 Рам-ERG Сародж умный говорить-CAUS-PC-NF говорить-DPST

‘Рам сказал, **что** Сародж умен’. (сентенциальный актант при предикате речи)

в. *prezident-ḥ ləḍai mḍ-jwima dha-k-a-a əsa yat-ə*
 президент-ERG война NEG-случаться говорить-CAUS-PC-NF надежда делать-DPST

‘Президент надеется, **что** войн больше не будет’ (сентенциальный актант при предикате мыслительной деятельности).

г. *wə pya wən-e dha-k-a-a lə phil-ə*
 тот вовне идти-INF говорить-CAUS-PC-NF одежда носить-DPST

‘Он оделся, **чтобы** выйти’ (целевая клауза).

д. ...*chi-pi cho-mho murkho kho chae-dha-e-sa tho dhorohora*
 ты-PL один-CL дурак COP почему-говорить-INF-COND это башня
mə-khu
 NEG-COP

‘...один из вас дурак, **потому что** это не башня’ (причинная клауза).

е. *chə ji-tə kāpi byu-sa dha-k-a-a ji chə-tə kalam byu-i*
 ты я-DAT копия давать-COND говорить-CAUS-PC-NF я ты-DAT перо дать-DPST

‘**Если** ты дашь мне копию, то я дам тебе ручку’ (условная клауза).

ж. *sita dha-k-a-a ram tər-i*
 Сита говорить-CAUS-PC-NF Рам высокий-DPST

‘Рам выше, **чем** Сита’ (стандарт сравнения).

Согласно гипотезе, суммированной в схеме (3), примеры (13а–ж) отражают последовательные этапы единого диахронического процесса. Однако обращает на себя внимание

(13д): если в остальных примерах фигурирует дицендиальный элемент, восходящий к деепричастной форме¹³, то причинный показатель *chae-dha-e-sa* <почему-говорить-INF-COND> имеет очевидно отличное устройство. Конструкция, представленная в (13д), никак не может диахронически восходить к какой-либо из структур, проиллюстрированных в примерах (13а–г), равно как и служить отправной точкой для развития условной конструкции в (13е) или компаратива в (13ж).

Дицендиальные причинные показатели, отнесенные выше к деепричастному и местоименному типам, своим появлением, очевидно, обязаны различным путям развития. Каковы эти пути?

Не приходится сомневаться в том, что причинные клаузы с дицендиальными показателями деепричастного типа восходят к конструкциям передачи речи. Вопрос в том, проходит ли такое развитие через некоторые обязательные промежуточные стадии, согласно сценариям, предложенным в [Ebert 1991; Saxena 1995] и др., или же оно может происходить более непосредственно, как предполагается в [Güldemann 2008; Pascual 2014]. Наблюдаемые исключения из имплицативной иерархии (3) показывают, что соответствующий путь диахронического развития не может быть универсальным. Более того, преобладание «конформных» языков тоже не свидетельствует в пользу его широкого распространения: тот факт, что в языках мира дицендиальные маркеры реже вводят причинные клаузы, чем сентенциальные актаны, может быть связан не с развитием первых из вторых, а с большей когнитивной дистанцией, отделяющей первые от чужой речи: образно выражаясь, их развитие из этого источника предполагает более длительное движение, но необязательно в ту же сторону. Начальным этапом такого движения могут служить конструкции, в которых вслед за описанием действия или решения некоторого индивида цитируется его собственное пояснение мотивов этого действия или решения. В русском языке в такой функции употребляются многие ксенопоказатели [Ярыгина 2016], в том числе такие, для которых появление вместе с неречевыми матричными глаголами нехарактерно:

- (14) а. *И тут же, немного подумав, он заявил, что дальше не пойдёт: ему, **видите ли**, нужно произвести тут кое-какие исследования...* [НКРЯ: А. П. Хейдок. Храмы (1924–1934)]
- б. *А на следующий день подполковник вызвал его к себе и попросил переписать рапорт: **дескать**, ты же из обрезка выстрелил, теперь ничего не докажешь.* [НКРЯ: Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)]
- в. *Запретить продажу сигарет женщинам до 40 лет предложил Иван Никитчук, депутат Государственной думы от КПРФ, — это, **мол**, влияет на здоровье будущего ребенка.* [НКРЯ: Наталья Радулова. Предотвращение порока // «Огонек», 2014]

В то же время нельзя полностью исключить того, что в каких-то языках дицендиальные показатели причины действительно развиваются по реконструируемому А. Саксенной пути, отдельные звенья которого надежно засвидетельствованы кросс-лингвистически. Более детальное изучение свойств различных конструкций в отдельных языках может помочь установить диахронические связи между ними (некоторые соображения см. в следующем разделе).

Что касается дицендиальных показателей местоименного типа, то они возводимы к паратактической конструкции, которую в наиболее полном виде можно условно представить следующим образом (квадратными скобками показаны опущенные элементы):

¹³ Форма на *-a*:, которую А. Саксена анализирует как *-a-a* <-PC-NF>, в [Королев 1989: 86, 90–91] описывается как предикативно-обстоятельное деепричастие, а *dhaka*: — как союз деепричастного происхождения [Там же: 100].

(15) Р. Если ты скажешь: «Почему [P?», то я скажу: «Р, потому что] Q»¹⁴.

Любопытно, что структурно схожая конструкция, хотя и без участия глагола речи, вновь обнаруживается в русском языке¹⁵:

(16) а. *Вот я: сколько времени за ворота не выхожу — а почему — потому знаю, что только потоль я и жива.* [НКРЯ: М. Е. Салтыков-Щедрин. Пестрые письма (1884–1886)]

б. — *Они скоро приедут? — спросил Сережа. И удивился и огорчился, узнав, что не скоро, дней через семь, а то и больше — а почему, потому что ребенок должен привыкнуть к маме, в больнице его к ней приучат.* [НКРЯ: В. Ф. Панова. Сережа (1955)]

в. *Автовазом рулит иностранец, его там носят кто как может, а почему, потому что сократил такое количество людей, а почему сократил, потому что кушают свой хлеб за зря.* [auto.mail.ru (2014)]

Существенно, что, как и в случае деепричастных показателей, перед нами конструкция передачи речи. Однако здесь цитируется не речевой акт дискурсивного референта, содержание которого может быть переосмыслено как причина осуществляемых им действий, а некоторый гипотетический обмен речевыми актами непосредственно между говорящим и адресатом. Говорящий предугадывает возможный вопрос собеседника, сам озвучивает его и дает на него свой ответ. Соответственно, развитие причинных показателей местоименного типа представляет собой яркий случай «монологизации» — постепенного приспособления единиц, изначально ориентированных на структуру диалога, к выполнению монологических функций [Sansò, in press]. Применительно к этому процессу сложно говорить о грамматикализации глагола речи, подобной той, которая сопровождает развитие показателей деепричастного типа. В последнем случае глагольная форма подвергается десемантизации, которая проявляется в ее способности выступать в контекстах, не имеющих непосредственной связи с передачей речи. Однако как в конфигурации типа (15), так и в возникающих на ее основе конструкциях с местоименными показателями денотатом дигендиального предиката является гипотетический речевой акт, относящийся к текущей коммуникации говорящего и адресата.

Каковы мотивирующие факторы диахронического процесса монологизации, приводящего к появлению причинных показателей местоименного типа? Как кажется, ключ к ответу на этот вопрос кроется в нетривиальных позиционных свойствах последних. Как отмечалось выше в конце раздела 3, показатели данного типа обнаруживаются в левоветвящихся языках, которым свойственны препозиция зависимой клаузы и конечное положение маркера подчинения внутри нее, однако сами эти показатели вводят постпозитивные причинные клаузы, в которых занимают начальную позицию (ср. разный порядок элементов в лезгинских примерах (1) и (2) выше). Одной из основных функций причинных конструкций в дискурсе (особенно в устном диалоге) является подкрепление ранее сделанного потенциально проблемного утверждения, способного вызвать непонимание или возражения адресата [Altenberg 1984: 67–68; Ford, Mori 1994; Diessel, Hetterle 2011; и др.]. При таком употреблении клауза, содержащая указание на причину,

¹⁴ В некоторых частно-языковых описаниях показатели местоименного типа членятся иначе и для них восстанавливается несколько отличная паратактическая конструкция (ср. [Гаджиев 1963: 152] для лезгинского, [Hildebrandt 2004: 110] для манангба). Допуская в принципе такую возможность, отметим, что именно структура в (15) наилучшим образом соответствует наблюдаемому распределению показателей лица, переключения референции, цитатива, гипотетичности в местоименных показателях тех языков, которые маркируют такие различия.

¹⁵ Мы благодарны Т. А. Майсаку, обратившему наше внимание на подобные русские примеры.

располагается после клаузы-следствия, иногда даже будучи отделена от нее репликой собеседника, и имеет признаки самостоятельного предложения и даже речевого акта. С этим в значительной степени связана хорошо известная типологическая предрасположенность причинных клауз к постпозиции и к финитному / сбалансированному оформлению, отличающая их от многих других типов обстоятельственных конструкций [Diessel 2001, 2005; Cristofaro 2003: 168 ff.; Diessel, Hetterle 2011: 26–30; Hetterle 2015: 124–126, 173–180]. В языках с канонической препозицией зависимых соответствующее построение дискурса в принципе может обеспечиваться при помощи правой экстрапозиции причинной клаузы, однако нередко используются специализированные причинные показатели, вводящие постпозитивные клаузы в функции подкрепления, типа японского *datte* [Diessel, Hetterle 2011: 42–43]. Дицендиальные причинные показатели местоименного типа как раз и представляют собой распространенный вид таких специализированных средств. Их появление в языках с преимущественным левым ветвлением служит заполнению важной функциональной лакуны.

Уточнение деталей и возможных промежуточных этапов процесса монологизации, в ходе которого развиваются причинные показатели типа лезг. *wufiz lahajt'a* или неп. *chaedhaesa*, требует дальнейших частноязыковых и сопоставительных исследований. Однако в любом случае этот диахронический процесс совершенно отличен от сценариев развития деепричастных маркеров типа лезг. *luhuz / lahana* или неп. *dhaka*: и обсуждавшиеся в литературе универсальные пути грамматикализации дицендиальных показателей для него нерелевантны.

6. Перспективы дальнейшего изучения дицендиальных показателей причины в отдельных языках

Описательные грамматики, на данные которых преимущественно опираются масштабные типологические исследования, крайне редко уделяют внимание особенностям синтаксиса и семантики отдельных типов зависимых клауз. Ниже мы постараемся кратко очертить некоторые перспективные направления дальнейшего изучения конструкций с дицендиальными причинными показателями в конкретных языках. Хотя любой причинный показатель в принципе может быть охарактеризован по большому количеству синтаксических и семантических параметров, некоторые из этих параметров представляют особый интерес в случае дицендиальных показателей деепричастного и/или местоименного типа, в частности для определения степени их грамматикализации и проверки гипотез, связанных с их диахроническим развитием.

Для показателей деепричастного типа большой интерес представляет вопрос о возможности выражения ими значения объективной причины. Судя по имеющимся данным, такие употребления скорее нехарактерны, однако развитие такой функции на продвинутом этапе грамматикализации вполне представимо. (Следует также иметь в виду, что данные описательных грамматик и сборников устных текстов часто содержат перекося в сторону контекстов субъективной причины). То же самое касается вопроса о способности к выражению эпистемической и иллокутивной причины [Sweetser 1990]. Также желательнее более детальное изучение моделей полисемии / полифункциональности для выяснения того, какие из контекстов, предсказываемых иерархией (3), обслуживаются дицендиальными маркерами и какие еще сходства и различия характеризуют соответствующие конструкции. Подобное исследование должно опираться на эксплицитные критерии разграничения различных типов конструкций в изучаемом языке.

Конфигурация вида «Р, говоря Q», к которой в конечном итоге восходят причинные конструкции с деепричастными показателями, имеет двоякую природу. С одной стороны, ее можно рассматривать как односубъектную таксисную конструкцию с главной («Р»)

и зависимой («говоря Q») частью. С другой, это конструкция передачи речи, в которой выделяются матричный («P, говоря») и цитируемый («Q») компоненты. В [Spronck, Nikitina 2019] аргументируется точка зрения, согласно которой такие структуры в языках мира обладают специфическими свойствами, не сводимыми к свойствам более общих грамматических механизмов, таких как подчинение, и образуют особый синтаксический домен. Представляется интересным проверить, насколько та или иная конструкция с депричастным маркером сохраняет черты таксисных клауз и конструкций передачи речи. Первая часть задачи сводится к поиску таких синтаксических свойств рассматриваемой конструкции, которые отличали бы ее от других типов причинных конструкций в том же языке, но сближали бы с депричастными клаузами одновременности и/или предшествования. Одним из направлений поиска может быть степень синтаксической интеграции двух клауз [Freu 2016]. Вторая часть заключается в проверке на наличие характерных свойств цитативных конструкций, перечисленных в [Spronck, Nikitina 2019: 129–140]. Это такие параметры, как выбор интерпретации местоимений и других шифтерных единиц (возможность / обязательность т. н. «индексикального сдвига» ([Deal 2020] и цит. лит.), возможность употребления дискурсивных маркеров, свойственных прямой речи, выбор перспективы говорящего и/или участника главной клаузы при интерпретации маркеров эпистемической модальности, оценочных идиом, предикатов личного отношения и т. п. (см. также [Charnavel 2019]). Индексикальный сдвиг много изучался в контексте цитативов и дицендиальных комплементаризеров, однако причинные клаузы с дицендиальными маркерами до сих пор мало привлекались к рассмотрению; можно упомянуть [Yıldırım Gündoğdu 2017] о тур. *dije* и [Толдова, Сердобольская 2014] о луг. мар. *manən*. Примечательно, что для авторов последней работы именно предпочтения в выборе дейктической vs. анафорической стратегии употребления местоимений служат одним из основных критериев для выделения классов конструкций с *manən* и установления диахронических связей между ними.

Что касается причинных конструкций с показателями местоименного типа, то их происхождение из паратактических структур подталкивает к постановке вопроса о степени интеграции двух клауз. Неслучайно авторы ряда грамматик, опираясь преимущественно на интонационное оформление и возможность независимого употребления причинной клаузы, отмечают слабую связь между частями конструкции и/или предлагают считать ее сочинительной. Более перспективной представляется гипотеза, согласно которой причинные клаузы, вводимые показателями местоименного типа, являются «синтаксическими сиротами» [Haegemann 2009]: они составляют самостоятельный речевой акт и никак не интегрированы в структуру предшествующей «главной» клаузы, подобно парентетическим элементам. Ряд причинных конструкций такого типа описывается для немецкого языка в статье [Freu 2016]; предположительно, такой неинтегрированный статус вообще характерен для постпозитивных причинных клауз, выступающих в функции подкрепления предшествующего речевого акта. В. Фрей перечисляет ряд свойств, характеризующих неинтегрированные конструкции: способность выражать значения событийной, эпистемической и иллюкутивной причины, независимое интонационное оформление обеих клауз, способность причинной клаузы иметь собственную иллюкутивную силу, невозможность связывания местоимения в причинной клаузе кванторным выражением из главной, возможность появления в причинной клаузе различных «явлений главной клаузы» — лексем, идиом или конструкций, в норме неспособных выступать в подчиненном контексте (см. также [Кобозева 2000]), невозможность вложения всей конструкции в более крупную структуру. Для проверки сформулированной выше гипотезы желательно проверить причинные конструкции с показателями местоименного типа в различных языках по перечисленным критериям.

Особый интерес представляют данные языков, в которых сосуществуют дицендиальные показатели двух выделенных нами типов: дравидийских, индоарийских,

тюркских, монгольских, нахско-дагестанских и др. Помимо функционального разделения двух видов конструкций, можно ожидать различий в их морфосинтаксическом поведении; в частности, мы предполагаем, что для конструкций с местоименными показателями не должны быть характерны явления индексикального сдвига. Также сформулированные выше гипотезы о путях развития и синтаксическом статусе обсуждаемых конструкций предсказывают различное поведение перспективных элементов в их составе: если в клаузах с показателями местоименного типа субъектом оценки («каузальным судьей» в терминах [Charnavel 2019: 390]) может служить только говорящий, то для соответствующих элементов в клаузах, вводимых показателями деепричастного типа, будет возможна (или даже предпочтительна) ориентация на участника главной клаузы. Эти предположения заслуживают дальнейшей эмпирической проверки.

7. Заключение

В настоящей статье мы рассмотрели показатели причины, восходящие к конструкциям с глаголами речи, в языках Евразии. Большинство таких показателей разбиваются на два типа, определяемых структурно, но противопоставленных также по своим позиционным и семантическим свойствам.

Изложенные типологические наблюдения позволяют по-новому взглянуть на данные отдельных языков. Так, в примере (17) из (левоветвящегося) австроазиатского языка сора фигурирует причинный показатель *gam-le-n-den* <говорить-PST-ITR-COND>, который на первый взгляд кажется относимым к деепричастному типу:

- (17) СОРА [Tripathy, Nayak 2012: 16]
<i>riban / ruban</i>	<i>yangamdelen</i>	<i>gur-re</i>	<i>gam-le-n-den</i>	<i>tan(g)aran</i>
вчера	несомненно	идти(о.дожде)-PST	говорить-PST-ITR-COND	дорога
<i>sal-da-le</i>				
грязный?-AUX-PST				
- ‘Должно быть, вчера шел дождь, потому что дорога стала грязной’.

Однако коннектор в (13) ведет себя крайне нетипично для показателей деепричастного типа как в формальном, так и в семантическом отношении. Во-первых, он вводит постпозитивную клаузу, в которой занимает начальное положение. Во-вторых, он кодирует значение эпистемической причины, причем в качестве субъекта эпистемической оценки выступает говорящий: в первой клаузе нет волитивного одушевленного участника, способного взять на себя эту функцию. Учитывая также, что морфологически показатель представляет собой форму кондиционалиса, мы предполагаем, что перед нами вариант показателя местоименного типа *?itənasʔan gam-le-(n)-den* <почему говорить-PST-ITR-COND> [Anderson, Harrison 2008: 367] с опущенной первой частью. Другие примеры подобной редукции (а также случаи совпадения форм глаголов речи, участвующих в образовании показателей деепричастного и местоименного типа) в языках мира нам неизвестны.

Важнейшие свойства, выявленные и предполагаемые, по которым противопоставлены показатели деепричастного и местоименного типов, суммированы в таблице (с. 24).

Выявленные формальные и семантические различия между двумя типами показателей непосредственно связаны с их диахроническими источниками. Различия в путях грамматикализации также позволяют выдвинуть ряд гипотез касательно синтаксической структуры соответствующих причинных конструкций, дальнейшая эмпирическая проверка которых представляется важной и интересной задачей.

Таблица

Свойства, противопоставляющие дицендиальные причинные показатели двух типов

	Деепричастный тип	Местоименный тип
Дефолтная структура	(таксисное) деепричастие от глагола речи	вопросительное местоимение причины + форма кондиционалиса от глагола речи
Конструкция-источник	цитативная конструкция в таксисной адвербиальной клаузе	цитативная конструкция в независимом высказывании, инсценируемый говорящим диалог с адресатом
Канонический порядок слов в языке	преимущественно OV	OV
Мотивирующий фактор диахронического развития	близость субъективной причины к чужой речи	заполнение функциональной лакуны
Доминирующий тип диахронического развития	грамматикализация	монологизация
Позиция показателя относительно вводимой им клаузы	постпозиция (за единичными исключениями)	препозиция
Позиция причинной клаузы	препозиция (за единичными исключениями) ¹⁶	постпозиция
Выражаемая разновидность причинного значения	субъективная причина (мотив)	объективная причина, подкрепление предшествующего утверждения
Предполагаемый синтаксический статус	адьюнкт	неинтегрированная адвербиальная клауза
Предполагаемая ориентация перспективных элементов	участник главной клаузы, реже — говорящий	говорящий

¹⁶ Также в отдельных языках деепричастный тип представлен послелогам, вводящими именную причину.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

агул. — агульский	DETR — детранзитив
адыг. — адыгейский	DIM — диминутив
венг. — венгерский	DPST — неактуальное прошедшее время
др.-уйг. — древнеуйгурский	DS — разносубъектность
калм. — калмыцкий	EMPH — эмфаза
кол. юк. — колымский юкагирский	ERG — эргатив
кор. — корейский	FUT — будущее время
лезг. — лезгинский	GEN — генитив
луг. мар. — луговой марийский	GER — герундий
монг. — монгольский	HCOND — гипотетическое условие
неп. — непальский	INF — инфинитив
таб. — табасаранский	INS — инструменталис
там. — тамильский	IPFV — имперфектив
тат. — татарский	ITR — непрерывность
тундр. юк. — тундренный юкагирский	LNK — соединительная морфема
тур. — турецкий	MSR — масдар
удм. — удмуртский	NEG — отрицание
чув. — чувашский.	NF — нефинальный показатель (в неварском)
III, IV, VI — 3-й, 4-й, 6-й именной класс	OPT — оптатив
1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо	PC — причастие
A — агенс	PFV — перфектив
ABL — аблатив	PL — множественное число
ABS — абсолютив	POSS — посессивность
ACC — аккузатив	PRF — перфект
ADV — адвербиалис	PROH — прохибитив
AOR — аорист	PRS — настоящее время
APUD — локализация 'возле'	PST — прошедшее время
AUX — вспомогательный глагол	Q — вопросительность
CAUS — каузатив	REAL — реалис
QUOT — цитатив	REL — релятивизация
CNV — деепричастие	SG — единственное число
COMP — комплементаризер	SRESS — суперэссив
COND — условие	SS — односубъектность
DAT — датив	TR — переходность
DEM — демонстратив	WPST — прошедшее засвидетельствованное время

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АККЯ — *Алматинский корпус казахского языка*. <http://web-corpora.net/KazakhCorpus/>.
 НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <https://ruscorpora.ru/>.
 ODKY — Nikolaeva I., Mayer Th. *Online documentation of Kolyma Yukaghir*. Web-resource, 2004. <http://sgr.fi/yukaghir/index.html>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абдуллаев 2010 — Абдуллаев И. Х. *Лакский язык в сравнительно-историческом освещении. Морфология*. Махачкала: ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2010. [Abdullaev I. Kh. *Lakskii yazyk v sravnitel'no-istoricheskoy osveshchenii* [Lak in comparative-historical perspective]. Makhachkala: G. Tsadasa Institute of Language, Literature, and Art, 2010.]
 Абдуллаева и др. 2014 — Абдуллаева А. З., Гаджихамедов Н. Э., Кадыраджиев К. С., Керимов И. А., Ольмесов Н. Х., Хангишиев Д. М. *Современный кумыкский язык*. Махачкала: ИЯЛИ им. Г. Цадасы

- ДНЦ РАН, 2014. [Abdullaeva A. Z., Gadziakhmedov N. E., Kadyradzhiev K. S., Kerimov I. A., Ol'mesov N. Kh., Khangishiev D. M. *Sovremenniy kumykskii yazyk* [Modern Kumyk language]. Makhachkala: G. Tsadasa Institute of Language, Literature, and Art, 2014.]
- Бертагаев 1953 — Бертагаев Т. А. К проблеме сложных предложений (на материале монгольских языков). *Вопросы языкознания*, 1953, 4: 43–59. [Bertagaev T. A. Towards the problem of complex sentences (based on Mongolic data). *Voprosy Jazykoznanija*, 1953, 4: 43–59.]
- Гаджиев 1963 — Гаджиев М. М. *Синтаксис лезгинского языка*. Ч. II: *Сложное предложение*. Махачкала: Дагучпедгиз, 1963. [Gadzhiev M. M. *Sintaksis lezginского yazyka* [Lezgian syntax]. Part 2: *Slozhnoe predlozhenie* [Complex sentence]. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1963.]
- Гайдаров и др. 2009 — Гайдаров Р. И., Гюльмагомедов А. Г., Мейланова У. А., Талибов Б. Б. *Современный лезгинский язык*. Махачкала: ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, 2009. [Gaidarov R. I., Gyu'l'magomedov A. G., Meilanova U. A., Talibov B. B. *Sovremenniy lezginский yazyk* [Modern Lezgian]. Makhachkala: G. Tsadasa Institute of Language, Literature, and Art, 2009.]
- Даржаева 2001 — Даржаева Н. Б. *Полипредикативные конструкции бурятского языка с подчинительной связью*. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. [Darzhaeva N. B. *Polipredikativnye konstruksii buryatskogo yazyka s podchinitel'noi svyaz'yu* [Buryat subordinate polypredicative constructions]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of the Siberian Dept. of RAS, 2001.]
- Даржаева 2020 — Даржаева Н. Б. Скрепцы от глагола речи *ge-* как база для образования новых полипредикативных конструкций в бурятском языке. *Вестник СВФУ*, 2020, 5(79): 46–55. [Darzhaeva N. B. Linkers derived from the speech verb *ge-* as a source of new polypredicative constructions in Buryat. *Vestnik SVFU*, 2020, 5(79): 46–55.]
- Казенин 2013 — Казенин К. И. *Синтаксис современного лакского языка*. Махачкала: ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН; Алеф, 2013. [Kazenin K. I. *Sintaksis sovremennogo lakского yazyka* [Modern Lak syntax]. Makhachkala: G. Tsadasa Institute of Language, Literature, and Art; Alef, 2013.]
- Кобозева 2000 — Кобозева И. М. Проблема идентификации и синтаксической репрезентации сложноподчиненных предложений русского языка с иллокутивно самостоятельной придаточной частью. [Kobozeva I. M. The problem of identification and syntactic representation of Russian subordinate sentences with illocutively autonomous dependent clause.] *3rd European Conf. on Formal Description of Slavic Languages (FDSL-3)*. = *Linguistische Arbeitsberichte*, 2000, 75: 67–79.
- Комри и др. 2015 — Комри Б., Халилов М. Ш., Халилова З. М. *Грамматика безхтинского языка*. Лейпциг; Махачкала: Алеф, 2015. [Comrie B., Khalilov M. Sh., Khalilova Z. M. *Grammatika bezhtinskogo yazyka* [Grammar of Bezhta]. Leipzig; Makhachkala: Alef, 2015.]
- Кононов 1953 — Кононов А. Н. О союзном слове *diye* в турецком языке. *Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию*. Баскаков Н. А. (отв. ред.). М.: Изд-во АН СССР, 1953, 137–144. [Kononov A. N. On the conjunction *diye* in Turkish. *Akademiku V. A. Gordlevskomu k ego 75-letiyu*. Baskakov N. A. (ed.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1953, 137–144.]
- Королев 1989 — Королев Н. И. *Неварский язык*. М.: Наука, 1989. [Korolev N. I. *Nevarskii yazyk* [Newar language]. Moscow: Nauka, 1989.]
- Майсак 2016 — Майсак Т. А. Типологическое, внутригенетическое и ареальное в грамматикализации: данные лезгинских языков. *Acta linguistica Petropolitana*, 2016, т. XII, ч. 1: 588–618. [Majsak T. A. Typological, intragenetic and areal in grammaticalization: The data of Lezgian. *Acta linguistica Petropolitana*, 2016, vol. XII, part 1: 588–618.]
- Мерданова 2004 — Мерданова С. Р. *Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хюкского говора)*. М.: Советский писатель, 2004. [Merdanova S. R. *Morfologiya i grammaticheskaya semantika agul'skogo yazyka (na materiale khpyukского govora)* [Morphology and grammatical semantics of Aghul: Khpyuk dialect]. Moscow: Sovetskii Pisatel', 2004.]
- Павлов 2000 — Павлов Д. А. *Вопросы истории и строя калмыцкого литературного языка*. Изд. 2-е. Элиста: АПП «Джангар», 2000. [Pavlov D. A. *Voprosy istorii i stroya kalmykского literaturnogo yazyka* [History and structure of Standard Kalmyk]. 2nd edn. Elista: Dzhangar, 2000.]
- Пюрбеев 1979 — Пюрбеев Г. Ц. *Типы сложных предложений в монгольских языках*. М.: Наука, 1979. [Pjurbeev G. Ts. *Tipy slozhnykh predlozhenii v mongol'skikh yazykakh* [Types of complex sentences in Mongolic]. Moscow: Nauka, 1979.]
- Рассадин 2012 — Рассадин Г. Ц. *Язык сойотов Бурятии*. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2012. [Rassadin G. Ts. *Yazyk soiotov Buryatii* [Language of Soyots in Buryatia]. Elista: Kalmyk Univ. Press, 2012.]
- Толдова, Сердобольская 2014 — Толдова С. Ю., Сердобольская Н. В. Глагол речи *manaš* в марийском языке: особенности грамматикализации. *Вопросы языкознания*, 2014, 6: 66–91. [Toldova S. Yu.,

- Serdobolskaya N. V. Verb of speech *manaš* in Mari: Grammaticalization properties. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 6: 66–91.]
- Шамина 2001 — Шамина Л. А. *Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. [Shamina L. A. *Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v tuvinskom yazyke* [Polypredicative synthetic sentences in Tuvan]. Novosibirsk: Sibirskii Khronograf, 2001.]
- Ярыгина 2016 — Ярыгина Е. С. Частицы *mol*, *de*, *deskat* как маркеры чужого слова в конструкциях вывода-обоснования. *Текст, контекст, интертекст*. Ярыгина Е. С., Геймбух Е. Ю. (отв. ред.). М: МГПУ, 2016, 158–166. [Yarygina E. S. Particles *mol*, *de*, *deskat* as markers of reported speech in conclusive/justifying constructions. *Tekst, kontekst, intertekst*. Yarygina E. S., Geimbukh E. Yu. (eds.). Moscow: Moscow State Univ. for Education, 2016, 158–166.]
- Altenberg 1984 — Altenberg B. Causal linking in spoken and written English. *Studia Linguistica*, 1984, 38/1: 20–69.
- Anderson, Harrison 2008 — Anderson G. D. S., Harrison F. H. Sora. *The Munda languages*. Anderson G. D. S. (ed.). Abingdon: Routledge, 2008, 299–380.
- Andvik 2010 — Andvik E. E. *A grammar of Tshangla*. Leiden: Brill, 2010.
- Arkadiev, Maisak 2018 — Arkadiev P. M., Maisak T. A. Grammaticalization in the North Caucasian languages. *Grammaticalization from a typological perspective*. Narrog H., Heine B. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2018, 116–145.
- Bailey 1924 — Bailey Th. G. *Grammar of the Shina (Šiṅā) language: Consisting of a full grammar, with texts and vocabularies of the main or Gilgiti dialects and briefer grammars (with vocabularies and texts) of the Kohistani, Guresi and Drasi dialects*. London: Royal Asiatic Society, 1924.
- Bashir 1996 — Bashir E. Mosaic of tongues: Quotatives and complementizers in Northwest Indo-Aryan, Burushaski, and Balti. *Studies in Pakistani popular culture*. Hanaway W. L., Heston W. (eds.). Lahore: Lok Virsa; Sang-e-Meel, 1996, 187–286.
- Charnavel 2019 — Charnavel I. Perspectives in causal clauses. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2019, 37: 389–424.
- Chisarik, Wurff 2003 — Chisarik E., van der Wurff W. From ‘say’ to ‘because’: Grammaticalisation and reanalysis. Paper presented at the *Conf. on Comparative Diachronic Syntax*, UCLC, Leiden, 29–30 August 2003.
- Coupe 2018 — Coupe A. R. Grammaticalization processes in the languages of South Asia. *Grammaticalization from a typological perspective*. Narrog H., Heine B. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2018, 189–218.
- Cristofaro 2003 — Cristofaro S. *Subordination*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
- Deal 2020 — Deal A. R. *A theory of indexical shift: Meaning, grammar, and crosslinguistic variation*. Cambridge (MA): MIT Press, 2020.
- Diessel 2001 — Diessel H. The ordering distribution of main and adverbial clauses: A typological study. *Language*, 2001, 77: 343–365.
- Diessel 2005 — Diessel H. Competing motivations for the ordering of main and adverbial clauses. *Linguistics*, 2005, 43(3): 449–470.
- Diessel, Hetterle 2011 — Diessel H., Hetterle K. Causal clauses: A cross-linguistic investigation of their structure and use. *Linguistic universals and language variation*. Siemund P. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2011, 23–54.
- Dömötör 2015 — Dömötör A. *A mondván és az úgymond: diskurzusjelölő elemek keletkezése idéző szerkezetekből*. *Magyar Nyelv*, 2015, 111: 21–37.
- Ebert 1991 — Ebert K. H. Vom Verbum dicendi zur Konjunktion — Ein Kapitel universaler Grammatikalisierung. *Von Europa bis Ozeanien — von der Antonymie zum Relativsatz, Gedenkschrift für Meinrad Scheller*. Bisang W., Rinderknecht P. (Hrsg.). Zürich: Universität Zürich, 1991, 77–95.
- Fleck 2003 — Fleck D. W. *A grammar of Matses*. Ph.D. diss., Rice Univ., 2003.
- Ford, Mori 1994 — Ford C. E., Mori J. Causal markers in Japanese and English conversations: A cross-linguistic study of interactional grammar. *Pragmatics*, 1994, 4: 31–61.
- Frey 2016 — Frey W. On some correlations between formal and interpretative properties of causal clauses. Co- and subordination in German and other languages. Reich I., Speyer A. (eds.). Hamburg: Helmut Buske, 2016, 153–179.
- Givón 1980 — Givón T. The binding hierarchy and the typology of complements. *Studies in Language*, 1980, 4(3): 333–377.
- Göksel, Kerslake 2005 — Göksel A., Kerslake C. *Turkish: A comprehensive grammar*. London: Routledge, 2005.

- Güldemann 2008 — Güldemann T. *Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Haegemann 2009 — Haegemann L. Parenthetical adverbials: The radical orphanage approach. *Dislocated elements in discourse: Syntactic, semantic and pragmatic perspectives*. Shaer B., Cook Ph., Frey W., Maienborn C. (eds.). London: Routledge, 2009, 331–347.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin: De Gruyter Mouton, 1993.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Hetterle 2015 — Hetterle K. *Adverbial clauses in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.
- Hildebrandt 2004 — Hildebrandt K. A. A grammar and glossary of the Manange language. *Tibeto-Burman languages of Nepal: Manange and Sherpa*. Genetti C. (ed.). Canberra: Pacific Linguistics, 2004, 2–189.
- Hyslop 2017 — Hyslop G. *A grammar of Kurtöp*. Leiden: Brill, 2017.
- Hock 1982 — Hock H. H. The Sanskrit quotative: A historical and comparative study. *Studies in the Linguistic Sciences*, 1982, 12: 37–96.
- Iwasaki, Ingkaphirom 2005 — Iwasaki S., Ingkaphirom P. *A reference grammar of Thai*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Johanson 1993 — Johanson L. Typen kausaler Satzverbindungen im Türkischen. *Journal of Turkology*, 1993, 1 (2): 213–267.
- Kawachi 2012 — Kawachi K. Polysemy of the grammatical morpheme *kûle* in Kupsapiny and its grammaticalization from a verb of saying. *Challenges in Nilotic linguistics and more: Phonology, morphology and syntax*. Hieda O. (ed.). Tokyo: Tokyo Univ. of Foreign Studies, 2018, 111–126.
- Kim 2017 — Kim D. *Topics in the syntax of Sarikoli*. Ph.D. diss., Leiden Univ., 2017.
- Klamer 2000 — Klamer M. How report verbs become quote markers and complementizers. *Lingua*, 2000, 110: 69–98.
- Kortmann 1997 — Kortmann B. *Adverbial subordinators: A typology and history of adverbial subordinators based on European languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.
- Kuteva et al. 2019 — Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World lexicon of grammaticalization*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.
- Lewis 1967 — Lewis G. L. *Turkish grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1967.
- Lord 1993 — Lord C. D. *Historical change in serial verb constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Lukas 1953 — Lukas C. D. *Die Sprache der Tubu in der zentralen Sahara*. Berlin: Deutsche Akademie der Wissenschaften, 1953.
- Martowicz 2011 — Martowicz A. *The origin and functioning of circumstantial clause linkers: A cross-linguistic study*. Ph.D. diss., Univ. of Edinburgh, 2011.
- Masica 1991 — Masica C. P. *The Indo-Aryan languages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Masica 2005 — Masica C. P. *Defining a linguistic area: South Asia*. New Delhi: Chronicle Books, 2005.
- Matić, Pakendorf 2013 — Matić D., Pakendorf B. Non-canonical SAY in Siberia. *Studies in Language*, 2013, 37(2): 356–412.
- Moodie, Billington 2020 — Moodie J., Billington R. *A grammar of Lopit: An Eastern Nilotic language of South Sudan*. Leiden: Brill, 2020.
- Nedjalkov 1995 — Nedjalkov V. P. Some typological parameters of converbs. *Converbs in cross-linguistic perspective*. Haspelmath M., König E. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1995, 97–136.
- Pascual 2014 — Pascual E. *Fictive interaction: The conversation frame in thought, language, and discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 2014.
- Peterson, Baraik, in press — Peterson J., Baraik S. *A grammar of Chotanagpuri Sadri: A lingua franca of eastern central India*. Mysore: Central Institute of Indian Languages, in press.
- Rajapurohit 2012 — Rajapurohit B. B. *Grammar of the Shina language and vocabulary (Based on the dialect spoken about Dras)*. London: Royal Asiatic Society, 2012.
- Sansò, in press — Sansò A. Discourse markers from processes of monologization: Two case studies. *From speaking to grammar*. Voghera M. et al. (eds.). Bern: Peter Lang, in press.
- Saxena 1988 — Saxena A. On syntactic convergence: The case of the verb ‘say’ in Tibeto-Burman. *Proc. of the 14th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Axmaker Sh., Jaisser A., Singmaster H. (eds.). Berkeley (CA): Berkeley Linguistics Society, 1986, 375–388.
- Saxena 1995 — Saxena A. Unidirectional grammaticalization: Diachronic and cross-linguistic evidence. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 1995, 48(4): 350–372.

- Schmalz 2013 — Schmalz M. *Aspects of the grammar of Tundra Yukaghir*. Ph.D. diss., Univ. of Amsterdam, 2013.
- Sebüktekin 1971 — Sebüktekin H. I. *Turkish-English contrastive analysis*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1971.
- Serdobolskaya, Toldova 2011 — Serdobolskaya N. V., Toldova S. Yu. Grammaticalization of the verb of speech in Finno-Ugric languages. *Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum*. Csúcs S. et al. (eds.). Budapest: Reguly Társaság, 2011, 285–293.
- Spronck, Nikitina 2019 — Spronck S., Nikitina T. Reported speech forms a dedicated syntactic domain. *Linguistic Typology*, 2019, 23(1): 119–159.
- Subbārāo 2012 — Subbārāo K. V. *South Asian languages: A syntactic typology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2012.
- Sweetser 1990 — Sweetser E. *From etymology to pragmatics: Metaphorical and cultural aspects of semantic structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
- Tripathy, Nayak 2012 — Tripathy B. K., Nayak A. The invariants in Saora: A critical discussion. *Adivasi*, 2012, 52(1/2): 9–19.
- Watters et al. 2006 — Watters D. E., Yadava Y. P., Pokharel M. P., Prasain B. Notes on Kusunda grammar. *Himalayan Linguistics Archive*, 2006, 3: 1–182.
- Weier 2003 — Weier M. Moghol. *The Mongolic languages*. Janhunen J. (ed.). London: Routledge, 2003, 248–264.
- Yıldırım Gündoğdu 2017 — Yıldırım Gündoğdu H. *The structure of diye clauses in Turkish*. M.A. thesis, Boğaziçi Univ., 2017.

Получено / received 25.07.2021

Принято / accepted 23.11.2021

Фокусные частицы и отрицательная полярность

© 2022

Петр Олегович Россыйкин

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; petrossyaykin@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются конструкции *и один NP* и *даже один NP*, имеющие дистрибуцию единиц с отрицательной полярностью / поляризацией (NPI), например: *Петя *(не) смог решить и / даже одну задачу*. Только *даже-NPI* допустимы в неотрицательных контекстах лицензирования NPI, например: *Каждый, кто решил ?даже / ?? и одну задачу, получил зачет*. Эта же зависимость наблюдается и в некоторых других языках — частицы с аддитивной и сочинительной функцией (типа *и*) образуют NPI с более узкой дистрибуцией, чем чисто скалярные частицы (типа *даже*). Таким образом, основной вопрос, которому посвящена статья, — (А) почему дистрибуция *и-* и *даже-NPI* различна? Два вспомогательных вопроса: (В) какова семантика частиц *и*, *даже*; (С) почему в сочетании с нижней точкой шкалы они образуют NPI? Я рассматриваю аргументы в пользу того, что частица *даже* вводит скалярную пресуппозицию и только ее, а частица *и* — аддитивную пресуппозицию и только ее (вопрос В). Далее, я показываю, что к неграмматичности в утвердительных контекстах систематически приводит как скалярная, так и аддитивная пресуппозиция (С). Наконец, я сравниваю две теории, объясняющие, почему аддитивная пресуппозиция *и* обуславливает более узкую дистрибуцию *и-NPI* по сравнению с чисто скалярными *даже-NPI* (А). Простая теория, объясняющая неграмматичность *и-NPI* через взаимодействие аддитивной пресуппозиции с пресуппозициями лицензирующих контекстов, хоть и обнаруживает некоторые интерпретационные контрасты в сравнении с *даже-NPI*, в конечном итоге заходит в тупик. Альтернативная теория, исходящая из стандартной сферы действия *и-NPI* и неограниченной сферы действия *даже-NPI*, позволяет объяснить их различную дистрибуцию без дополнительных допущений. Я также показываю, что эта теория может объяснить разделение NPI на слабые и сильные и в других случаях.

Ключевые слова: отрицание, отрицательная поляризация, пресуппозиция, русский язык, скалярность, фокус, формальная семантика, частицы

Благодарности: Выражаю признательность С. Г. Татевосову, благодаря обсуждениям с которым эта статья стала значительно лучше как содержательно, так и композиционно, а также анонимным рецензентам за ценные замечания по содержанию статьи и дополнительные данные. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Россыйкин П. О. Фокусные частицы и отрицательная полярность. *Вопросы языкознания*, 2022, 2: 30–64.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.30-64

Focus particles and negative polarity

Petr O. Rosseyaykin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; petrossyaykin@gmail.com

Abstract: In this article I discuss constructions *i odin NP* and *daže odin NP* ‘even one NP’ in Russian, which are negative polarity items (NPIs), e.g. *Petja *(ne) smog rešit’ i / daže odnu zadaču* ‘Petya didn’t manage to solve even one problem’. Only *daže-NPIs* are grammatical in non-negative environments of NPI licensing, e.g. *Každyj, kto rešil ?daže / ?? i odnu zadaču, polučil začët* ‘Everyone who

solved even one problem got credit'. The same dependence is observed in several other languages: particles with additive and coordinative functions (like *i* 'even, and') form NPIs with narrower distribution than plain scalar particles (like *daže* 'even'). The following question is thus the main topic of the paper: (A) why do *i*- and *daže*-NPIs have different distribution? Two auxiliary questions are: (B) what is the semantics of *i* and *daže*, and (C) why do they form NPIs when attached to the low endpoint of a scale? I argue that *daže* triggers only the scalar presupposition and *i* triggers only the additive presupposition (question B). I show that both scalar and additive presupposition cause ungrammaticality in positive environments (C). Finally, I compare two theories which (aim to) explain why the additive presupposition of *i* determines a narrower distribution of *i*-NPIs in comparison to *daže*-NPIs (A). A simple theory considers ungrammaticality of *i*-NPIs to be the result of interaction of the additive presupposition with presuppositions of licensing environments. Although it predicts some interpretational differences between *i*- and *daže*-NPIs, it fails to explain the confinement of *i*-NPIs to negative contexts. According to an alternative theory, *i*-NPIs are subject to standard movement constraints while *daže*-NPIs take exceptional (i.e. sentential) scope, which explains their different distribution without any additional assumptions. I also show how this theory can explain the weak vs. strong NPIs distinction in other cases.

Keywords: focus, formal semantics, negation, negative polarity, particles, presupposition, Russian, scalarity
Acknowledgments: I would like to thank Sergei Tatevosov for discussions which helped to improve both the contents and the composition of this article. I also thank two anonymous reviewers for valuable comments and additional data they provided. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World's Cultural and Historical Heritage".

For citation: Rosseyaykin P. O. Focus particles and negative polarity. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 2: 30–64.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.30-64

Введение

Единицами с отрицательной полярностью / поляризацией (negative polarity items, далее — NPI) называются составляющие, недопустимые в утвердительных эпизодических контекстах (1–3).

- (1) a. I did not see **any lions**.
 b. *I saw **any lions**. [Partee 2005: 2]
- (2) a. I didn't **ever** eat this dish.
 b. *I **ever** ate this dish. [Chierchia 2013: 55]
- (3) a. Я не убеждаю **кого-либо** в своей правоте, а пытаюсь сам в ней убедиться [НКРЯ; Федя (nick). Конфликт цивилизаций (миф или реальность) (2006)]¹.
 b. *Я убеждаю **кого-либо** в своей правоте.

Дистрибуция NPI неодинакова. Наиболее простая и часто используемая типология разделяет их на два класса — слабые и сильные [Krifka 1995; Zwarts 1998²; Gajewski

¹ Местоимения на *-либо* часто не очень приемлемы в контексте прямого отрицания, ср. **Я не видела кого-либо*, оценка грамматичности по [Partee 2005: 9]. Я предполагаю, что это связано не с каким-то грамматическим ограничением, а с конкуренцией с серией на *ни-*, для которой отрицание, находящееся в той же клаузе — единственный способ лицензирования. Как показано в (3), лицензирование *либо*-местоимений в таком случае тоже возможно.

² То же, что Zwarts F. *Three types of polarity*. Ms., Rijksuniversiteit Groningen, 1993.

2011]. Сильные NPI типа английского «пунктивного»³ *until* (4a) лицензируются только в контекстах прямого или непрямого⁴ отрицания (4), см. дальнейшее обсуждение в разделе 4.1.

- (4) отрицание матричного предиката с подъемом отрицания
- a. John doesn't think that Mary will arrive **until** tomorrow. [Romoli 2013: 317]
- b. Bob doesn't think John read **anything** interesting. [Gajewski 2011: 118]
- с. Петя не думает, что Маша видела **кого-либо**.

Слабые NPI (английские *any, ever*; русское *-либо*) также лицензируются в некоторых неотрицательных контекстах, например (5–7), ср. неграмматичные примеры (а) с сильным NPI *until*.

- (5) протасис условного предложения
- a. *If Bill arrived **until Friday**, he is keeping it a secret.
- b. If Bill has **ever** seen **anyone**, he is keeping it a secret. [Gajewski 2011: 120]
- с. Если Петя (и) видел **кого-либо**, он держит это в секрете.
- (6) рестриктор универсального квантора
- a. *Every student who left **until** his b-day missed many classes. [Chierchia 2013: 215]
- b. Every student who saw **anything** should report to the police. [Giannakidou 2007: 66]
- с. Каждый студент, видевший **что-либо** (подозрительное), сообщил в полицию.
- (7) сфера действия *только*
- a. *Only John arrived **until** his birthday.
- b. Only John has **ever** seen **anyone**. [Gajewski 2011: 120]
- с. Только Петя видел **кого-либо**.

В данной статье я обсуждаю NPI вида *даже / и один NP* (8), которые в дальнейшем буду называть фокусными⁵. Образование NPI посредством соединения фокусных частиц с семантикой *даже / и* с элементом, обозначающим нижнюю точку шкалы, — типологически устойчивое явление [Lee, Horn 1994], см. также раздел 1.

³ *Until* является (сильным) NPI только при сочетании с перфективными предикатами (i). В анализе, предполагающем лексическую неоднозначность *until*, вариант, сочетающийся с перфективными предикатами и допустимый только при отрицании, обычно называется пунктивным *until* [Karttunen 1974; Giannakidou 2002; Condoravdi 2008]. См. недавнее обсуждение и вариант анализа без лексической неоднозначности в [Iatridou, Zeijlstra 2021].

(i) a. She did*(n't) leave until 5 p. m.

b. She was working until 5 p. m.

[Ibid.: 90]

⁴ Я использую терминологию [Haspelmath 1997: 80], в которой «непрямое отрицание» включает два класса контекстов — имплицитное отрицание, вводимое выражениями типа *без*, и отрицание через границу клаузы. Второй класс, однако, не является гомогенным в плане лицензирования сильных NPI. Лицензирование через границу клаузы возможно, только если матричный предикат обладает свойством подъема отрицания, при котором матричное отрицание может интерпретироваться так, как будто оно находится в подчиненной клаузе: *Петя не думает, что Маша спит* ≈ *Петя думает, что Маша не спит*.

⁵ По всей видимости, в литературе нет устоявшегося обозначения для таких NPI. Обозначение «фокусные» представляется мне более нейтральным, чем «эмфатические» или «скалярные».

- (8) а. Петя не смог решить { ?²даже / ?²и } одну задачу⁶.
 б. Каждый, кто решил { ?²даже / ?²и } одну задачу, получил зачет.
 в. Если Петя решит { ?²даже / ?²и } одну задачу, этого хватит для зачета.
 д. Петю выгнали с зачета, прежде чем он успел решить { ?²даже / ?²и } одну задачу.

Как видно из (8), конструкция⁷ *даже один NP* примерно одинаково допустима во всех указанных контекстах лицензирования NPI. Грамматичность конструкции *и один NP* существенно снижается в неопределенных контекстах. Таким образом, предварительно можно предположить, что *даже-NPI* — слабые, а *и-NPI* — сильные (грамматичны только в контексте отрицания).

Дистрибуцию NPI имеют сочетания рассматриваемых частиц не только с числительным *один* (8), но и с другими элементами, обозначающими нижнюю точку шкалы (9–10). Предлагаемый в этой статье анализ предположительно распространяется и на случаи типа (9–10), но в дальнейшем я в основном ограничусь обсуждением примеров с числительным *один* в фокусе.

- (9) а. Более того, эти люди **даже слова** не могут сказать без бумажки!
 [НКРЯ; Анатолий Гладилин. Большой беговой день (1976–1981)].
 б. #Более того, эти люди **даже слово** могут сказать без бумажки!
- (10) а. Но Сол **и мысли** не допустил, что Эви не узнал его.
 [НКРЯ; Юлия Лавряшина. Улитка в тарелке (2011)].
 б. *Но Сол **и мысль** допустил, что Эви не узнал его.

Как известно, в общем случае частицы *и*, *даже* допустимы в утвердительных эпизодических контекстах, то есть сами по себе не связаны с отрицательной полярностью (11). Конструкции типа *и / даже один NP* также могут быть использованы в утвердительном эпизодическом контексте, если в фокусе оказывается не числительное, а вся именная группа (12).

- (11) Пришел даже / и Петя.
 (12) Маша решила три уравнения. А Петя решил { *даже / (еще) и* } одну задачу.

Таким образом, три вопроса, возникающие в связи с данными в (8–12) и обсуждаемые в этой статье, сформулированы в (13).

⁶ Оценки предложений в (8), а также (44b), (45b) и (i-b) в сноске 18, приводятся на основе опроса носителей русского языка (от 8 до 10 в зависимости от предложения). Все примеры из (8), помеченные одним знаком ², представляются мне грамматичными, однако опрошенные носители в среднем оценили их как неидеальные, что и отражают оценки грамматичности (по всей видимости, для конструкций «*и / даже* + нижняя точка шкалы» предпочтительнее расположение перед отрицанием — именно такой порядок наблюдается почти во всех корпусных примерах, использованных в статье). Большинство других обсуждаемых в этой статье некорпусных русских примеров относятся к тем же классам, что и примеры в (8), и на них переносятся соответствующие оценки.

⁷ В разделе 4.3.1 я предлагаю анализ, в котором *и* формирует составляющую с фокусным элементом, т. е., например, *и одна задача* в (8) является составляющей. С другой стороны, в разделе 4.3.2 показано, что *даже* может ассоциироваться с фокусным элементом дистантно, не формируя с ним составляющую в синтаксисе. Поэтому здесь и далее для обозначения *даже / и-NPI* как некой единой сущности используется понятие «конструкция» (а не «составляющая»), которое предполагается чисто описательным и не обязывающим к какому-либо конкретному синтаксическому анализу.

- (13) а. Какова семантика частиц *и*, *даже*?
- б. Почему конструкции *и / даже* + нижняя точка шкалы в фокусе имеют дистрибуцию NPI?
- с. Почему дистрибуция *и*-NPI и *даже*-NPI различна?

Статья структурирована следующим образом. В разделе 1 я рассматриваю фокусные NPI в нескольких языках и предлагаю обобщение о связи семантики фокусной частицы с дистрибуцией образуемых ей NPI. В разделе 2 я делаю исходные предположения о семантике частиц *и* и *даже*. Раздел 3 посвящен вопросу (13б) — я показываю, что отрицательно-полярная дистрибуция следует из семантики фокусных частиц и особенностей шкал, однако механизмы, приводящие к неграмматичности *и*-NPI и *даже*-NPI в утвердительных контекстах, могут быть различны. Раздел 4 посвящен вопросу (13с), в нем я сравниваю две теории, объясняющие различия дистрибуции *и*-NPI и *даже*-NPI в неотрицательных контекстах исходя из синтаксиса и семантики соответствующих частиц. В разделе 5 я обсуждаю последствия теории локальности *и*-NPI (раздел 4) для теории сильных и слабых NPI в целом.

1. Фокусные NPI в языках мира

Является ли различная дистрибуция русских NPI на *и* и *даже* идиосинкретической особенностью этих частиц или она связана с различиями в их синтаксисе / семантике? Вторая, композициональная опция представляется более привлекательной, и в этом разделе я постараюсь показать, что существует типологически устойчивая связь между семантикой фокусной частицы и дистрибуцией образуемых ей NPI. Я рассмотрю небольшую выборку фокусных частиц типа *и / даже* из разнородных языков, которые в конечном итоге будут разделены на две группы (см. таблицу ниже).

В нидерландском и хинди фокусные NPI образуются с помощью показателей *ook maar* [Rullmann 1996] и *bhii* [Lahiri 1998; Chierchia 2013; Dayal 2019] соответственно. Как и русские конструкции *даже один NP* (8) или *even one NP* в английском [Crnič 2011; 2014], эти NPI допустимы не только в контексте отрицания, но и в других контекстах лицензирования слабых NPI, например в протасисе условного предложения (14–15).

- (14) Нидерландский [Rullmann 1996: 338]

а. Hij heeft met (***ook maar**) **een student** gesproken.
он AUX с даже один студент поговорил
'Он поговорил со студентом'.

б. niemand heeft met **ook maar** **EEN student** gesproken.
никто AUX с даже один студент поговорил
'Никто не поговорил даже с одним студентом'.

с. Als hij met **ook maar** **EEN student** heeft gesproken,
если он с даже один студент AUX поговорил
weet hij dat dit niet kan.
знает он что это не можно
'Если он поговорил с каким-либо студентом, то он знает, что это невозможно'.

- (15) Хинди [Lahiri 1998: 61–62]

а. maiN-ne **ek bhii aadmii-ko** *(nahiiN) dekhaa.
я-ERG один даже человек-ACC не видел
'Я не видел ни одного человека'.

b. agar raam **ek** **bhii** **kitaab** paRhega,
 если Рам один даже книга прочитает
 to use sar dard hone lagega.
 то ему головная боль случится

‘Если Рам прочитает даже одну книгу, у него случится головная боль’.

С другой стороны, например, в лезгинском [Haspelmath 1993: 197–199, 327–329; 1997: 73, 227–228], тамильском [Iyer 2017] и карачаево-балкарском языках конструкции вида аддитивная / скалярная частица + нижняя точка шкалы в фокусе имеют дистрибуцию сильных NPI.

Например, карачаево-балкарская конструкция в (16) по своему составу идентична русским *u*-NPI (8): *bir adam da* буквально ‘один человек и’. Неотрицательное предложение с этой конструкцией (16a) допускается некоторыми носителями либо с нерелевантной интерпретацией 1, в которой числительное не находится в фокусе и может даже не появляться в интерпретации, ср. русский пример (12), либо в случае, когда частица *da* не интерпретируется как аддитивная / скалярная и вообще не вносит очевидного вклада в семантику предложения (интерпретация 2). Некоторые носители оценивают (16a) как просто неграмматичное. Предложение (16b) абсолютно грамматично и предлагается носителями в качестве перевода русского предложения *Фатима никого не видит*. Наконец, при добавлении частицы *da* в протасисе условного предложения (16c), носители либо интерпретируют предложение без аддитивного / скалярного вклада частицы *da*, либо признают его неграмматичным.

(16) КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ (данные автора)

a. %fatima **bir** **adam-ni** **da** köR-e-di.
 Фатима один человек-ACC и видеть-IPFV-3SG

1. #‘Фатима (кроме чего-то) видит еще и человека’.
2. ??‘Фатима видит кого-то’.

b. fatima **bir** **adam-ni** **da** köR-me-j-di.
 Фатима один человек-ACC и видеть-NEG-IPFV-3SG

‘Фатима никого не видит’. (букв. ‘Фатима не видит и одного человека’)

c. habib **bir** **adam-ni** (%da) čakir-sa, men kellikme.
 Хабиб один человек-ACC и приглашать-COND я приду

‘Если Хабиб позовет { кого-то / одного человека }, я приду’.

В (16), (17) *da*, в отличие от показателей *ook maar* и *bhii* в нидерландском и хинди соответственно, глоссирована как *и*, а не *даже*, что отражает принятый и обосновываемый далее в этой статье анализ. В пользу такого анализа свидетельствует возможность использования *da* для эмфатической конъюнкции типа *и... и...* (17), ср. также лезгинские и тамильские данные (18–19). Показатели *даже*, *even*, *ook maar* и *bhii* в этой функции не используются.

(17) kerim alima[?](-ni) (**da**) lejla-ni **da** köR-e e-di.
 Керим Алима-ACC и Лейла-ACC и видеть-IPFV AUX-PST.3SG

‘Керим видел и Алиму, и Лейлу’.

(18) Лезгинский [Haspelmath 1993: 327]
 zi buba-**ni**, buba.di-n buba-**ni** čubanaR хajibur ja.
 я.GEN отец-и отец-GEN отец-и пастухи стали COP

‘И мой отец, и мой дед были пастухами’.

- (19) ТАМИЛЬСКИЙ [Iyer 2017: 9]
 ragu-**um** bala-**um** parti-le vandaa.
 Рагу-и Бала-и вечеринка-на пришли
 ‘Рагу и Бала пришли на вечеринку’.

Итак, в рассмотренной выборке выделяются два класса фокусных NPI, соответствующих русским *и*-NPI и *даже*-NPI (см. таблицу).

Таблица

Небольшая типология фокусных частиц и NPI

частица	неотрицательные контексты	(эмфатическая) конъюнкция
<i>даже</i>	✓	*
<i>even</i> (английский)	✓	*
<i>ook maar</i> (нидерландский)	✓	*
<i>bhii</i> (хинди)	✓	*
<i>и</i>	*	✓
<i>da</i> (карачаево-балкарский)	*	✓
<i>-ni</i> (лезгинский)	*	✓
<i>-um</i> (тамилский)	*	✓

Рассмотренные данные подсказывают следующее обобщение: существует взаимосвязь между семантикой / функцией фокусной частицы и дистрибуцией образуемых ей (при сочетании с нижней точкой шкалы) NPI. Сочинительные / аддитивные частицы, аналогичные русской *и*, образуют сильные NPI, чисто скалярные частицы типа *даже* — слабые⁸. К похожему выводу приходят Ф. Гаст и Й. ван дер Аувера в результате исследования фокусных операторов в 13 языках, относимых к алтайским [Gast, van der Auwera 2013]. Во всех этих языках существуют показатели, совмещающие скалярную и чисто аддитивную функции, как русская частица *и*. В большинстве языков, соответствующие данные которых обсуждают авторы, рассматриваемые частицы могут сочетаться с нижней точкой шкалы только в отрицательных контекстах [Ibid. 2013: 122–125], ср. (8).

В дальнейшем я сосредоточусь на рассмотрении русских данных, а именно частиц *даже* и *и*, которые я рассматриваю в качестве типичных представителей скалярного и скалярно-аддитивного классов (таблица) соответственно. Семантике этих частиц посвящен следующий раздел. В разделе 4 я обсуждаю, каким образом из различий в их синтаксисе / семантике следуют различия в дистрибуции соответствующих NPI.

⁸ Показатель *bhii* имеет и скалярную, и аддитивную интерпретацию: *raam bhii aayaa* ‘Пришел даже / и Рам’ [Lahiri 1998: 59]. В [Lahiri 1998] предполагается, что эта частица может быть двусмысленной, в [Dayal 2019] аддитивное значение рассматривается в качестве базового. Вне зависимости от анализа, в отличие от частиц из нижней половины таблицы, *bhii* не может употребляться в сочинительной функции типа **X (bhii), Y bhii* (Анкур Саксена, л. с.). Таким образом, в своем аддитивном варианте *bhii* скорее эквивалентна частице *тоже / also*, но не *и* — именно так ее рассматривают [Lahiri 1998; Dayal 2019]. Анализ частиц типа *тоже / also* и их места в предлагаемой типологии выходит за рамки настоящей работы. О различии между чисто аддитивными показателями типа *тоже / also* и аддитивно-скалярными показателями типа *и* см. [Gast, van der Auwera 2013: 138–139].

2. Семантика фокусных частиц

2.1. *Даже*

Скалярный компонент семантики показателей типа *даже* в литературе предлагалось рассматривать как конвенциональную импликацию⁹ [Karttunen, Peters 1979; Rooth 1985; Lahiri 1998] или пресуппозицию [Rullmann 1997; Crnić 2011; 2014; Chierchia 2013; Greenberg 2018; Panizza, Sudo 2020]. Различие между этими понятиями нерелевантно для дальнейшего обсуждения, и далее я буду использовать стандартный на данный момент анализ, в соответствии с которым *даже / even* вводит пресуппозицию наименее вероятной или наименее ожидаемой альтернативы.

Различные лексические единицы ассоциируются с различными альтернативами, релевантные из которых определяются контекстом (20). Альтернативы Alt(X) некоторых лексических единиц X, формирующих так называемые шкалы Хорна [Horn 1989], связаны отношением логического следования (20a–c), из-за чего, как будет показано ниже, конструкции с этими элементами имеют дистрибуцию NPI.

- (20) а. Alt(или) = { или, и }
 $p \wedge q \rightarrow p \vee q$
- б. Alt(каждый) = { кто-то / некоторые, многие, большинство, каждый / все }
 каждый / все $\rightarrow$ большинство $\rightarrow$ многие $\rightarrow$ кто-то / некоторые
- в. Alt(один) = { один, два, три, ... }
 ... $\rightarrow$ десять $\rightarrow$ ... $\rightarrow$ три $\rightarrow$ два $\rightarrow$ один
- д. Alt(волк) = { волк, ёж, лиса, медведь, ... }
- е. Alt(Петя) = { Петя, Маша, Вася, Лена, ... }

Альтернативы произвольной составляющей S определены так:

- (21) множество альтернатив составляющей S, по [Fox, Spector 2018: 4]
 $\text{Alt}([_S \dots F \dots]) =$
 { S' | S' получена из S путем замены фокусного элемента F на одну из его альтернатив Alt(F) }.

Например,

- (22) а. p = важен каждый_F участник
- б. Alt(p) = { важен каждый участник, важны многие участники, важны некоторые участники, ... }

Частицы типа *даже*, *even* обычно анализируются как операторы пропозиционального уровня, соответственно, их пресуппозиции определяются исходя из пропозициональных альтернатив. В неформальном виде семантика *даже / even* представлена в (23).

⁹ И. М. Богуславский предлагает нестандартный анализ, в котором импликация, возникающая в предложениях с *даже*, рассматривается как коммуникативная, а не конвенциональная [Boguslavsky 2001]. Аргументы в пользу этого анализа основаны на одном классе специфических примеров (типа *Иван купается в море не летом, даже не осенью, а зимой*), которые я не могу рассмотреть здесь по соображениям объема.

(23) Семантика [*даже* / *even* *p*], по [Rooth 1985; Crnič 2011; 2014; Chierchia 2013]

а. Утверждение: *p*.

б. Скалярная пресуппозиция: одна / каждая p' ($\neq p$) из $\text{Alt}(p)$ более вероятна, чем *p*.

с. Аддитивная пресуппозиция: существует истинная p' ($\neq p$) из $\text{Alt}(p)$.

Существуют по меньшей мере два вопроса по поводу формулировки скалярной пресуппозиции (23b): во-первых, должна ли она быть универсальной или экзистенциальной? Иными словами, должны ли все альтернативы, кроме собственно *p*, быть менее (или не более) вероятны, чем утверждение *p*, или достаточно одной менее вероятной альтернативы. Во-вторых, какая именно шкала используется для упорядочивания альтернатив? Например, в [Fauconnier 1975; Gast, van der Auwera 2011] предлагается использовать шкалу «прагматической силы», что позволяет охватить некоторые случаи, когда пресуппозиции частиц типа *даже* не сводятся очевидным образом к вероятности / ожидаемости.

Конкретные ответы на оба эти вопроса, как кажется, не влияют на нижеследующие рассуждения, поэтому далее я буду использовать наиболее стандартный анализ, в соответствии с которым скалярная пресуппозиция универсальна и использует шкалу вероятности (23b), см. обсуждение альтернатив в [Crnič 2011; Gast, van der Auwera 2011; Greenberg 2018] и ссылки там. '*p* менее вероятно, чем *q*, в контексте *K*' обозначается как $p <_K q$. Например:

(24) Петя не решил даже одну_F задачу.

а. Утверждение: Петя не решил одну задачу.

б. Скалярная пресуппозиция: Петя не решил 1 задачу $<_K$ Петя не решил *n* задач.

с. Аддитивная пресуппозиция: $\exists n > 1$: Петя не решил *n* задач.

Не вполне ясно, действительно ли аддитивная пресуппозиция заложена в семантику *даже* или она возникает прагматически, см. обсуждение в [Rullmann 1997; Crnič 2011; Gast, van der Auwera 2011; Wagner 2015]. Аргументы против аддитивной пресуппозиции *даже* обсуждаются в разделе 4.2.1. Ее отсутствие необходимо для обоих вариантов анализа различия между *и*- и *даже*-NPI (раздел 4). В остальных случаях существование аддитивной пресуппозиции нерелевантно, и в дальнейшем я буду принимать во внимание только скалярную пресуппозицию *даже*.

2.2. И

На первый взгляд может показаться, что семантика *и* совпадает с семантикой *даже*, поскольку во многих случаях их интерпретация схожа. Например, в (25) *и* обнаруживаются те же самые две пресуппозиции:

(25) Мне { *даже* / *и* } одной попытки хватит.

а. $\exists n > 1$: мне хватит *n* попыток.

б. мне хватит 1 попытки $<_K$ мне хватит 2 попыток $<_K$ ...

В действительности же скалярное следствие / импликатура в (25) практически тривиально: оно обусловлено семантикой числительного *один* и глагола *хватать* и не зависит от контекста (см. обсуждение ниже в разделе 3.1). В случаях, когда появление скалярного следствия / импликации зависит от контекста, *и* едва ли может форсировать его — примеры (а) в (26) и (27), в отличие от примеров (б), имеют чисто аддитивную интерпретацию.

(26) а. И моим детям эта задача далась легко.

б. Даже моим детям эта задача далась легко.

- (27) а. Пришел и Петя.
 б. Пришел даже Петя.

Следует отметить, что все предложения в (26) и (27) могут иметь скалярное следствие при интонационном выделении составляющих *моим детям* и *Петя* соответственно. Это согласуется с типологическими наблюдениями [Gast, van der Auwera 2013: 138–140]: вне зависимости от семантики частицы, скалярная интерпретация возникает только при интонационном выделении фокусной составляющей. Таким образом, я предполагаю, что в семантику *и* входит только аддитивная пресуппозиция, а скалярность опционально привносится соответствующей просодией с ударением на фокусный элемент¹⁰. В разделе 4.3 этот анализ будет распространен и на частицу *даже*, которая в отличие от *и* не имеет собственной аддитивной семантики (раздел 4.2.1) и неизбежно ассоциируется со скалярностью. До раздела 4, однако, я буду предполагать, что частица *даже* сама привносит скалярность в интерпретацию.

Семантика *и* без скалярной пресуппозиции представлена в (28).

- (28) Семантика [*и* р] (будет уточнена в разделе 4.3.1)
 а. Утверждение: р.

б. Аддитивная пресуппозиция: одна / каждая р' ($\neq$ р) из Alt(р) истинна¹¹.

В дальнейшем я принимаю аддитивную пресуппозицию в экзистенциальной формулировке ('существует истинная альтернатива'), что не влияет на анализ.

3. *И-* и *даже*-NPI: разные пути к неграмматичности

В этом разделе я показываю, как (не)грамматичность сочетаний [фокусная частица + нижняя точка шкалы] следует из пресуппозиций соответствующих частиц и логического упорядочивания шкал Хорна. В случае с частицей *даже* я принимаю стандартный анализ [Krifka 1995; Lahiri 1998; Crnić 2011; 2014; Chierchia 2013], в соответствии с которым неграмматичность *даже*-NPI в утвердительных контекстах сводится к нарушению скалярной пресуппозиции¹² (раздел 3.1). В разделе 3.2 показано, что отрицание создает лицензирующий контекст благодаря развороту шкалы. В разделе 3.3 я предлагаю анализ неграмматичности *и*-NPI, основанный на следующем принципе: утверждение неграмматично (точнее, воспринимается как неграмматичное), если оно следует из собственной пресуппозиции.

3.1. *Даже*

Как уже было сказано в разделе 2.1, разные фокусируемые элементы производят альтернативы разного типа. Альтернативы некоторых элементов обусловлены знаниями о мире

¹⁰ Это, впрочем, не влияет на анализ *и*-NPI. Во-первых, в рассматриваемых примерах (8) они интерпретируются скалярно. Во-вторых, их неграмматичность обусловлена более сильным ограничением, чем то, которое накладывает скалярная пресуппозиция (раздел 3.3). Таким образом, вопрос, входит ли скалярная пресуппозиция в лексическую семантику *и*, оказывается нерелевантен для анализа *и*-NPI.

¹¹ Аддитивную пресуппозицию в экзистенциальной формулировке можно не постулировать напрямую, а вывести из независимых предположений о семантике аддитивных частиц [Nicolae 2020].

¹² Или к противоречию между утверждением и импликатурами, если скалярный компонент анализируется как конвенциональная импликатура.

и логически не связаны, как в примере (29). Можно сказать, что в данном случае между альтернативными пропозициями существует не логическое, а «прагматическое» следование [Fauconnier 1975; Rullmann 1997; Gast, van der Auwera 2011], для чего я использую обозначение $\rightarrow_K$ (29d). Поскольку выше я определил *даже* через вероятностное отношение $<_K$, возникающее «прагматическое следование» можно рассматривать как результат вероятностного упорядочивания альтернатив (29c) — если говорящий утверждает, что истинна наименее вероятная альтернатива (29b), то из этого (прагматически) следует, что истинны и более вероятные (29d).

(29) Тебя даже ТАКСА_F напугает.

a. $\text{Alt}(\text{такса}) = \{ \text{такса, лабрадор, алабай, ... } \}$

b. Утверждение: тебя напугает такса.

c. Скалярная пресуппозиция: тебя напугает такса $<_K$ тебя напугает лабрадор $<_K$ ...

d. Прагматическое следствие: тебя напугает такса $\rightarrow_K$ тебя напугает лабрадор $\rightarrow_K$

В случае со шкалами Хорна (20a-c), однако, существует не прагматическое, а собственно логическое следование, что обусловлено семантикой элементов шкалы. Логическое следование (30b) предопределяет вероятностное упорядочивание $<_K$: наиболее сильная альтернатива в то же время является наименее вероятной (30c). В самом деле, во всех ситуациях, когда у меня есть 10 яблок, истинно и то, что у меня есть 9 яблок, но не наоборот. Таким образом, ситуация ‘у меня есть 9 яблок’ случается не реже, чем ситуация ‘у меня есть 10 яблок’ и, следовательно, не может быть менее вероятной.

(30) У меня есть даже ДЕСЯТЬ_F яблок.

a. $\text{Alt}_-(\text{десять}) = \{ ... 8, 9 \}$

b. У меня есть 10 яблок $\rightarrow$ у меня есть 9 яблок $\rightarrow$ у меня есть 8 яблок ...

c. У меня есть 10 яблок $<_K$ у меня есть 9 яблок $<_K$ у меня есть 8 яблок ...

В (30a) я использую $\text{Alt}_-(X)$ для обозначения множества более слабых альтернатив в случаях, когда альтернативы упорядочены логическим следованием. Я предполагаю, что множество альтернатив контекстно сужается до $\text{Alt}_-(X)$. Например, в (30) не рассматривается альтернатива *у меня есть миллион яблок*, которая, конечно, сильнее утверждения *у меня есть десять яблок*. С другой стороны, если использовать экзистенциальную формулировку скалярной пресуппозиции (‘существует более вероятная альтернатива’), в таком контекстном сужении нет необходимости, поскольку достаточно существования хотя бы одной более слабой / вероятной альтернативы, чем *у меня есть 10 яблок*. В дальнейшем я буду использовать подход с универсальной скалярной пресуппозицией и контекстным сужением множества релевантных альтернатив.

Кроме того, следует отметить, что следствие в (30b) истинно при анализе семантики числительных как ‘по меньшей мере n ’, но не ‘ровно n ’ — из того, что у меня есть ровно 10 яблок, не следует, что у меня есть ровно 9 яблок. Хотя при использовании семантики ‘ровно n ’ вероятностное отношение $<_K$ (30c) может по-прежнему сохраняться, в дальнейшем я продолжу предполагать более стандартную семантику числительных ‘по меньшей мере n ’. Интерпретация числительных как ‘ровно n ’ в таком случае может получаться благодаря скалярной имплицатуре или скрытому оператору экзотификации с семантикой типа *только*, см. раздел 4.3. Подробнее об интерпретации числительных см., например, [Spector 2013; Bylinina, Nouwen 2020].

Наконец, я предполагаю, что *ноль* не входит во множество альтернатив числительных и не участвует в соответствующих логических отношениях. Ср. *Если у меня есть два мячика, то у меня есть и один* и [#]*Если у меня есть один мячик, то у меня есть и ноль мячиков* (= [#]*Если у меня есть один мячик, то у меня нет мячиков*).

Таким образом, в утвердительных контекстах нижняя точка (*один*), находясь в фокусе и будучи наиболее слабым элементом шкалы, не может породить более вероятную альтернативу. В результате скалярная пресуппозиция *даже* в сочетании с *один NP* не соблюдается в утвердительном предложении вне зависимости от контекста (31), что объясняет девиантность подобных предложений.

(31) *Петя решил даже одну_F задачу.

a. $\text{Alt}_{\rightarrow}(\text{один}) = \emptyset$

b. #Петя решил 1 задачу $<_K$ Петя решил 2 задачи $<_K \dots$

В случаях, когда множество альтернатив не упорядочено логическим следованием, возможно представить / аккомодировать контекст, в котором скалярная пресуппозиция будет соблюдена, ср. (32–33), поэтому в общем случае *даже* не связана с отрицательной полярностью.

(32) Пришел даже врач_F.

a. $\text{Alt}(\text{врач}) = \{ \text{врач, адвокат} \}$

b. пришел врач $<_K$ пришел адвокат

(33) Пришел даже адвокат_F.

a. $\text{Alt}(\text{адвокат}) = \{ \text{адвокат, врач} \}$

b. пришел адвокат $<_K$ пришел врач

Сочетание с любым числительным выше *один* не приводит к (неизбежному) нарушению пресуппозиции, поскольку имеется хотя бы одна более слабая альтернатива (34).

(34) А ведь была еще и зима — даже две_F зимы в эвакуации.

[НКРЯ; И. Грекова. Перелом (1987)].

a. $\text{Alt}_{\rightarrow}(\text{два}) = \{ 1 \}$

b. были две зимы в эвакуации $\rightarrow$ была одна зима в эвакуации

c. были две зимы в эвакуации $<_K$ была одна зима в эвакуации

3.2. Отрицание

Как было показано во введении, в контексте отрицания конструкции *даже один NP* грамматичны. Более общее наблюдение: в контексте отрицания поверхностно *даже* сочетается с наиболее **слабой** (= наиболее вероятной) альтернативой (35).

(35) Петю #(*не*) поприветствовал даже его лучший друг.

Это возможно благодаря тому, что в контексте отрицания (и других контекстах лицензирования NPI, см. раздел 4.1) шкала «разворачивается» и самая слабая альтернатива превращается в самую сильную. В (36) это иллюстрируется на примере конъюнкции и дизъюнкции, кванторных выражений и числительных.

(36) Шкалы Хорна и отрицание

a. $p \wedge q \rightarrow p \vee q$

$\neg(p \wedge q) \leftarrow \neg(p \vee q)$

b. каждый / все $\rightarrow$ большинство $\rightarrow$ многие $\rightarrow$ кто-то / некоторые (существует)
не каждый / все $\leftarrow$ не большинство $\leftarrow$ не многие $\leftarrow$ не существует

- с. ... → десять → ... → три → два → один
 ... ← не десять ← ... ← не три ← не два ← не один

(37) Пример

а. Петя решил две задачи → Петя решил одну задачу

б. Неверно, что Петя решил две задачи ← Неверно, что Петя решил одну задачу

Таким образом, для того чтобы скалярная пресуппозиция *даже* соблюдалась, необходимо, чтобы альтернативы вычислялись после разворота шкалы, т. е. после добавления отрицания в семантику, а значит, необходимо, чтобы *даже* имело сферу действия над отрицанием (38). Это обеспечивает соблюдение необходимых следствий (38с) и вероятностных отношений (38d).

(38) Петя не решил даже одну задачу = Даже [_P Петя не решил одну задачу].

а. Утверждение P: Петя не решил одну задачу.

б. Alt(P) = { Петя не решил одну задачу, Петя не решил две задачи, ... }

с. Следствие: Петя не решил одну задачу → Петя не решил две задачи → ...

д. Пресуппозиция: Петя не решил одну задачу <_к Петя не решил две задачи <_к ...

Как было замечено еще в [Karttunen, Peters 1979; Богуславский 1985], сфера действия *even / даже* не ограничивается финитной клаузой. Например, *даже* может сочетаться со слабой альтернативой во вложенной клаузе, даже если оператор, разворачивающий шкалу, находится в матричной клаузе. В (39) разворот шкалы обеспечивается матричным предикатом с имплицитным отрицанием *сомнительно* (или *маловероятно*)¹³, и для соблюдения скалярной пресуппозиции необходимо, чтобы частица *даже* имела сферу действия над ним.

(39) Сомнительно / маловероятно, что он успеет даже на последнюю электричку.

= Даже [сомнительно / маловероятно, что он успеет на последнюю электричку].

При определенной интонации возможна и узкая сфера действия частицы *даже*, которая в таком случае сочетается с сильной альтернативой (40).

(40) Сомнительно / маловероятно, что Петя был даже на Камчатке.

Проблема теории [Karttunen, Peters 1979; Богуславский 1985] состоит в том, что *даже* получает уникальную, нехарактерную для других лексических единиц способность иметь исключительно широкую сферу действия. Существует альтернативная теория, предполагающая, что в контексте отрицания и других контекстах лицензирования NPI имеет место омонимичная простому *даже* (*even* и т. д.) частица *даже*_{NPI} с дистрибуцией NPI [Rooth 1985; Rullmann 1997; Giannakidou 2007; Sudo 2011]. Эта частица остается в сфере действия оператора, разворачивающего шкалу, и действительно сочетается с **наиболее** вероятной альтернативой, т. е. имеет семантику, близкую к *хотя бы*. Таким образом, предложения (38) и (39) анализируются как синонимичные *Петя не решил хотя бы одну задачу* и *сомнительно / маловероятно, что он успеет хотя бы на последнюю электричку* соответственно.

Существуют по меньшей мере четыре аргумента против этого анализа и / или в пользу анализа с широкой сферой действия обычного *даже*.

Во-первых, широкая сфера действия *даже* (при линейном расположении после отрицания) не является исключительной особенностью этой частицы. Как показано в (41) и (42),

¹³ Разворот шкалы: сомнительно / маловероятно, что Петя решил одну задачу → сомнительно / маловероятно, что Петя решил две задачи.

в случае с фокусными частицами *только* и *почти* также возможна (и даже предпочтительна) интерпретация с широкой сферой действия (41а), (42а). В свете (41–42) в обосновании нуждается предположение о том, что *даже* (в отличие от *только* и *почти*) **не может** иметь сферу действия над отрицанием.

- (41) а. Петя не решил только одну задачу (, а остальные решил).
 только > ¬: существует только одна задача X такая, что Петя не решил ее
- б. (Нет.) Петя не решил только одну задачу. (Он решил все задачи.)
 ¬ > только: неверно, что Петя решил только одну задачу
- (42) а. Петя не решил почти десять задач (, а именно целых девять).
 почти > ¬: из 30 задач Петя решил 21 и не решил 9
- б. (Нет.) Петя не решил почти десять задач (, он решил всего пять).
 ¬ > почти: из 20 задач Петя решил 5, и не решил 15

Во-вторых, интерпретация со сферой действия под отрицанием возможна и в случае *даже*, для чего также требуется особая интонация (43b). При этом в отличие от (43а), в (43b) появляется следствие / импликатура, что 1000 рублей — это много. В теории с лексической неоднозначностью *даже* неясно, почему использование двух разных лексем (*даже* и *даже_{NPI}*) должно сопровождаться разной интонацией. С другой стороны, хорошо известно, что интонационные различия обычно связаны с различной сферой действия составляющих, см., например, [König 1991: 47]. Это свидетельствует в пользу того, что в случае со всеми обсуждаемыми частицами (*даже*, *только*, *почти*) различные интерпретации связаны с их интерпретацией в разных позициях, а не с использованием разных омонимичных лексических единиц¹⁴.

- (43) а. У меня нет даже жалкой 1000 рублей. (даже > нет 1000)
- б. Маша: У меня есть 500 рублей, а у Пети есть даже 1000.
 Петя: У меня нет даже 1000 рублей (, у меня только 900). (нет > даже 1000)

В-третьих, в отличие от *хотя бы* и английского *even*, *даже* неграмматично в сочетании с нижней точкой шкалы в некоторых контекстах без очевидного разворота шкалы, например, в вопросах и императивных клаузах (44–45).

- (44) Общий вопрос
 а. Have you talked to him even once? [Giannakidou 2007: 66]
 б. Ты поговорил с ним { хотя бы / *даже } (один) раз?
- (45) Императив
 а. Break even ONE record that I can't! [Crnić 2011: 68]
 б. Побей { хотя бы / *даже } один рекорд, который не могу побить я!

Наконец, существуют контексты, в которых *даже один NP* грамматично (8b), но их трудно проанализировать в теории NPI-*даже*. В (46) NPI-*даже*, находящийся в рестрикторе квантора *каждый*¹⁵, должен проецировать пресуппозицию **наибольшей** вероятности (46b): ‘получение самого сложного задания — наиболее вероятная альтернатива’. Однако, как кажется, такой пресуппозиции / следствия в (46) нет.

¹⁴ Обсуждение и вариант анализа того, почему интерпретация фокусных элементов под отрицанием должна сопровождаться маркированной интонацией, см. в [Fox, Spector 2018].

¹⁵ Это один из контекстов лицензирования NPI, см. (8b) и раздел 4.1.

- (46) Каждый, кому досталось даже_{NPI} самое сложное задание, сдал экзамен.
 = каждый, [даже_{NPI} [_P кому досталось самое сложное задание]], сдал экзамен.
 а. Утверждение P: x досталось самое сложное задание.

б. Пресуппозиция P: #x досталось самое сложное задание $>_k$
 x досталось простое задание $>_k$ ...

Чтобы сделать NPI-теорию совместимой с (46), необходимо предположить, что в (46) используется не вероятностная, а какая-то иная шкала. В таком случае, возможно, удастся сформулировать слабую скалярную пресуппозицию, совместимую с интуитивной интерпретацией (46). Так или иначе, остается неясным, почему у (46) едва ли есть ожидаемая «дефолтная» интерпретация NPI-*даже*, в которой пропозиция P (46а) воспринимается как наиболее вероятная альтернатива.

Фактическая интерпретация (46) предсказывается при предположении о широкой (сентенциальной) сфере действия *даже*:

- (47) Каждый, кому досталось даже самое сложное задание, сдал экзамен.
 = даже [каждый, кому досталось самое сложное задание, сдал экзамен].
 а. Утверждение: каждый, кому досталось самое сложное задание, сдал экзамен

б. Пресуппозиция: каждый, кому досталось самое сложное задание, сдал $<_k$
 каждый, кому досталось простое задание, сдал $<_k$ ...

Таким образом, я принимаю теорию, в соответствии с которой грамматичность *даже* в сочетании с нижней точкой шкалы (= самой слабой альтернативой) в фокусе обеспечивается сферой действия *даже* над отрицанием или другим оператором, разворачивающим направление логического или прагматического следования.

Можно, однако, заметить, что хотя приведенные выше аргументы и свидетельствуют в пользу широкой сферы действия *даже* в простых клаузах (аргументы 1 и 2) и против существования NPI-*даже*, они никак не объясняют, каким образом *даже* получает возможность иметь исключительную сферу действия, находясь во вложенных клаузах (39), (47). В последующих разделах я буду использовать немотивированное допущение, что широкая сфера действия *даже* достигается за счет скрытого передвижения [Karttunen, Peters 1979; Kay 1990; Wilkinson 1996; Lahiri 1998; Crnić 2011; 2014]. В разделе 4.3.2 я рассматриваю анализ широкой сферы действия *даже*, позволяющий обойтись без нестандартных передвижений.

Более подробное обсуждение и сравнение теории широкой сферы действия и теории двусмысленности скалярных частиц см. в [Rullmann 1997; Giannakidou 2007; Crnić 2011].

3.3. И

Анализ неграмматичности утвердительных предложений с *даже*-NPI (31) можно распространить и на *и*-NPI, поскольку они тоже интерпретируются скалярно. Однако в их случае должно существовать какое-то дополнительное ограничение, определяющее их более узкую дистрибуцию (8). Я предполагаю, что это ограничение связано с аддитивной пресуппозицией *и*. Как показано в (48), в эпизодическом утвердительном контексте утверждение и аддитивная пресуппозиция не противоречат друг другу. Более того, утверждение следует из пресуппозиции (48с).

- (48) *Петя решил и одну_F задачу.
 а. Утверждение: Петя решил одну задачу.
 б. Пресуппозиция: $\exists n > 1$: Петя решил n задач.
 с. Петя решил n задач (48б) $\rightarrow$ Петя решил одну задачу (48а)

Именно это, как я предполагаю, и есть причина неграмматичности *u*-NPI в неотрицательных контекстах, соответствующий принцип сформулирован в (49).

(49) Запрет тавтологичности

Утверждение *p* воспринимается как неграмматичное / недопустимое, если оно следует из собственной пресуппозиции.

Принцип (49) укоренен в прагматике: утверждение, следующее из собственной пресуппозиции, не сообщает никакой новой информации, что в частности нарушает максимум количества Грайса в очень явной форме. Тавтологичные предположения, однако, обычно воспринимаются как прагматически странные (50а) или даже вполне допустимые (50б), но не неграмматичные (48).

(50) а. #Петя — это Петя.

б. На данный момент его нельзя сравнивать с Криштиану Роналду.
Криштиану — это Криштиану. Роналду выиграл все в «Реале»¹⁶.

Для анализа случаев, когда грамматически корректное предложение воспринимается как неграмматичное, было предложено понятие логической аналитичности [Gajewski 2002] или грамматической тривиальности [Chierchia 2013] (далее — G-тривиальность). Как отмечает Дж. Кьеркья, логически (но не грамматически) тавтологичные / противоречивые предложения типа (50) могут иметь осмысленную интерпретацию [Chierchia 2013: 53]. С другой стороны, G-тривиальные предложения типа (48) или **Петя видел кого-либо*¹⁷ нельзя сделать «информационно полезными» путем переинтерпретации входящих в них лексических единиц.

В полуформальном виде G-тривиальность определена в (51).

(51) G-тривиальность, по [Chierchia 2013: 51]

Предложение *p* G-тривиально, если: $p' = 1$ (/ 0) независимо от контекста, где p' — предложение, полученное путем **любой** замены (не «функциональных») лексических единиц в *p*.

Это определение опирается на традиционное выделение закрытого класса «функциональных» / «логических» лексем, см. обсуждение в [van Benthem 1989; von Stechow 1995; Gajewski 2002; Abrusán 2014]. Можно предположить, что к такой лексике относятся слова *кто-либо*, *и*, *один* и, несомненно, не относятся, например, слова *стол*, *бежит*, *красивый* и т. п.

В (52–53) показаны «логические шаблоны» грамматичных предложений типа *P — это Q* и G-тривиальных предложений с *u*-NPI. Лексемы открытого класса заменены переменными. Предложения в (52) могут быть нетавтологичными (52с), предложения в (53) тавтологичны независимо от подстановки конкретных лексем. Точнее, у всякого предложения, сформированного по шаблону (53а-б), могут быть только две судьбы: либо аддитивная пресуппозиция *и* нарушается и предложение не имеет истинностного значения; либо пресуппозиция не нарушается, утверждение следует из собственной пресуппозиции и потому с неизбежностью истинно (а значит, G-тривиально), как (48).

(52) а. *P* — это *Q*.

б. #Капуста_{*p*} — это капуста_{*Q*}.

с. Капуста_{*p*} — это овощ_{*Q*}.

¹⁶ <https://blancos.info/forum/showthread.php?t=11975>.

¹⁷ В анализе [Krifka 1995; Chierchia 2013] утвердительные предложения с NPI типа **John saw anyone* или **Петя видел кого-либо* с неизбежностью противоречивы.

(53) а. x Р и один Q. (пример: *Петя_x видит_Р и один стол_Q)

б. и один Q Р. (пример: *и один человек_Q пришел_Р)

Помимо лицензирования NPI типа *anybody*, *кто-либо*, G-тривиальность позволяет объяснить многие другие случаи недопустимости предложений, в которых не нарушены никакие правила грамматики (согласование, аргументная структура глагола и т. д.) [Gajewski 2002; Fox, Hackl 2006; Chierchia 2013: 42–54; Abrusán 2014]. Например, в [Mayr 2019; Theiler et al. 2019] через G-тривиальность (а не синтаксические селективные ограничения) предлагается анализировать типологически устойчивую и в некоторых случаях зависимую от контекста (не)сочетаемость определенных предикатов с вопросительными компонентами типа *Маша знает* / *верит / *пришел и *Петя* *(не) *уверен*, *курит ли Маша*, см. также обсуждение этого анализа в [Вострикова, Куслий 2020].

Прежде чем завершить этот раздел, остается показать, почему *и*-NPI грамматичны в контексте отрицания (54). Как и в случае с *даже*, благодаря развороту шкалы слабое утверждение с числительным *один* становится сильным (54а). Таким образом, оно не следует из пресуппозиции (54с), а, наоборот, имплицитует ее (54d). Очевидно, как и в случае с *даже*, необходимо, чтобы аддитивная пресуппозиция *и* проецировалась после вступления отрицания в деривацию. Я возвращаюсь к обсуждению сферы действия *и* в разделе 4.3.1¹⁸.

(54) Ты и одного_Р раза не вытерпишь; удавишься или с ума сойдешь.

[НКРЯ; В. Г. Галактионова. Спящие от печали (2010)].

а. Утверждение Р: ты не вытерпишь одного раза.

б. Alt(P) = { ты не вытерпишь одного раза, ты не вытерпишь двух раз, ... }

с. Пресуппозиция: $\exists n > 1$: ты не вытерпишь n раз.

д. ты не вытерпишь 1 раз (54а) $\rightarrow$ ты не вытерпишь n раз (54с)

Описанные анализы частиц *и*, *даже* распространяются и на случаи, когда в фокусе находится не числительное *один*, а нижняя точка какой-то иной шкалы, в (55–56) я привожу примеры с *и*. Не очень ясно, используются ли в этих случаях в качестве альтернатив числа (как показано в (а)) или альтернативные единицы измерения (b)¹⁹. В любом случае

¹⁸ В [Starchenko, Kozlov 2020] приводится следующее наблюдение: в сочетании с промежуточным элементом шкалы Хорна (например, числительным выше *один* или словом *половина*) аддитивное *и* маргинально без отрицания (ii-a), если салиентная альтернатива не представлена в предшествующем контексте. Авторы выдвигают предположение, что существует NPI-*и*, которое, в отличие от простого аддитивного *и*, не требует салиентной альтернативы, но употребляется только в контексте отрицания (ii-a). Однако без контекста аналогичное предложение с *даже* без отрицания также неидеально (ii-b). Как было показано в разделе 3.2, есть основания считать, что у *даже* нет омонима с дистрибуцией NPI.

(ii) а. На пару и половина студентов *(не) пришла!

б. На пару даже половина студентов ?(не) пришла!

Видимо, контрасты в (ii–iii) — следствие независимо существующих свойств шкал, а не лексической неоднозначности *и* и *даже*. Можно предположить, например, что промежуточные точки шкал (типа *половина*) при скалярной интерпретации по умолчанию воспринимаются как слабые альтернативы (iii). Соответственно, в отсутствии разворота шкалы с трудом аккомодируется контекст, в котором скалярная пресуппозиция не нарушается, а аддитивная не влечет тавтологичности.

(iii) Пришла ли на пару { хотя бы / ?? даже } половина студентов?

¹⁹ Очевидно, фокусные элементы в (55–56) не относятся к логическим лексемам. Таким образом, если в качестве альтернатив используются не числа (55b, 56b), логические шаблоны утвердительных вариантов предложений в (55–56) не G-тривиальны:

утверждения в (55–56) не следуют из своих аддитивных пресуппозиций и не нарушают скалярную пресуппозицию, если она есть. Я предполагаю, что дистрибуция составляющих типа *и минута*, *и капля*, *и слово* и т. д., такая же, как у *и один NP*. Возможно, представленный здесь анализ также распространим на идиомы типа *и пальцем не пошевелил*; в дальнейшем я продолжу рассматривать только примеры с числительными.

- (55) Не передохнув и минуты_F, солдаты топают туда, где живет подполковник [...]
[НКРЯ; Владимир Маканин. Кавказский пленный (1995)].
а. Alt(минута) = { минута, две минуты, ... }
б. Alt(минута) = { минута, час, ... }
- (56) Да мы к столу и не подойдем, да мы и капли_F не выпьем.
[НКРЯ; А. Н. Толстой. Хождение по мукам / Книга третья. Хмурое утро (1941)]
а. Alt(капля) = { капля, две капли, ... }
б. Alt(капля) = { капля, глоток, ... }

Итак, в этом разделе было показано, что в случае *и-NPI*, помимо нарушения скалярной пресуппозиции, причиной неграмматичности может быть также тавтологичность, обусловленная аддитивной пресуппозицией. В следующем разделе я рассматриваю два варианта анализа, объясняющие, как из этого дополнительного ограничения, релевантного только для *и*, следует более узкая дистрибуция *и-NPI* (8).

4. *и*- и *даже*-NPI: разная дистрибуция

Раздел 4.1 посвящен теории сильных и слабых NPI [von Stechow 1999; Gajewski 2011] — читатели, знакомые с ней, могут пропустить его. В разделе 4.2 я показываю, как эта теория может попытаться объяснить различия в дистрибуции *и*-NPI и *даже*-NPI с учетом предположения об отсутствии у *даже* аддитивной пресуппозиции, и прихожу к выводу, что без дополнительных немотивированных допущений анализ заходит в тупик. В разделе 4.3.1 я обсуждаю альтернативную и, на мой взгляд, более перспективную теорию, в которой неграмматичность *и*-NPI следует из ограничения сферы действия *и*. В разделе 4.3.2 я предлагаю объяснение, почему у *даже* нет этого ограничения.

(iv) x и PQ (мы и ЛИТР выпьем; *мы и КАПЛЮ выпьем)

В [Del Pinal 2019] отстаивается альтернативный подход к G-тривиальности, позволяющий обойтись без логических шаблонов. Тривиальность предложения проверяется с учетом всей входящей в него лексики. Только «нелогические» лексемы могут контекстно переинтерпретироваться, что спасает от тривиальности допустимые предложения типа (50), (52). Как мне кажется, этот подход предсказывает маргинальность/недопустимость случаев типа *мы и каплю выпьем. Например, мы выпьем глоток воды $\nrightarrow$ мы выпьем каплю пива. Однако глоток и капля не могут переинтерпретироваться по-разному, поскольку у альтернатив нет собственного контекста [Ibid.]. Соответственно, приводящее к тавтологии следование всегда будет сохраняться: мы выпьем глоток воды $\rightarrow$ мы выпьем каплю воды.

Этот подход также позволяет объяснить случаи лицензирования NPI «нелогическими» лексемами: например, хватать (25), сомневаться (39), англ. *lack* (*John lacks any sense of humor*). Подход [Gajewski 2002; Chierchia 2013] предсказывает невозможность такого лицензирования, поскольку соответствующие предложения получаются из G-тривиальных шаблонов, которые оказываются «спасены» уже после вставления на место переменных соответствующих нелогических лексем.

4.1. Нисходящая монотонность, пресуппозиции и лицензирование NPI

В соответствии со стандартной и наиболее влиятельной теорией [Fauconnier 1979; Ladusaw 1979] NPI лицензируются в контекстах, обладающих свойством разворота шкалы или нисходящей монотонности (downward entailingness; далее — DE). Эти понятия практически эквивалентны [Haspelmath 1997: 113–114], в дальнейшем я буду использовать более употребимое в современной литературе понятие DE. Контексты с DE обеспечивают следование из множеств в подмножества, см. определение в (57).

(57) Нисходящая монотонность, упрощенная версия [von Fintel 1999: 100]

Функция f — нисходяще монотонная, если для любых x, y таких, что $x \rightarrow y$: $f(y) \rightarrow f(x)$.

В частности, в разделе 3.2 уже было показано, что отрицание, которое собственно и является наиболее устойчивым лицензором NPI, обладает свойством разворота шкалы. В (58) показано, что и DE соблюдается в контексте прямого отрицания, в данном случае релевантная функция не.ест(x):

(58) а. x : капуста $\rightarrow$ y : овощ

б. не.ест(y): Петя не ест овощи $\rightarrow$
не.ест(x): Петя не ест капусту

Соблюдается ли DE в других контекстах лицензирования NPI? Не совсем. Наиболее очевидно это в случае со сферой действия оператора *только* (59). Несмотря на истинность следствия (58а), из того, что (только) Джон ел на завтрак овощи, не следует, что (только) Джон ел на завтрак капусту.

(59) а. Only John ate vegetables for breakfast. $\rightarrow$

Only John ate kale for breakfast.

[von Fintel 1999: 101]

б. Только Джон ел овощи на завтрак. $\rightarrow$

Только Джон ел капусту на завтрак.

Нисходяще монотонному следованию в (59) препятствует пресуппозиция *только*. В частности, в соответствии со стандартным анализом *только* [Karttunen, Peters 1979; Horn 1996], в (60) консеквент Q ‘только Джон ел капусту на завтрак’ проецирует пресуппозицию R ‘Джон ел капусту на завтрак’. Если предположить, что эта пресуппозиция соблюдена, нисходящее монотонное следование проходит (60).

(60) [_R только Джон ел овощи на завтрак] & [_R Джон ел капусту на завтрак] $\rightarrow$
[_Q только Джон ел капусту на завтрак]

Это же рассуждение распространяется и на рестриктор универсального квантора (61). Кванторы проецируют пресуппозицию непустоты рестриктора [Heim, Kratzer 1998: 159–172] (далее — пресуппозиция существования), например, утверждение *каждый китайский студент пришел* представляется осмысленным только в случае, если (в рассматриваемой ситуации) существуют китайские студенты. В (61) эта пресуппозиция проецируется консеквентом, и если она соблюдена, то в рестрикторе универсального квантора истинно нисходяще монотонное следствие:

(61) каждый студент пришел & (в данной ситуации) существуют китайские студенты $\rightarrow$
каждый китайский студент пришел

Итак, в отличие от отрицания, другие (по крайней мере, рассматриваемые в этой статье) лицензоры NPI вводят пресуппозиции. Эти пресуппозиции, если они не игнорируются

или не предполагаются истинными в заданном контексте, препятствуют нисходяще монотонному следованию. Иными словами, пресуппозиции «разрушают» контекст лицензирования NPI. В работе [Gajewski 2011], основанной на более ранних наблюдениях [von Stechow 1999; Chierchia 2004; Homer 2008], предлагается следующее обобщение относительно пресуппозиций и разделения NPI на слабые и сильные:

- (62) а. Слабые NPI игнорируют пресуппозиции (и импликатуры) лицензирующих операторов²⁰. Для их лицензирования достаточно соблюдения DE в ассерции.
 б. Сильные NPI учитывают пресуппозиции (и импликатуры) лицензирующих операторов. Для их лицензирования необходимо, чтобы DE сохранялось даже с учетом этих пресуппозиций (и импликатур).

Контраст между слабым и сильным NPI под отрицанием и в сфере действия *only* показан в (63–64). Отрицание, не проецируя пресуппозиций, лицензирует как слабый NPI *anybody*, так и сильный NPI *in weeks* (63). В сфере действия *only* лицензируются только слабые NPI (64). Если предположить, что сильный NPI *in weeks* проверяется как в ассерции (64b-i), так и в пресуппозиции (64b-ii), то во втором случае он окажется в нелицензирующем контексте, ср. *Петя *(не) приезжал неделями*. Более формальные анализы неграмматичности в предложениях типа (64b) см. в [Homer 2008; Gajewski 2011; Chierchia 2013: 217–220].

- (63) а. No doctor has seen **anyone**.
 б. No doctor has seen Mary **in weeks**. [Gajewski 2011: 114]
- (64) а. Only John has **ever** seen **anyone**.
 б. (i) *Only John has seen Mary **in weeks**. [Ibid.: 120]
 (ii) Пресуппозиция: *John has seen Mary **in weeks**.

Привлекательность представленной теории состоит в том, что она (а) действительно хорошо предсказывает дистрибуцию сильных и слабых NPI (впрочем, см. раздел 5) и (б) не использует свойства, релевантность которых для NPI лишена очевидных оснований, например, анти-аддитивность²¹ [Zwarts 1998], см. обсуждение в [Gajewski 2011; Chierchia 2013: 214–216].

4.2. И, даже и пресуппозиции лицензирующих контекстов

Как было показано во введении (8), *и*-NPI и *даже*-NPI по своей дистрибуции напоминают сильные и слабые NPI соответственно. Таким образом, привлекательным представляется анализ, объясняющий различие в их лицензировании в рамках общей теории сильных и слабых NPI (62). В этом разделе я рассматриваю варианты такого анализа и прихожу

²⁰ В примерах (60–61) для наглядности пресуппозиции консеквентов не игнорируются, а предполагаются истинными. И то и другое позволяет сохранить DE, в дальнейшем я буду использовать формулировку «пресуппозиции игнорируются». Например, *каждый студент пришел* → *каждый китайский студент пришел* истинно без учета пресуппозиций существования: $\forall x: [x \text{ студент} \rightarrow x \text{ пришел}] \rightarrow \forall x: [x \text{ китайский студент} \rightarrow x \text{ пришел}]$. Обсуждение *only* см. в [Chierchia 2013: 205–208].

²¹ В теории [Zwarts 1998] сильные NPI лицензируются анти-аддитивными функциями. Функция *f* анти-аддитивна, если соблюдается следующее: $f(x \vee y) \leftrightarrow f(x) \wedge f(y)$. Почему анти-аддитивность релевантна для лицензирования NPI, неясно, см. критику в [Chierchia 2013: 213–227].

к выводу, что он не может объяснить данные (8), повторенные ниже как (65), без дополнительных немотивированных допущений.

- (65) а. Петя не смог решить { ?даже/?и } одну задачу.
 б. Каждый, кто решил { ?даже/?и } одну задачу, получил зачет.
 с. Если Петя решит { ?даже/?и } одну задачу, этого хватит для зачета.
 д. Петю выгнали с зачета,
 прежде чем он успел решить { ?даже/?и } одну задачу.

В дальнейшем я ограничусь обсуждением примеров типа (65b). Все сказанное (с соответствующими уточнениями) может распространяться на другие контексты (65); о лицензировании NPI в протасисе условного предложения см. [von Stechow 1999; Chierchia 2013], о пресуппозициях *прежде* см. [Beaver, Condoravdi 2003]. Предложения с *только* и фокусными NPI включают два фокусных оператора и могут потребовать отдельного анализа, см. небольшое релевантное обсуждение взаимодействия *только* и *даже* в [Titov 2012: 152–154].

Простой анализ контрастов в (65) в духе теории (62) сводится к следующему рассуждению: *и*-NPI, будучи сильными, чувствительны к пресуппозициям лицензирующих контекстов / операторов; *даже*-NPI, будучи слабыми, игнорируют эти пресуппозиции (66). Так, универсальный квантор в (66b-i) проецирует пресуппозицию существования индивидов *x*, удовлетворяющих его рестриктору. Рестриктор формируется предикатом *лх*. [*x* решил и одну задачу]. Получающееся из него предложение, выражающее пресуппозицию, Эх [*x* решил и одну задачу] неграмматично (66b-ii).

- (66) а. ?Каждый, кто решил даже одну задачу, получил зачет.
 б. (i) ?Каждый, кто решил и одну задачу, получил зачет.
 (ii) Пресуппозиция: *существуют те, кто решил и одну задачу.

Этот анализ, как и всякий другой, опирающийся на (62), страдает произвольностью. Остается неясным, почему грамматичность предложений с одними NPI проверяется только в ассерции (64a), (66a), а с другими — и в ассерции, и в пресуппозиции (64b), (66b). Более того, как было показано в разделе 1, предположительно существует зависимость между семантикой фокусной частицы и «силой» образуемых ей NPI. Непонятно, почему от языка к языку NPI, образуемые частицами типа *и* (но не *даже*), проверяются и в ассерции, и в пресуппозиции.

Для того чтобы теория (62) действительно объясняла, почему *и*-NPI — сильные, а *даже*-NPI — слабые, необходимо увязать (не)чувствительность к пресуппозициям лицензирующих контекстов / операторов с семантикой соответствующих частиц. Как было отмечено в разделе 2, предположительно *и* вводит только аддитивную пресуппозицию, а *даже* — только скалярную. В разделе 4.2.1 я рассматриваю аргументы в пользу отсутствия у *даже* аддитивной пресуппозиции. В разделе 4.2.2 я показываю, что самого по себе этого отличия *даже* от *и* недостаточно, чтобы объяснить более широкую дистрибуцию *даже*-NPI в теории сильных и слабых NPI [Gajewski 2011] (62).

4.2.1. *Даже* и аддитивная пресуппозиция

Аргументы против аддитивной пресуппозиции *даже* (*even* и т. п.) можно разделить на две группы. В первом случае подбирается такой контекст, в котором соблюдение аддитивной пресуппозиции привело бы к неестественной интерпретации. Во втором случае подбирается такой контекст или набор альтернатив, что соблюдение аддитивной пресуппозиции привело бы к противоречию.

Аргументы первой группы обсуждаются в [Boguslavsky 2001: 31–32] на материале *даже*. Например, как отмечает И. М. Богуславский, (67) не сообщает, что Джон сделал что-то помимо вздрагивания. Хотя существование истинной альтернативы логически не исключено, едва ли (67) можно понять так, что неожиданность стала причиной еще какого-то действия Джона помимо вздрагивания, например поднятия бровей.

(67) От неожиданности Джон даже вздрогнул.

Аддитивная пресуппозиция: [#](От неожиданности) Джон поднял брови.

Исходя из примеров типа (67) Богуславский предлагает ослабить формулировку аддитивной пресуппозиции, однако, на мой взгляд, ничто не мешает просто исключить ее из семантики *даже*²².

Аргументы второй группы опираются на взаимоисключающие альтернативы, что делает соблюдение аддитивной пресуппозиции невозможным. Несовместимости альтернатив можно добиться с помощью слов с семантикой *только*. Например, как показано в [Krifka 1991; von Stechow 1991], операторы *even* и *only* могут относиться к одному и тому же фокусному элементу, в частности, слову *water / вода* в (68).

(68) (At yesterday's party, people stayed with their first choice of drink. Bill only drank WINE, Sue only drank BEER, and)

John even only drank WATER.

[Krifka 1991: 131].

‘(На вчерашней вечеринке каждый остановился на том напитке, который он выбрал изначально. Билл пил только вино, Сью пила только пиво и)

Джон { даже пил / пил даже } только воду’.

Скалярная пресуппозиция *даже* в сочетании с *только* дает интуитивно правильную интерпретацию (69а), а вот аддитивная пресуппозиция привела бы к противоречию, например [#]Джон пил только воду и Джон пил только вино (69б). Таким образом, можно сделать вывод, что в примерах (68–69) *даже* не проецирует аддитивную пресуппозицию.

(69) Даже [только [Джон пил воду_F]].

а. Скалярная пресуппозиция: Д. пил только воду $<_K$ Д. пил только вино $<_K$ ...

б. Аддитивная пресуппозиция: [#]Джон пил только воду &

$\exists x \in \{ \text{пиво, вино, ...} \}$: Джон пил только *x*.

Противоречие также возникает, если шкалы сами по себе состоят из взаимоисключающих элементов [Horn 1972; Rullmann 1997]. Например, в (71) утверждается, что Маша — профессор, и это менее ожидаемая альтернатива, чем *Маша — доцент*. Если бы у *даже* была аддитивная пресуппозиция, то в (71) также сообщалось бы, что Маша имеет еще какое-то ученое звание помимо профессора.

(70) A: Is Claire an [_F assistant] professor?

B: No, she's even an [_F associate] professor.

[Rullmann 1997: 45]

(71) а. Я думал, что Маша доцент, а она, оказывается, даже профессор.

б. Аддитивная пресуппозиция: [#]Маша, оказывается, профессор &

$\exists x \in \{ \text{доцент, ассистент, ...} \}$: Маша, оказывается, *x*.

Аналогичное предложение с *и* воспринимается так, как будто Маша — действительно и доцент, и профессор одновременно (72).

²² В большинстве случаев возникновение аддитивной интерпретации обусловлено контекстом. Например, если говорящий утверждает, что москвич Петя был даже на Камчатке, то в большинстве естественных ситуаций можно предположить, что поездкой на Камчатку путешествия Пети не ограничились.

(72) #Я думал, что Маша доцент, а она, оказывается, и профессор!

Итак, на основе (67–72) я заключаю, что, хотя большинство случаев употребления *даже* совместимы с аддитивной пресуппозицией, она не входит в семантику *даже*, см. также [Rullmann 1997; Gast, van der Auwera 2011; Wagner 2015].

4.2.2. Взаимодействие с пресуппозициями лицензирующих контекстов

Каким образом различие в пресуппозициях может влиять на дистрибуцию *и* и *даже*-NPI? В (73) скалярная пресуппозиция частицы *даже* соблюдается с учетом предположения о широкой (сентенциальной) сфере действия *даже*. Она также не вступает в противоречие с пресуппозицией существования, проецируемой квантором (73a). В естественной ситуации вероятность того, что решившие всего одну задачу получают зачет, ниже вероятности того, что зачет получают решившие, например, две задачи (73b). Соблюдение скалярной пресуппозиции не требует собственно существования тех, кто решил, например, две задачи.

(73) Каждый, кто решил даже одну задачу, получил зачет.

= даже [каждый, кто решил одну задачу, получил зачет].

а. Пресуппозиция *каждый*: существуют те, кто решил одну задачу.

б. Пресуппозиция *даже*: каждый, кто решил одну задачу, получил зачет
 $\llcorner$ каждый, кто решил (бы) n задач, получил (бы) зачет.

В предложении с *и* ассерция не отличается, например, ‘каждый, кто решил одну задачу, получил зачет’. Из аддитивной пресуппозиции следует истинность одной из альтернатив (74a). И ассерция P , и истинная альтернатива Q проецируют также пресуппозицию существования (74b,c) — соответствующие утверждения P' и Q' в (74) указаны в нижней строке. Пресуппозиция существования Q' , проецируемая *альтернативой*, имплицирует пресуппозицию ассерции P' (при анализе числительных как ‘по меньшей мере n ’) (74d).

(74) ??Каждый, кто решил и одну задачу, получил зачет.

P : каждый, кто решил одну задачу, получил зачет	→	Q : каждый, кто решил n задач, получил зачет ($n > 1$)
↓ (b)		↓ (c)
P' : существуют те, кто решил одну задачу	←	Q' : существуют те, кто решил n задач ($n > 1$)
	(d)	

Потенциальную проблему в (74) может представлять как раз (74d). Этот случай напоминает ингерентную тавтологичность, обсуждавшуюся в разделе 3.3, с той разницей, что следствие наблюдается не из альтернативы Q в ассерцию P , а из пресуппозиции альтернативы Q' в пресуппозицию ассерции P' . Это, однако, не влечет ни тавтологичности, ни противоречивости — если все три пресуппозиции в (74) соблюдены, ассерция P может быть как истинной, так и ложной.

Таким образом, попытка ограничиться минимальными средствами, а именно объяснить контраст между *и*- и *даже*-NPI через их взаимодействие с пресуппозициями лицензирующих контекстов, в конечном итоге заходит в тупик. К счастью, существует альтернативное объяснение контрастам (65), которому посвящен следующий раздел.

4.3. Различные сферы действия

4.3.1. Сфера действия *и NP* ограничена

Ключом к пониманию того, чем ограничена дистрибуция *и-NPI*, на мой взгляд, является наблюдение, проиллюстрированное в (75). Если составляющая типа *и один NP* грамматична в простой клаузе (75a), то она грамматична и при вложении этой клаузы (75b). И напротив, если составляющая *и один NP* неграмматична в простой клаузе (75c), то ее не спасает и вложение в DE-контекст (75d). Примеры (75) подталкивают к обобщению, что *и-NPI* должны лицензироваться в своей простой клаузе.

- (75) а. Пете хватило и одной подсказки.
 б. Каждый, кому хватило и одной подсказки, получил дополнительный приз.
 в. *Петя решил и одну задачу.
 д. ??Каждый, кто решил и одну задачу, получил зачет.

Я предполагаю, что дистрибуция *и-NPI* обусловлена ограничением их сферы действия, а точнее синтаксической позиции. Как показано в (76), если бы аддитивная пресуппозиция проецировалась на уровне всего предложения, утверждение (76a) не было бы тривиальным: из того, что все, кто решил, например, две задачи, получили зачет (76b), не следует, что зачет получили все, кто решил (хотя бы) одну задачу (76c).

- (76) и [_P Каждый, кто решил одну задачу, получил зачет].
 а. Утверждение P: каждый, кто решил одну задачу, получил зачет.
 б. Пресуппозиция P: $\exists n > 1$: каждый, кто решил n задач, получил зачет.
 в. (76b) $\nrightarrow$ (76a)

Если же аддитивная пресуппозиция проецируется во вложенном контексте (77), это приводит к тавтологии, как и в случае простых утвердительных предложений (раздел 3.3).

- (77) Каждый, [и [_P кто решил одну задачу]], получил зачет.
 а. Утверждение P: x решил одну задачу.
 б. Пресуппозиция P: $\exists n > 1$: x решил n задач.
 в. (77b) $\rightarrow$ (77a)

В (78) перечислены свойства *и-NPI*, необходимые для анализа через ограничение сферы действия.

- (78) а. *и* формирует составляющую с фокусным элементом.
 б. Аддитивная пресуппозиция заложена в семантику *и*; альтернативы, относительно которых она вычисляется, определяются позицией [*и NP*] в синтаксической структуре.
 в. Позиция [*и NP*] подчинена стандартным ограничениям передвижений, в частности, островными ограничениям²³.

²³ Возможно, составляющие вида *и NP* также подчиняются стандартным ограничениям подъема квантора или A'-скрэмблнга, но для объяснения контрастов в (65) достаточно недопустимости передвижения из синтаксических островов.

В пользу (78a) свидетельствует то, что *и*, в отличие от *даже*, всегда примыкает к фокусной составляющей (79). Кроме того, в отличие от *даже* и *even*, в некоторых конструкциях *и* грамматикализуется, в результате чего занимает фиксированную позицию или даже формирует одно морфологическое слово со своим комплементом, как, например, в местоимениях серий *никто* и *кто бы то ни было*²⁴ (местоимения с соответствующими аддитивными частицами и схожей семантикой есть также в карачаево-балкарском (данные автора) и тамильском [Yuer 2017]).

(79) а. Петя { *даже* / *и }, наверное, одну_F задачу не решил.

б. Если { *даже* / *и } Петя решит десять_F задач, он не получит зачет.

с. Пришел Петя { *даже* / *и }.

В пользу (78b) свидетельствует то, что аддитивная пресуппозиция не появляется в отсутствии *и* или иного выраженного показателя с аддитивной семантикой. Например, ответ на вопрос обычно интерпретируется экзостивно (80a): ‘Петя обнял Лену, Машу и больше никого’. Это может быть результатом действия прагматических принципов или присутствующего в синтаксической структуре скрытого оператора с семантикой, близкой к *только* [Groenendijk, Stockhof 1984; van Rooy 2002; Fox 2007; Chierchia 2013; Fox, Spector 2018]. При интонационном выделении ответ на вопрос может иметь и скалярную интерпретацию (80b). Придумать контекст без эксплицитного упоминания существования истинной альтернативы, в котором у (80) была бы аддитивная интерпретация, не представляется возможным.

(80) а. Кого обнял Петя? — Лену и Машу. (экзостивная интерпретация)

б. Кого обнял Петя?

— (Ты не поверишь,) Лену и Машу. (скалярная интерпретация)

Кроме того, у частиц типа *и* также есть функция эмфатической конъюнкции (раздел 1). Таким образом, *и*, в отличие от *даже* (см. раздел 4.3.2), нельзя анализировать как семантически пустую частицу.

Наконец, (78с) предполагается по умолчанию.

В (81) представлен вариант анализа аддитивного *и*. Предлагаемый анализ обходится без каких-либо немотивированных допущений. От представленного в разделе 2.2 он отличается тем, что *и* получает не один аргумент (пропозицию), а два, которые вместе формируют пропозицию. Это необходимо исходя из предложенного выше синтаксиса *и* (78a), в соответствии с которым эта частица сначала соединяется с фокусным элементом (первый аргумент *и*)²⁵. Ассертивный компонент семантики *и* сводится к применению первого аргумента ко второму, т. е. содержательно пуст, так же как у других фокусных частиц (*даже*, *тоже*) и в предварительном анализе *и* (28).

(81) Семантика $u(x)(Q)$

а. Утверждение: $Q(x)$.

б. Пресуппозиция: $\exists x' \neq x, x' \in \text{Alt}(x): Q(x')$.

²⁴ Я предполагаю, что (по крайней мере, диахронически) *ни-* состоит из отрицания *n(e)-* и *и* [Haspelmath 1997: 222; Watanabe 2004: 592–595].

²⁵ Анализ с одним аргументом можно сохранить, предположив, что семантический вклад выраженного *и* пуст. Он согласуется с фонологически невыраженным аддитивным оператором, доминирующим над всей клаузой и принимающим ее в качестве единственного аргумента, ср. (28). Такой анализ предлагается для некоторых аддитивных показателей в [Szabolcsi 2018]. В этой статье, однако, я придерживаюсь более экономного анализа без разделения *и* на фонологически выраженную и интерпретируемую сущности. Он, впрочем, порождает определенные сложности, связанные с семантическим типом первого аргумента, см. сноску 26.

Для простоты и параллелизма со случаями типа *Пришел и Петя* я предполагаю, что неопределенные именные группы типа *одна задача* относятся к семантическому типу индивидов и могут быть аргументами предикатов²⁶. Как видно из примера (82), семантический тип составляющей *и NP* требует передвижения в позицию, в которой ее аргументом становится предикат, в частности λx . [Петя не решил x] в (82). Это обеспечивает сферу действия аддитивной пресуппозиции над отрицанием. Аналогичное передвижение объекта наблюдается и в других случаях, например *Петя не решил каждую задачу* ‘Каждая задача такова, что Петя не решил ее.’ ($\forall > \neg$).

(82) Петя не решил и одну задачу.

= и одну задачу₁ [Петя не решил t_1].

а. Семантика: и(одна задача)(λx .Петя не решил x).

б. Утверждение: Петя не решил одну задачу.

с. Пресуппозиция: $\exists x' \neq$ одна задача, $x' \in \text{Alt}(\text{одна задача})$: Петя не решил x' .

Неграмматичность *и один NP* во всех контекстах помимо отрицания следует из ограничений на передвижения составляющих. В (83b–d) составляющая *и одна задача* оказывается в синтаксических островах. Таким образом, она интерпретируется в пределах своей клаузы, в частности, аддитивная пресуппозиция вычисляется относительно альтернатив, доступных во вложенной клаузе. Как видно, во всех этих случаях *и-NPI* оказывается в простом утвердительном контексте. Пример неграмматичной деривации для случая (83b) был показан выше (77), как и пример того, как это предложение было бы спасено в случае широкой сферы действия *и* (76).

(83) а. ?[Петя не смог решить и одну задачу].

б. ??Каждый, [кто решил и одну задачу], получил зачет.

с. ??Если [Петя решит и одну задачу], этого хватит для зачета.

д. ??Петю выгнали с зачета, прежде чем [он успел решить и одну задачу].

4.3.2. Сфера действия *даже* не ограничена

Представленный в предыдущем разделе анализ оставляет вопрос: почему в таком случае *даже*-NPI грамматичны во вложенных контекстах? Скалярная пресуппозиция *даже*, спроецированная на уровне вложенной клаузы, не может быть истинной: она утверждает, что решение одной задачи — наименее вероятная альтернатива (84b).

(84) Каждый, [_P кто решил даже одну задачу], получил зачет.

= Каждый, [даже₁ [_P кто решил t_1 одну задачу]], получил зачет.

а. Утверждение P: x решил одну задачу.

б. Пресуппозиция: $\#x$ решил одну задачу $<_K$ x решил две задачи $<_K \dots$

Как уже было показано выше (73), грамматичность предложений типа (84) обеспечивается нестандартно широкой сферой действия *даже* — фокусная частица передвигается за пределы синтаксического острова (85–86).

²⁶ Если рассматривать ИГ типа *одна задача* как предикаты, потребуются небольшие технические изменения, в целом не меняющие анализ. Например, нужно будет предположить, что (а) *и* дополнительно осуществляет универсальную квантификацию по множеству, обозначаемому первым аргументом ($\forall x$: одна.задача(x) $\rightarrow$ Петя не решил x), или (б) существует операция, превращающая предикаты в индивидов, наподобие скрытого артикля. Существуют независимые аргументы в пользу каждого из этих анализов, которые я не обсуждаю по соображениям объема.

- (85) Каждый, кто решил даже одну задачу, получил зачет.
= даже₁ [каждый, кто решил t_1 одну задачу, получил зачет].
- (86) Если Петя решит даже одну задачу, этого хватит для зачета.
= даже₁ [если Петя решит t_1 одну задачу, этого хватит для зачета].

При обсуждении сферы действия *даже* в разделе 3.2 я оставил эту проблему открытой, просто предположив, что *даже* может совершать (обычно скрытые) передвижения за пределы синтаксических островов. Существуют свидетельства в пользу того, что (по крайней мере, в русском языке) *даже* действительно может совершать исключительные передвижения. Например, предложение (87) допустимо (и, по всей видимости, имеет одинаковую интерпретацию) с любым из трех обозначенных расположений *даже*.

- (87) {Даже} если {даже} Петя решит {даже} одну задачу, он получит зачет.

Можно, однако, предположить, что в (87) *даже* вступает в деривацию в разных позициях и ассоциируется с фокусным элементом дистантно. В таком случае (87) не будет показывать возможность **передвижения** *даже*, и широкая сфера действия *даже*, выраженного, например, в самой правой позиции, останется необоснованной.

Следуя идеям [Krifka 1995; Lahiri 2006; Chierchia 2013; Gast, van der Auwera 2013], я предлагаю альтернативное разрешение проблемы исключительного передвижения *даже* / *even*: скалярная пресуппозиция вводится не собственно частицей *даже*, а фонологически пустым оператором сентенциального уровня. В работе [Krifka 1995: 227] для этого используется особый тип ассерции — эмфатическая ассерция; я буду использовать оператор E(ven) [Chierchia 2013: 148], семантически эквивалентный *даже* (23). Анализ (86) с оператором E показан в (88).

- (88) E [Если Петя решит даже одну задачу, этого хватит для зачета].

Подспорьем этой теории служит типологическое наблюдение [Gast, van der Auwera 2013: 139], упомянутое в разделе 2.2 и повторенное ниже как (89).

- (89) Аддитивные фокусные операторы могут иметь скалярную интерпретацию только при интонационном выделении фокусной составляющей.

К похожему выводу приходят и авторы более формально-ориентированного исследования [Giannakidou, Yoon 2016], см. также ссылки там в сноске 3. В греческом и корейском языках NPI, в том числе и содержащие скалярные показатели, примерно синонимичные *даже*, имеют скалярную интерпретацию и определяемую ей дистрибуцию только при эмфатическом произношении.

Скалярная пресуппозиция может возникать и в отсутствие фокусных частиц. В (90) фокусные составляющие, отмеченные F, интерпретируются как крайние точки (контекстных) шкал, а все высказывание в целом — как наименее вероятное относительно контекстных альтернатив.

- (90) Bill is such a shrewd salesman; he would sell refrigerators_F to eskimos_F. [Krifka 1995:230]
‘Билл такой прожженный торгаш;
(если надо,) он будет продавать холодильники_F эскимосам_F’.

В случае с показателями, не имеющими собственной скалярной семантики, скалярная интерпретация также привносится «извне». В [Panizza, Sudo 2020] обосновывается анализ частицы *just*, в соответствии с которым интерпретации «минимальной достаточности» (minimal sufficiency) типа 2 в (91) возникают благодаря скрытому *even*. Я предполагаю, что и в случае *и* скалярная пресуппозиция вводится скрытым *даже*, а точнее оператором E, что сопровождается соответствующей интонацией (92).

- (91) Just one_F cat will make Patrick happy. [Panizza, Sudo 2020: 2]
 1. ‘Только одна кошка (но не больше) сделает Патрика счастливым’.
 2. ‘(Даже) всего лишь одна кошка сделает Патрика счастливым’.
- (92) E [Ты и одного_F раза не вытерпишь].

В свете (90–92) не очень ясной становится роль собственно частицы *даже*. Я предполагаю, что она семантически пуста и лишь указывает на присутствие E (или эмфатическую ассерцию в теории [Krifka 1995]). В таком случае можно предположить, что частица *даже* избыточна, поскольку скалярная пресуппозиция и так маркируется просодически. Однако, во-первых, множественное маркирование, часто называемое конкордом, широко засвидетельствовано во многих других эмпирических доменах, в особенности связанных с квантификацией²⁷ [Yip 2021]. Во-вторых, в некоторых случаях предложения с эмфатической просодией в отсутствие фокусной частицы неоднозначны. Например, предложения в (93) могут иметь как скалярную (‘даже одну задачу’), так и экзостивную (‘ровно/только одну задачу’) интерпретацию.

- (93) а. Если ты решишь одну задачу, ты получишь зачет.
 1. ‘Если ты решишь **ровно** одну задачу (но не больше), ты получишь зачет’.
 2. [?]‘Если ты решишь **даже** одну задачу (или больше), ты получишь зачет’.
- б. Каждый, кто решил одну задачу, получил зачет.
 1. ‘Каждый, кто решил **ровно** одну задачу (но не больше), получил зачет’.
 2. [?]‘Каждый, кто решил **даже** одну задачу (или больше), получил зачет’.

Я предполагаю, что экзостивная интерпретация возникает в результате действия скрытого оператора E_h или O(nly), семантически эквивалентного *только*, см. также (80). Обсуждению этого оператора, альтернативных теорий и экзостивности в целом посвящено множество работ, см., например, [Fox, Spector 2018] и ссылки там.

Итак, я предлагаю анализ *даже* в духе [Krifka 1995; Lahiri 2006; Chierchia 2013], основные его положения обозначены в (94). Этот анализ объясняет (мнимую) исключительную сферу действия *даже* и лицензирование *даже*-NPI.

- (94) а. Скалярная пресуппозиция вводится скрытым оператором E и маркируется просодически (так же, как экзостивность вводится скрытым оператором O).
- б. Частица *даже* семантически пуста; она является выраженным показателем скалярной пресуппозиции и разрешает неоднозначность относительно конкурирующих эмфатических интерпретаций (экзостивной, контрастивной и т. д.)²⁸.

Таким образом, представленный в этом разделе анализ объясняет как дистрибуцию *и*- и *даже*-NPI в русском языке, так и предположительное типологическое обобщение из раздела 1. Во всех языках скалярность привносится оператором E (эмфатической ассерцией), который существует независимо от фокусных частиц и имеет сферу действия над всем предложением. Лицензирующий контекст для *даже*-NPI, таким образом, создается на уровне всего предложения. Семантика аддитивных частиц типа *и* во всех рассмотренных в разделе 1 языках также одинакова. Именно аддитивная пресуппозиция, заложённая в их лексическую семантику и отсутствующая у частиц типа *даже*, обуславливает ограниченную дистрибуцию *и*-NPI — они должны лицензироваться в пределах той области, из которой не могут передвигаться.

²⁷ В соответствии с определениями, данными в разделе 2, частицы *и*, *даже* осуществляют квантификацию по альтернативам.

²⁸ Такое же предположение высказывается в [Gast, van der Auwera 2013: 139].

5. Сфера действия и сильные NPI

В этом разделе я бы хотел кратко обсудить релевантность предложенных обобщений для сильных NPI в целом. Представленная в разделе 4.1 теория [von Stechow 1999; Chierchia 2004; 2013; Homer 2008; Gajewski 2011] кратко просуммирована в (95–96).

Как показано в (95), если между лицензирующим оператором L и NPI (слабым или сильным) находится составляющая X , порождающая пресуппозицию P (или импликацию, см. сноску 30 ниже), лицензирование NPI нарушается [Homer 2008]. Однако, как уже было сказано в разделе 4.1 (62), в случаях, когда пресуппозиция P (или импликация) порождается самим лицензирующим оператором, что в (96) обозначено как L_p , NPI разделяются на два класса — лицензирование сильных NPI, опять же нарушается (96b), а слабые NPI игнорируют пресуппозицию лицензирующего оператора (96a).

- (95) a. $*L \dots X_p \dots NPI_{\text{weak}}$
 b. $*L \dots X_p \dots NPI_{\text{strong}}$
- (96) a. $L_p \dots NPI_{\text{weak}}$
 b. $*L_p \dots NPI_{\text{strong}}$

В частности, только отрицание (и отрицательные кванторы типа *nobody*, см. ниже) не порождает пресуппозиций и импликаций, поэтому только отрицание лицензирует сильные NPI. Все остальные лицензоры относятся к классу L_p и лицензировать сильные NPI не могут.

Как было упомянуто выше, эта теория достаточно проста и не использует свойства, причины релевантности которых для лицензирования NPI неясны, например анти-аддитивность [Zwarts 1998]. Она также объясняет, каким именно образом пресуппозиции и импликации препятствуют лицензированию NPI, см. [Homer 2008; Gajewski 2011; Chierchia 2013], т. е., делает не только описательное, но и объяснительное обобщение.

Ее главная проблема состоит в немотивированном предположении, проиллюстрированном в (96) и обсуждавшемся в разделе 4.2. А именно: неясно, почему одни NPI игнорируют пресуппозиции лицензирующих операторов, а другие нет (64), (96).

Кроме того, существует обобщение, объяснение которого в этой теории неочевидно. Как было замечено рядом авторов [Chierchia 2013: 224–225; Collins, Postal 2014; Zeijlstra 2018], лицензирование (по крайней мере, некоторых) сильных NPI локально. Отдельные случаи этого ограничения представляют проблему для теории (95–96). Например, в (97) сильный NPI *in weeks* находится в рестрикторе отрицательного квантора. Исходя из предположения, что он не проецирует пресуппозиций (см. обсуждение в [Heim, Kratzer 1998: 159–172]), следует ожидать, что сильные NPI в его рестрикторе должны быть грамматичны, поскольку этот контекст обладает свойством DE. Однако (97) неграмматично. Это наблюдение подтверждается и в случае сильного NPI *either* — он грамматичен в сфере действия *no* (98a), но не в его рестрикторе (98b).

- (97) $*\text{No person [that had seen Mary in weeks] was contacted.}$ [Chierchia 2013: 224]
- (98) a. $\text{No American ever liked Italy and no Canadian ever did either.}$
 b. $*\text{No American ever liked Italy and}$
 $\text{no Canadian [who did either] was there to tell us about it.}$ [Chierchia 2013: 224]

Таким образом, напрашивается условие лицензирования *in weeks* и *either*, аналогичное установленному для *u*-NPI в разделе 4.3.1: они лицензируются только в пределах своей финитной клаузы (а точнее, по крайней мере, не могут лицензироваться из-за пределов синтаксического острова).

Рассмотрим формальную реализацию этого условия, предложенную в [Chierchia 2013: 224]. Дж. Кьеркья отстаивает теорию, в которой все NPI ассоциируются со скрытым оператором $O(ply)$ или $E(ven)$, действие которых в утвердительных контекстах приводит к G-тривиальности. Это ровно тот анализ, который был предложен для *даже*-NPI в этой работе (99).

(99) $E (= \text{даже})$ [Петя $*(не)$ решил одну_F задачу].

Для того чтобы объяснить неграмматичность, например, (97) Кьеркья предполагает, что в случае сильных NPI O/E должен порождаться в той же клаузе, где находится NPI, т. е. в подчиненной клаузе в (100). Таким образом, в (100) между O/E и *in weeks* нет никакого лицензора, и предложение неграмматично. При таком расположении E предложение с *даже*-NPI также будет неграмматично (101), этот случай уже обсуждался выше (84).

(100) a. $*No\ person$ [O/E that had seen Mary **in weeks**] was contacted.

b. $*no \dots O/E \dots in\ weeks.$

(101) a. $*Каждый$, [E кто решил даже одну_F задачу], получил зачет²⁹.

b. $*каждый \dots E \dots одну_F задачу.$

Описанное ограничение напоминает заявленное мной в случае *и*-NPI с той разницей, что в случае *и*-NPI нарушающая пресуппозиция проецируется в подчиненной клаузе самим *и*, а не скрытым оператором O/E .

Итак, теория [Gajewski 2011; Chierchia 2013] вынуждена сделать два немотивированных допущения: (а) только сильные NPI чувствительны к пресуппозициям лицензирующих контекстов (96); (б) только в случае сильных NPI провоцирующий неграмматичность оператор O/E должен порождаться в подчиненной клаузе (100).

Оба эти допущения могут быть устранены, если принять одно предположение: неграмматичность сильных NPI в утвердительных контекстах провоцируется их собственной лексической семантикой (например, собственной пресуппозицией), а не оператором O/E , что, как было показано в случае *и*-NPI, объясняет допустимость лицензирования только в пределах собственной финитной клаузы. Это предположение также устраняет труднообъяснимый контраст в (96) — пресуппозиции лицензирующих контекстов попросту нерелевантны, поскольку порождаются выше в структуре, когда клауза с вложенным сильным NPI уже обречена на неграмматичность.

Итак, я предлагаю следующее обобщение:

(102) a. Неграмматичность слабых NPI типа *anybody*, *кто-либо*, *даже один NP* вызывается сентенциальными операторами O и E . Таким образом, слабые NPI лицензируются в пределах всего предложения.

b. Неграмматичность сильных NPI вызывается их собственными пресуппозициями. Эти пресуппозиции проецируются там, где интерпретируются соответствующие NPI. Таким образом, сильные NPI лицензируются в пределах той области, где они могут передвигаться (вследствие стандартных ограничений на передвижения составляющих)³⁰.

²⁹ Это предложение омонимично грамматичному предложению с другим расположением E : E [*каждый, кто решил даже одну_F задачу, получил зачет*].

³⁰ Обобщение (102) не сообщает ничего о взаимодействии NPI с импликатурами. Считается, что импликатуры лицензоров, например *few* 'немногие', нарушают лицензирование (по крайней мере, некоторых) сильных NPI, причем неграмматичность наблюдается даже в моноклаузальных предложениях (v). Я оставляю исследование этого явления на будущее.

(v) a. Few students **ever** said **anything**.

[Gajewski 2011: 111]

b. ^{??}Few students left **until** their birthdays.

[Ibid.: 112]

Обобщение (102) не противоречит теории (95–96), а дополняет и (потенциально) заменяет ее. В частности, (102) не исключает возможности существования класса NPI (96b), которые, во-первых, ассоциируются с О/Е (то есть, лицензируются на сентенциальном уровне), и, во-вторых, по каким-то причинам чувствительны к пресуппозициям лицензирующих операторов, что отличает их от (96a).

Предложенный в этой статье анализ, таким образом, зависит от следующих предположений: (а) пресуппозиция формируется и проецируется в тот момент, когда ее носитель вступает в деривацию (возможно, после передвижения); (б) скалярность в языках мира — свойство всего предложения, соответственно, скалярная пресуппозиция привносится в конце деривации, например оператором E^{31} ; (в) аддитивная пресуппозиция всегда привносится соответствующим показателем, например *и*; (г) предложение неграмматично, если оно содержит составляющую, тривиальность семантики которой обусловлена ее логической структурой [Gajewski 2002; Del Pinal 2019; Theiler et al. 2019].

Все эти предположения в разной степени обоснованы. В разделе 4.3 я привел аргументы в пользу (б) и (в). Независимое обоснование предположений (а) и (г), которые представляются естественными и интуитивно привлекательными, выходит за рамки этой работы. Несомненно, от их истинности зависит не только теория лицензирования NPI, но и анализ многих других явлений.

Заключение

В статье рассматривались три вопроса (13): (а) какова семантика частиц *и*, *даже*?; (б) почему составляющие типа *и/даже один NP* имеют дистрибуцию NPI?; (в) почему дистрибуция *и*- и *даже*-NPI различна?

В разделе 1 на основе небольшой выборки разнородных языков было показано, что предположительно существует зависимость между семантикой частицы и дистрибуцией образуемых ей фокусных NPI: *и*-NPI — сильные, а *даже*-NPI — слабые. В разделе 2 было выдвинуто предположение, что частица *даже* вводит скалярную пресуппозицию и только ее, а частица *и* вводит аддитивную пресуппозицию и только ее, см. также раздел 4.2. В разделе 3 было показано, что неграмматичность конструкций *и/даже один NP* в утвердительных контекстах следует из пресуппозиций этих частиц и логического упорядочивания шкал Хорна, в частности шкалы натуральных чисел. При этом причины неграмматичности *и*- и *даже*-NPI различны: в первом случае это ингерентная тавтологичность утвердительных предложений с *и*-NPI, во втором — нарушение скалярной пресуппозиции *даже*. Тот факт, что неграмматичность *и*-NPI провоцируется (не только скалярной, но и) аддитивной пресуппозицией, важен для обеих предложенных теорий, объясняющих различия в дистрибуции *и*- и *даже*-NPI.

В разделе 4.2 была рассмотрена и отвергнута теория, в соответствии с которой неграмматичность *и*-NPI в неотрицательных контекстах лицензирования NPI следует из взаимодействия аддитивной пресуппозиции *и* с пресуппозициями лицензирующих контекстов/операторов, в частности, пресуппозицией существования, вводимой универсальным квантором. В разделе 4.3 была предложена альтернативная теория, объясняющая более узкую дистрибуцию *и*-NPI ограничением их сферы действия.

³¹ Не исключено, что возможно и вложенное расположение E , как в (100). Существование явлений, требующих интерпретации О/Е во вложенной позиции, предоставляет один из основных аргументов в пользу существования О/Е в грамматике, поскольку аналогичные им прагматические механизмы (в частности, коммуникативные импликатуры) традиционно рассматриваются как применимые к высказываниям, но не к отдельным частям логической формы. См. обсуждение в [Geurts 2011; Chierchia et al. 2012; Fox, Spector 2018].

Представленный в разделе 4.3 подход объясняет различие в дистрибуции *и*- и *даже*-NPI исходя из независимых свойств этих частиц. *Даже* занимает относительно свободную позицию в предложении, а в некоторых случаях вообще может отсутствовать, из чего был сделан вывод, что скалярная пресуппозиция порождается независимо от *даже* и может иметь (неограниченно) широкую сферу действия. С другой стороны, аддитивная пресуппозиция возникает только в присутствии выраженного показателя *и*. Эта пресуппозиция входит в лексическую семантику *и* и рассчитывается относительно альтернатив, сформированных на момент вступления *и* в деривацию. Таким образом, лицензирующий контекст должен быть создан в пределах той клаузы, где находится *и*-NPI.

Наконец, в разделе 5 было показано, что предложенное объяснение может распространяться на другие сильные NPI, объясняя контраст между слабыми и сильными NPI без обращения к немотивированным свойствам типа анти-аддитивности или избирательной чувствительности к пресуппозициям лицензирующих контекстов / операторов. Ключевое предположение (102): в утвердительных контекстах неграмматичность слабых NPI вызывается их (обязательной) ассоциацией с сентенциальным оператором O(nly) или E(ven); неграмматичность сильных NPI вызывается их собственной лексической семантикой. Анализ предсказаний этой теории в случае прочих сильных NPI и нерассмотренных лицензирующих контекстов я оставляю на будущее.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

3 — третье лицо	GEN — генитив
ACC — аккузатив	IPFV — имперфектив
AUX — вспомогательный глагол	NEG — отрицание
COND — кондиционалис	NP — именная группа
COP — копула	NPI — единица с отрицательной полярностью
DE — нисходящая монотонность	PST — прошедшее время
ERG — эргатив	SG — единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богуславский 1985 — Богуславский И. М. *Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов*. М: Наука, 1985. [Boguslavsky I. M. *Issledovaniya po sintaksicheskoi semantike: sfery deistviya logicheskikh slov* [Studies in syntactic semantics: scope of logical words]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Вострикова, Куслий 2020 — Вострикова Е. В., Куслий П. С. Тривиальность и грамматическая корректность: современные проблемы интенциональной семантики. *Философский журнал*, 2020, 4: 52–68. [Vostrikova E. V., Kusliy P. S. Trivial'nost' i grammaticheskaya korrektnost': Sovremennye problemy intensional'noi semantiki [Triviality and grammatical well-formedness: contemporary problems of intensional semantics]. *Filosofskii zhurnal*, 2020, 4: 52–68.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Abrusán 2014 — Abrusán M. *Weak Island Semantics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
- Beaver, Condoravdi 2003 — Beaver D., Condoravdi C. A Uniform Analysis of 'Before' and 'After'. *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory XIII*. Young R. B., Zhou Y. (eds.). Cornell, Ithaca: CLC Publications, 2003, 37–54.
- Boguslavsky 2001 — Boguslavsky I. On the Scales and Implicatures of *even*. *Pragmatics and the Flexibility of Word Meaning*. Németh E., Bibok K. (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2001, 29–50.
- Bylinina, Nouwen 2020 — Bylinina L., Nouwen R. Numeral semantics. *Language and Linguistics Compass*, 2020, 14(8): 1–18.
- Chierchia 2004 — Chierchia G. Scalar implicatures, polarity phenomena, and the syntax/pragmatics interface. *Structures and beyond*. Vol. 3. Belletti A. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2004, 39–103.

- Chierchia 2013 — Chierchia G. *Logic in Grammar: Polarity, Free Choice, and Intervention*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Chierchia et al. 2012 — Chierchia G., Fox D., Spector B. Scalar implicature as a grammatical phenomenon. *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning*. Vol. 3. Maienborn C., von Stechow P., Portner P. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2012, 2297–2331.
- Collins, Postal 2014 — Collins C., Postal P. *Classical NEG-raising*. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.
- Condoravdi 2008 — Condoravdi C. Punctual *until* as a scalar NPI. *The nature of the word*. Hanson K., Inkelas S. (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 2008, 631–653.
- Crnič 2011 — Crnič L. *Getting even*. PhD thesis. Massachusetts Institute of Technology, 2011.
- Crnič 2014 — Crnič L. Against a dogma on NPI licensing. *The art and craft of semantics: A festschrift for Irene Heim*. Crnič L., Sauerland U. (eds.). Cambridge, MA: MITWPL, 2014, 117–145.
- Dayal 2019 — Dayal V. The Multiple Faces of Hindi-Urdu *bhii*. Handout of a talk given at SALA 35, IN-ALCO, Paris, October 31, 2019.
- Del Pinal 2019 — Del Pinal G. The logicity of language: A new take on triviality, “ungrammaticality”, and logical form. *Noûs*, 2019, 53(4): 785–818.
- Fauconnier 1975 — Fauconnier G. Pragmatic Scales and Logical Structure. *Linguistic Inquiry*, 1975, 6(3): 353–375.
- Fauconnier 1979 — Fauconnier G. Implication reversal in a natural language. *Formal Semantics and Pragmatics for Natural Languages*. Guenther F., Schmidt S. J. (eds.). Dordrecht: Reidel, 1979, 289–301.
- Fox 2007 — Fox D. Free Choice and the Theory of Scalar Implicatures. *Presupposition and Implicature in Compositional Semantics*. Sauerland U., Stateva P. (eds.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007, 71–120.
- Fox, Hackl 2006 — Fox D., Hackl M. The universal density of measurement. *Linguistics and Philosophy*, 2006, 29(5): 537–586.
- Fox, Spector 2018 — Fox D., Spector B. Economy and embedded exhaustification. *Natural Language Semantics*, 2018, 26(1): 1–50.
- Gajewski 2002 — Gajewski J. *L-analyticity and natural language*. Ms., University of Connecticut, 2002.
- Gajewski 2011 — Gajewski J. Licensing strong NPIs. *Natural Language Semantics*, 2011, 19(2): 109–148.
- Gast, van der Auwera 2011 — Gast V., van der Auwera J. Scalar additive operators in the languages of Europe. *Language*, 2011, 87(1): 2–54.
- Gast, van der Auwera 2013 — Gast V., van der Auwera J. Scalar additive operators in Transeurasian languages. *Shared Grammaticalization: With special focus on the Transeurasian languages*. Robbeets M., Cuyckens H. (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publ., 2013, 113–146.
- Geurts 2011 — Geurts B. *Quantity implicatures*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- Giannakidou 2002 — Giannakidou A. *Until*, aspect, and negation: A novel argument for two *untils*. *Proceedings of the 12th Semantics and Linguistic Theory Conference*. Jackson B. (ed.). Linguistic Society of America, 2002, 84–103.
- Giannakidou 2007 — Giannakidou A. The landscape of EVEN. *Natural Language & Linguistic Theory*, 2007, 25(1): 39–81.
- Giannakidou, Yoon 2016 — Giannakidou A., Yoon S. Scalar marking without scalar meaning: Nonscalar, nonexhaustive *even*-marked NPIs in Greek and Korean. *Language*, 2016, 92(3): 522–556.
- Greenberg 2018 — Greenberg Y. A revised, gradability-based semantics for *even*. *Natural Language Semantics*, 2018, 26(1): 51–83.
- Groenendijk, Stockhof 1984 — Groenendijk J. A. G., Stockhof M. J. B. *Studies on the Semantics of Questions and the Pragmatics of Answers*. PhD thesis. University of Amsterdam, 1984.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Haspelmath 1997 — Haspelmath M. *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1997.
- Heim, Kratzer 1998 — Heim I., Kratzer A. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford: Blackwell, 1998.
- Homer 2008 — Homer V. Disruption of NPI Licensing: the Case of Presuppositions. *Proceedings of the 18th Semantics and Linguistic Theory conference*. Friedman T., Ito S. (eds.). Ithaca, NY: Cornell University, 2008, 429–446.
- Horn 1972 — Horn L. R. *On the semantic properties of logical operators in English*. PhD thesis. Los Angeles: Univ. of California, 1972.
- Horn 1989 — Horn L. R. *A Natural History of Negation*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1989.
- Horn 1996 — Horn L. R. Exclusive company: *Only* and the dynamics of vertical inference. *Journal of Semantics*, 1996, 13(1): 1–40.
- Iatridou, Zeijlstra 2021 — Iatridou S., Zeijlstra H. The Complex Beauty of Boundary Adverbials: *In Years and Until*. *Linguistic Inquiry*, 2021, 52(1): 89–142.

- Iyer 2017 — Iyer J. *Towards a universal analysis of Tamil -um NPIs: Evidence from unconditionals*. Ms., University of Massachusetts, 2017.
- Karttunen 1974 — Karttunen L. *Util. Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. La Galy M., Fox R., Bruck A., Chicago: Univ. of Chicago, Chicago Linguistic Society, 1974, 283–297.
- Karttunen, Peters 1979 — Karttunen L., Peters S. Conventional Implicature. *Syntax and Semantics, Vol. 11: Presupposition*. Oh C.-K., Dineen D. (eds.). New York: Academic Press, 1979, 1–56.
- Kay 1990 — Kay P. Even. *Linguistics and Philosophy*, 1990, 13(1): 59–111.
- König 1991 — König E. *The Meaning of Focus Particles: A Comparative Perspective*. London: Routledge, 1991.
- Krifka 1991 — Krifka M. A compositional semantics for multiple focus constructions. *Proceedings of Semantics and Linguistics Theory (SALT) I*. Moore S. K., Wyner A. Z. (eds.). Cornell Univ. Working Papers in Linguistics, 1991, 127–158.
- Krifka 1995 — Krifka M. The Semantics and Pragmatics of Polarity Items. *Linguistic Analysis*, 1995, 25: 209–257.
- Ladusaw 1979 — Ladusaw W. A. *Polarity Sensitivity as Inherent Scope Relations*. PhD thesis. The University of Texas at Austin, 1979.
- Lahiri 1998 — Lahiri U. Focus and negative polarity in Hindi. *Natural Language Semantics*, 1998, 6(1): 57–123.
- Lahiri 2006 — Lahiri U. *Scope, presuppositions and dimensions of meaning: Some observations on scalar additive particles in English, Hindi and Spanish*. Handout from Sinn und Bedeutung 11, Universität Pompeu Fabra, Barcelona, 21–23 September, 2006.
- Lee, Horn 1994 — Lee Y.-S., Horn L. R. *Any as indefinite plus even*. Ms., University of Connecticut, 1994.
- Mayr 2019 — Mayr C. Triviality and interrogative embedding: context sensitivity, factivity, and neg-raising. *Natural Language Semantics*, 2019, 27(3): 227–278.
- Nicolae 2020 — Nicolae A. C. *Additive particles and their polarity in Romanian*. Slides from Sinn und Bedeutung 25, 2020. URL: <https://osf.io/nre73/>.
- Panizza, Sudo 2020 — Panizza D., Sudo Y. Minimal sufficiency with covert *even*. *Glossa: a journal of general linguistics*, 2020, 5(1): 98. 1–25.
- Partee 2005 — Partee B. Quantification and Interactions with Negation. Lecture 8 of *Current Issues in Formal Semantics*, MSU, Moscow, 2005.
- Romoli 2013 — Romoli J. A scalar implicature-based approach to neg-raising. *Linguistics and Philosophy*, 2013, 36(4): 291–353.
- Rooth 1985 — Rooth M. *Association with focus*. PhD thesis. University of Massachusetts, Amherst.
- Rullmann 1996 — Rullmann H. Two types of negative polarity items. *NELS 26: Proceedings of the 26th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Kusumoto K. (ed.). Amherst, MA: GLSA Publications, 1996, 335–351.
- Rullmann 1997 — Rullmann H. *Even, polarity, and scope*. *Papers in experimental and theoretical linguistics*. Vol. 4. Gibson M., Wiebe G., Libben G. (eds.). Edmonton, Canada: Department of Linguistics, Univ. of Alberta, 1997, 40–64.
- Szabolcsi 2018 — Szabolcsi A. Two types of quantifier particles: Quantifier-phrase internal vs. heads on the clausal spine. *Glossa: a journal of general linguistics* 3(1): 69. 1–32.
- Spector 2013 — Bare Numerals and Scalar Implicatures. *Language and Linguistics Compass*, 2013, 7(5): 273–294.
- Starchenko, Kozlov 2020 — *Russian additive i*. Talk given at the 10th conference “Typology of Morphosyntactic Parameters”, October 7–9, 2020.
- Sudo 2011 — Sudo Y. *The Small Reading of the Scalar Particle Mo in Japanese and Negative Polarity*. Ms., Massachusetts Institute of Technology, 2011.
- Theiler et al. 2019 — Theiler N., Roelofsen F., Aloni M. Picky predicates: why *believe* doesn't like interrogative complements, and other puzzles. *Natural Language Semantics*, 2019, 27(2): 95–134.
- Titov 2012 — Titov E. Encoding Focus and Contrast in Russian. *The Syntax of Topic, Focus, and Contrast: An Interface-based Approach*. Neeleman A., Vermeulen R. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2012, 119–156.
- van Benthem 1989 — van Benthem J. Logical constants across varying types. *Notre Dame Journal of Formal Logic*, 1989, 30(3): 315–342.
- van Rooy 2002 — van Rooy R. Relevance Only. *Proceedings of the sixth workshop on the semantics and pragmatics of dialogue (EDIALOG 2002)*. Bos J., Foster M. E., Matheson C. (eds.). Edinburgh: Univ. of Edinburgh, 2002, 155–160.

- von Fintel 1995 — von Fintel K. The Formal Semantics of Grammaticalization. *NELS 25: Proceedings of the 25th Annual Meeting of the North East Linguistic Society*. Beckman J. N. (ed.). Amherst, MA: GLSA Publications, 1995, 175–189.
- von Fintel 1999 — von Fintel K. NPI licensing, Strawson entailment, and context dependency. *Journal of Semantics*, 1999, 16(2): 97–148.
- von Stechow 1991 — von Stechow A. Current issues in the theory of focus. *Semantik: Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung (Semantics: An International Handbook of Contemporary Research)*. von Stechow A., Wunderlich D. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 1991, 804–824.
- Wagner 2015 — Wagner M. *Additivity and the syntax of even*. Handout of a colloquium talk given at the University of Chicago.
- Watanabe 2004 — Watanabe A. The Genesis of Negative Concord: Syntax and Morphology of Negative Doubling. *Linguistic Inquiry*, 2004, 35(4): 559–612.
- Wilkinson 1996 — Wilkinson K. The scope of *even*. *Natural Language Semantics*, 1996, 4(3): 193–215.
- Yip 2021 — Yip K.-F. *Universal concord as syntactic agreement*. Handout of a talk given at the 45th Penn Linguistics Conference, March 19–21, 2021.
- Zeijlstra 2018 — *Mirroring strong and weak NPIs and PPIs*. Slides of an invited lecture given at NayFest 2018, the University of Maryland, May 4–5, 2018.
- Zwarts 1998 — Zwarts F. Three types of polarity. *Plurality and quantification*. Hamm F., Hinrichs E. W. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 1998, 177–238.

Получено / received 21.10.2021

Принято / accepted 23.11.2021

Трансформации лексического ряда *животь* — *жизнь* — *житие*: опыт лингвостатистического описания

© 2022

Олег Феофанович Жолобов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; ozolobov@mail.ru

Виктор Аркадьевич БарановИжевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова,
Ижевск, Россия; victor.a.baranov@gmail.com

Аннотация: В статье впервые дано лингвостатистическое описание исторических трансформаций лексического ряда *животь* — *жизнь* — *житие* в старославянской и древнерусской письменности с опорой на материалы исторического корпуса «Манускрипт» (manuscripts.ru) на фоне праславянской реконструкции, инославянских данных и современного употребления. Указанные лексемы образовывали синонимический ряд начиная с первых памятников письменности, что отражает праславянское состояние. Во всех славянских языках этот ряд подвергся коренной перестройке. Если в русском языке он изменился в ряд *жизнь* — *житьё* — *житие*, где стилистически нейтральным является лишь слово *жизнь*, то в других славянских языках лексема *жизнь* перестала употребляться. Предложено объяснение семантическому преобразованию слова *живот*, значение части тела у которого развилось под польским влиянием в XVI в. Опровергнуты утверждения о преславском происхождении лексемы *жизнь* и о ее заимствовании в древнерусской письменности. Лингвостатистическое описание показало, что квантитативные формулы отношений внутри лексического ряда и перечней коллокатов его членов не только коррелируют с тематическим и жанровым своеобразием подкорпусов Евангелий, поучений Ефрема Сирина, миней и стихирарей, а также летописей, но и точно отражают структурные свойства и текстологические особенности составляющих подкорпусы текстов. Дистрибутивно-квантитативные показатели свидетельствуют о доминирующем положении лексемы *житие* в книжной письменности. В ходе анализа найдены ключевые точки в трансформациях лексического ряда, включая наметившуюся тенденцию к доминированию лексемы *жизнь*.

Ключевые слова: диахрония, древнерусский язык, корпусная лингвистика, лексика, семантика, синонимия, старославянский язык, статистические методы

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00206).

Для цитирования: Жолобов О. Ф., Баранов В. А. Трансформации лексического ряда *животь* — *жизнь* — *житие*: опыт лингвостатистического описания. *Вопросы языкознания*, 2022, 2: 65–101.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.65-101

Transformations of the lexical row *životъ* — *žiznъ* — *žitije* in Slavic: A linguostatistical analysis

Oleg F. Zholobov

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; ozolobov@mail.ru

Victor A. Baranov

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia; victor.a.baranov@gmail.com

Abstract: The article presents the first linguostatistical description of the historical transformations of the lexical row *životъ* — *žiznъ* — *žitije* ‘life’ in Old Slavonic and Old Russian writing based on the materials of the historical corpus “Manuscript” (manuscripts.ru), with comparison to the Proto-Slavic reconstruction, Slavic data and current use. The mentioned lexical items had constituted a synonymic row since the first written records, which reflects the Proto-Slavic situation. This row was subject to cardinal transformations in all Slavic languages. In the Russian language it transformed to the row *žizn’* — *žitjě* — *žitie*, where only the first word is stylistically neutral, while in other Slavic languages the noun *žizn’* went out of use. We propose an explanation of the semantic transformation of Russian *život*, which acquired the meaning ‘belly’ under Polish influence in the 16th century. The work refutes the statement about the Preslav origin of the noun *žizn’* and its borrowing in the Old Russian writing. The linguostatistical description shows that the quantitative formulae of the relationships within the lexical row and lists of collocates of its members not only associate with the subject and genre individuality of the sub-corpora of Gospels, copies of Parenesis, Menaia and books of Sticheron, but also reflect exactly the structural properties and textological features of the texts constituting the sub-corpora. The distributional-quantitative indexes suggest the dominant position of the lexical item *žitije* in the book writing. In the process of analysis key points were found in the transformations of the lexical row, including the emerging trend to domination of the noun *žiznъ*.

Keywords: corpus linguistics, diachrony, lexicon, Old Church Slavonic, Old Russian, semantics, statistical methods, synonymy

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 20-18-00206).

For citation: Zholobov O. F., Baranov V. A. Transformations of the lexical row *životъ* — *žiznъ* — *žitije* in Slavic: A linguostatistical analysis. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 2: 65–101.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.65-101

1. Вводные замечания

В отличие от современного состояния, древнеславянское выражение центрального экзистенциального понятия физического существования было связано сразу с тремя однокоренными лексемами. Эти же три лексемы, кроме того, получили в древности очень сходную семантическую структуру в общих значениях образа существования и приобретенных в существовании материальных благ. Как свидетельствуют словарные материалы, лексемы *животъ*, *жизнь*, *житие* в древнерусской письменности характеризуют следующие значения [СДРЯ, III: 257–258; 260–261; 264–266]¹:

<i>Животъ</i>	<i>Жизнь</i>	<i>Житие</i>
1. ‘Жизнь, существование’	1. ‘Жизнь, существование’ ²	1. ‘Жизнь, существование’
2. ‘Животное’	2. ‘Образ жизни’	2. ‘Образ жизни’
3. ‘Имущество, нажитое’	3. ‘Имущество, нажитое’	3. ‘Местопробывание, обитание’
		4. ‘Житие, описание жизни’
		5. ‘Имущество, нажитое’

¹ Этот трехчленный ряд получал и спорадическое расширение в лексеме *жить* ‘жизнь’, но ее употребление отмечено лишь единичными очень редкими примерами (см. [SJS, I: 610] — по одному примеру из Супрасльской рукописи и Евгеньевской псалтыри; [СДРЯ, III: 267] — один пример из списка Слов Григория Богослова XIV в.). В среднерусский период в столь же редких трех примерах засвидетельствована еще одна синонимичная лексема — *жительство* ‘жизнь, существование’, ‘образ жизни’ [СлРЯ, 5: 114].

² Поскольку описывается семантика древнерусского слова, то в формулировке значений могут использоваться тождественные лексемы современного русского языка, когда, таким образом, дается перевод древнерусских лексем. Здесь и далее словарные определения значений даются в одинарных кавычках, а менее строгие и предварительные — без кавычек в описательных конструкциях.

Лексемы *животь*, *жизнь*, *житие*, таким образом, являются синонимичными и образуют тесный лексический ряд, семантически пересекаясь в значениях 1) ‘жизнь, существование’ 2) ‘имущество, нажитое’. Существительные *жизнь* и *житие*, кроме того, объединены значением ‘образ существования, жизни’. Это последнее значение отсутствует у слова *животь* и в пражском словаре старославянского языка [SJS, I: 867–869], и в древнерусском словаре [СДРЯ, III: 257–258]³. Тем не менее данное значение по той же модели полисемии, что и у слов *жизнь* и *житие*, у лексемы *животь* также развивалось и спорадически встречается уже в ранних источниках. См., например, актуализацию данного значения в старославянском переводе Паренесиса Ефрема Сирина по древнерусскому Типографскому списку 70–80-х гг. XIII в. (РГАДА, Тип. 38): *наставниче животоу нашему* 40.1⁴. Это значение представлено и в современных славянских языках, где лексема *живот* сохраняет господствующее положение как обозначение физического существования.

Для истории функционирования столь значимых лексем важную роль играла вариативность этих слов в древнеславянской письменности, которая носила мотивированный характер, создавала конкурентное напряжение в диахронической динамике лексического ряда и отразилась как в его локальных и текстовых, так и системно-языковой трансформациях. Действительно, уже в наиболее ранних славистических исследованиях отмечена взаимозаменяемость в употреблении лексем *животь*, *жизнь*, *житие* [Jagić 1913: 263, 287, 433, 452, 466, 474; Vondrák 1912: 28, 42, 46]. При рассмотрении лексического состава древнеславянских источников выяснилось, что они могут быть охарактеризованы, во-первых, количественными формулами соотношения слов в названном лексическом ряду, а во-вторых, в дополнение к ним — дистрибутивными характеристиками, поскольку количественные формулы всегда сопряжены с теми или иными семантико-синтаксическими параметрами, т. е. сочетаемостью лексем, которая также имеет статистическое выражение. Под трансформациями в дальнейшем изложении имеются в виду вариации количественных формул и дистрибутивных модификаций лексического ряда *животь* — *жизнь* — *житие*. Кроме того, понятие трансформации охватывает и итоги конкурентного сосуществования синонимических лексем. Опыт подобного лингвостатистического описания предпринимается впервые, а сама его возможность основывается на развитии цифровых технологий — появлении крупнейшего исторического корпуса «Манускрипт» (manuscripts.ru), совмещенного с разнообразными служебными модулями⁵. Предполагается, что данный опыт может стать моделью для диахронического исследования других лексических рядов, основанных на их вариативности в текстах.

2. Истоки и итоговые трансформации лексического ряда *животь* — *жизнь* — *житие* в славянских языках

В источниковой картотеке СДРЯ по частотности рассматриваемые слова распределены следующим образом: *житие* (~1800) — *животь* (917) — *жизнь* (654). Количественные данные четырех разножанровых подкорпусов в самом объемном историческом корпусе

³ По данным пражского старославянского словаря, лексемы *животь* и *житие* объединены также значением ‘животное’, при том что это значение может передаваться и суффиксальным субстантивом *животно* [SJS, I: 604, 610]. В берестяных грамотах данное значение закрепляется за суффиксальным субстантивным образованием *животина*, а употребление существительного *животь* ограничено двумя значениями — ‘жизнь’ и ‘имущество’ [Зализняк 2004: 738].

⁴ Как оттенок значения ‘жизнь’ в статье *животь* приводится значение ‘образ жизни’ с примерами из Изборника 1076 г. и списка Физиолога XV в. [СлРЯ, 5: 103].

⁵ Ранее предпринималось на несколько иных основаниях лингвостатистическое описание лексического ряда другого типа — глаголов знания *въдѣти* — *въдати* — *знати* [Жолобов, Баранов 2021].

«Манускрипт», содержащем полные транскрипции славянских рукописей XI–XV вв., дают иные результаты, что может свидетельствовать об определенной несбалансированности в источниковой базе СДРЯ. Соотношение встречаемости этих слов в четырех разножанровых подкорпусах (см. список источников) имеет иную конфигурацию. В наиболее показательном для древнерусского узуса подкорпусе летописей частотность их употребления следующая: *животъ* (107), *житие* (78), *жизнь* (28); в подкорпусе Евангелий — *животъ* (373), *жизнь* (34), *житие* (27); в подкорпусе списков Паренесиса — *житие* (361), *жизнь* (261), *животъ* (137); в подкорпусе миней и стихирарей количественное соотношение оказалось ближе всего к данным словаря: *житие* (560), *животъ* (476), *жизнь* (372), хотя разрыв в употребительности слов *житие* и *животъ* здесь, в отличие от данных картотеки словаря, оказался незначительным.

В современном русском языке отношения в этой группе предстают коренным образом трансформированными. Появление значения части тела у слова *живот* привело к образованию новой лексемы, которая выпала из рассматриваемого лексического ряда⁶. Исконное существительное *живот* превратилось в моносемантическую лексему со значением ‘физиологическое существование живого организма от рождения до смерти’, которая сохранилась главным образом лишь в устойчивых выражениях и как устаревшая приобрела отдаленное и опосредованное отношение к названному синонимическому ряду. В устойчивых выражениях положение слова *живот* также нельзя назвать прочным, так как оно легко замещается лексемой *жизнь*: *не на живот, а на смерть* ‘не шадя своей жизни’; *положить живот* ‘погибнуть, пожертвовать собой’; *лишиться (решиться) живота* ‘умереть, погибнуть’ [БАС-3, 5: 639, 654; ФразСл: 157, 198, 389]. Место господствующего и нейтрального обозначения существования и, таким образом, выражения центрального экзистенциального понятия в русском языке заняла лексема *жизнь*, которая стала сверхчастотной и у которой развилась сложная семантическая структура из девяти значений [БАС-3, 5: 653–657]. На основе одной древней лексемы в русском языке сложились два слова — сохранившее книжную форму *житие* и его морфонологическая разговорная вариация *житьё*. У этих лексем выделяется общее со словом *жизнь* значение ‘время существования от рождения до смерти’, однако оба слова отличает стилистическая отмеченность [БАС-3, 5: 655, 670, 675; Ожегов 1988: 157–159].

Эта историческая трансформация лексического ряда в русском языке является уникальной. В большинстве славянских языков существительное *жизнь* не сохранилось, на его месте выступают рефлексы праславянского слова *životь, восходящего к индоевропейскому **ǵʰw̥tōt-* и соответствующего др.-прусск. *giwato*, греч. *βίωτος* и лат. *vita* [Семереньи 1980: 77; Фасмер 1986: 52]⁷. Отдельную группу образует польский язык вместе с испытывшими его влияние белорусским и украинским языками, где представлены рефлексы праславянского *žitъje > *życie*, *жыццё*, *життя*, при том что в древнепольском господствующее положение, как и в общеславянском, занимало существительное *żywot* [Słownik staropolski: 622–628]. Словообразовательная инновация сформировала у южных славян новые синонимические пары: так, в болгарском — *живот* и *живеене*, в сербском — *живот*, *живљење* и *житак*, в словенском — *življenje*, наряду с *život*.

Исходные словообразовательные значения существительного *животъ* < *живой* — предмет по отношению к признаку и отвлеченный признак, как и у существительных женского рода с тем же суффиксом продуктивной модели *высота*, *доброта*, *дългота*, *льгота* и т. п. Отступление от модельного ряда по грамматическому роду наводит на мысль о мотивированности родового значения мифологическими представлениями в праславянском

⁶ Это новое слово вошло в другой синонимический ряд (*брюхо* — *желудок* — *лоно* — *утроба* — *чрево*), который далее не рассматривается.

⁷ В транскрипции О. Семереньи. В ЭССЯ отмечается нерегулярный характер чередования в однокоренных словах *жити* — *гой* в случае с праславянским *gojь [ЭССЯ: 197]. Ср. *гой еси* как приветствие [СлРЯ, 4: 59].

(см. об оппозиции «мужской — женский» [Славянская мифология 1997: 451–452]). По словообразовательной основе и грамматическому роду праславянское *žiwotь противопоставлено отглагольному образованию *žiznь, так что в этом случае однокоренными существительными в праславянском представлена вся родовая цепь — муж., жен., ср. род: *žiwotь — *žiznь — *žitъje. Существительное *žiznь оформлено по модели *болъзнь, боязнь, къзнь, приязнь* суффиксом, который не имеет, согласно А. Мейе, аналогов в индоевропейских языках [Мейе 2000: 294]. Исходные словообразовательные значения существительных *žiznь, *žitъje < *žiti — предмет по действию и отвлеченное действие.

С утверждением о заимствовании слова *жизнь* в середине XI в. у болгар трудно согласиться (ср. [Колесов 1986: 76]). О праславянском происхождении слова свидетельствуют дохристианские антропимы *Жизнобудь* и *Жизномирь* в ранних берестяных грамотах [Зализняк 2004: 739]⁸, а также контексты с прямой речью в древнерусской Киевской летописи, включающие лексему *жизнь* и отражающие живую речь (см. ниже). О праславянском происхождении слова говорит и его наличие не только в ранних южнославянских источниках, но и у западных славян: см., в древнепольском языке, где *żyźń* ‘urodzajność, żyzność’ (‘плодородность, обильность, благосостояние, богатство’) соответствует др.-русск. *жизнь* не только фонетически, но и семантически (см. ниже); ср. синоним *żyźność* ‘urodzajność, obfitość, bogactwo’ [Słownik staropolski: 633]⁹. Вместе с тем распространение значений ‘существование’ и ‘образ жизни’ и расширение семантического объема слова *жизнь* в древнерусском языке, безусловно, подкреплялись влиянием богослужебных текстов южнославянского происхождения.

Новое значение ‘часть тела, заключающая органы пищеварения’, ставшее постепенно основным, у лексики *живот* впервые фиксируется лишь во второй половине XVI в.: *Вода добръ горячая колотие въ животъ отгоняеть*. Назиратель, 134. XVI в. [СлРЯ, 5: 104; СОРЯ: 238]. Латинский первоисточник Назирателя — сочинение Петра Кресценция (около 1300 г.), которое содержало руководство по сельскому хозяйству, садоводству и медицинские советы. Старорусский перевод был выполнен, по всей видимости, носителем староукраинского языка, и, несомненно, не с оригинала, а с польского перевода, изданного в 1549 г. [Назиратель 1973: 75 и сл.]. Новое значение лексики *живот*, судя по всему, в этом случае объясняется польским влиянием, поскольку оно было широко представлено в древнепольской переводной литературе, наряду со значениями ‘życie (жизнь)’, ‘sposób życia (образ жизни)’, ‘opis życia (жизнеописание, житие)’; см.: *żywot* ‘brzuch, łono’ (т. е. ‘живот, брюхо, лоно, утроба’) [Słownik staropolski: 628]¹⁰. Это значение отмечается в словаре современного польского языка как «старое», а в настоящее время — «диалектное» [Słownik języka polskiego]. Показательно, что лексема *жизный* ‘плодородный’, которая в словарях [СлРЯ, 5: 109; СОРЯ: 246] иллюстрируется лишь примером из Назирателя, является очевидным полонизмом, см.: *żyzny* ‘urodzajny (плодородный)’, ‘obfity (обильный, богатый)’ [Słownik staropolski: 633]. Собственно старорусское образование имеет другой вид и семантику: *жизненный* < *жизньныи* [СлРЯ, 5: 109]. Вместе с тем вполне допустимо предполагать существование прилагательного *жизнь* в ранний период и в древнерусском языке на фоне образований с тем же суффиксом, ср.: существительное и прилагательное *болъзнь* и *болъзнь* при глаголе *болъти* [СДРЯ, I: 291].

⁸ Ср. такую же твердоосновность первого компонента у старославянского композита *жизнодавьць* [SJS, I: 606].

⁹ В древнечешском языке, наряду с теми же значениями, представлены значения ‘жизнь’, ‘удовлетворение’, ‘оживление’. Кроме того, слово варьирует по грамматическому жен. и муж. роду: «žizn (jednoslab.), žizen, žizeň, -zni f. i -znu m. život; úroda, hojnost, dostatek; uspokojení, osvěžení» [Elektronický slovník staré češtiny].

¹⁰ Пол. *brzuch* фонетически соответствует др.-русск. и русск. *брюхо*, продолжающему общеславянское слово. Освоение нового значения у слова *животъ*, по-видимому, происходило при староукраинском посредстве.

3. Лексемы *животъ*, *жизнь*, *житие* в первоначальной письменной традиции

Слово *жизнь* обычно относят к преславизмам [Илиев 2017: 122; Славова 1989: 53–54; Voss 1996: 101, 110]¹¹. С этим трудно согласиться, поскольку это слово имеет праславянское происхождение, а кроме того, встречается в кирилло-мефодиевских источниках — в глаголическом Синайском евхологии, содержащем переводы с греческого, латинского и древневерхненемецкого языков, а также в переводе греческого Профитология — Паримейнике. Как богослужебный текст Паримейник был частью книг, переведенных в кирилло-мефодиевский период [Киас 1955: 374; Пичхадзе 1991: 147]¹². В списках Паримейника, в частности, обнаруживается чтение, в котором «преславская» лексема *жизнь* не заменяет «кирилло-мефодиевскую» *животъ*, а была представлена в кирилло-мефодиевском переводе изначально. Существует контекст, в котором необходимо было употребление существительного именно женского рода *жизнь* и где в списках Паримейника отсутствует вариативность. Так, при переводе имени Евы через греч. посредством *Ζωή* было использовано существительное женского рода *жизнь*, при том что в паримейниках в других случаях при переводе *ζωή* обычно используется существительное *животъ*, см. чтение из книги Бытия 3, 20:

(1)

Григоровичев паримейник XII–XIII вв.	Захаринский паримейник 1271 г.	Троицкий паримейник вт. пол. XIV в.
и на рѣ ^ѣ / а дд амъ женѣ своенѣ ѿ ма жизнь ⁊ ꙗко та мати / въсѣмъ живѣщимъ 22 ¹³	и на рече а дд амъ ѿ ма / женѣ своенѣ жи / знь ⁊ ꙗко мѣти / въсѣмъ живоу / цѣимъ 47.2 ¹⁴	и на рѣ а дд амъ / ѿ ма женѣ своенѣ жизнь / ꙗко мѣти та въсѣмъ на / мъ есть 15.2

Так это чтение выглядит и в самом раннем из сохранившихся Лазаревском списке паримейника вт. пол. XII в., при том что в нем замена слова *животъ* на *жизнь* представлена несколько раз и в этом отношении редакция перевода здесь выступает в наименее архаичной форме, близкой Троицкому паримейнику; см.:

(2) и на рѣ / че а дд амъ ѿ ма / женѣ своенѣ жи / знь ⁊ ꙗко та естъ / мѣти въсѣмъ жи / воуцѣимъ на зе / мли 24.1.

См. также разночтения по 13 спискам в первом, незаконченном, издании Григоровичева паримейника [Брандт 1894: 123].

Существительное *животъ* изредка варьирует со словом *жизнь* в наиболее архаичном и близком к протографу Григоровичевом паримейнике XII–XIII вв. (отношение 27 : 5), как и в Лобковском паримейнике 1294–1320 гг., однако оба эти списка связаны не с восточно-болгарской преславской, а с юго-западной рукописной традицией, наследующей охридскому книжному центру [Рибарова 2005: 59–62, 71–72]¹⁵.

¹¹ Однако Я. Милтенов [2006: 184] отмечает, что слово *жизнь* встречается в старославянских памятниках не преславского происхождения.

¹² О древнейшем датированном списке — Захаринском паримейнике 1271 г. — см. [Жолобов 2016].

¹³ Григоровичев паримейник цитируется по изданию [Рибарова, Хауптова 1998].

¹⁴ В адресе примера: 47 — номер листа, 2 — номер страницы (1 — лицевая сторона, 2 — оборотная).

¹⁵ См. в этой связи замечание о преславизмах Я. Милтенова, который полагает, что те или иные члены дублетных обозначений получают значимость при характеристике рукописей только тогда, когда в последних встречаются слова, связанные с источниками, имеющими однозначно восточно-болгарское происхождение [Милтенов 2020: 66].

Если служебное Евангелие правилось в епископии Климента Охридского при переходе от латинского обряда к византийскому [Пентковский 2019: 100], то и такие богослужебные тексты, как Паримейник, также включались в процесс редактирования, поскольку древний перевод был сделан не с константинопольской редакции, а с греческого Профитология, происходящего из южной Италии [Пичхадзе 1991: 159]. Таким образом, дублетная пара *животъ* — *жизнь*, имея общеславянское происхождение, входила в кирилло-мефодиевский лексикон, а затем была поддержана расширением сферы употребления слова *жизнь* при редактировании таких богослужебных текстов, как Паримейник и Евангелие (см. ниже). См. некоторые примеры постепенных замен в списках Паримейника:

(3)

Григоровичев паримейник XII–XIII вв.	Захаринский паримейник 1271 г.	Лазаревский паримейник вт. пол. XII в.
да не вскждѣбѣтъ истоуѣници твоего живота 25 об. ¹⁶	да не/ вскоудѣбѣтъ истоуѣникъ живота/ твоего 53.1	ѣко не вскоудѣ/ють ти са истоуѣни/ци жизни твоеа 27.2
да не/ прѣдаси ѣнѣмъ живота твоего · и твоего/ житиѣ немѣстивомъ 26 ¹⁷	да не/ прѣдаси ѣнѣмъ/ живота своего · / и твоего жити/ѣ немѣстивѣи/мъ 56.2	да не прѣдаси/ ѣнѣмъ жизни сво/еѣа · и твоего жити/ѣа · немѣстивѣимъ 29.2

Разночтения включают и замены прилагательного *животъныи* на приименной субстантив *жизнь*, см., в частности:

(4)

Захаринский паримейник 1271 г.	Григоровичев паримейник XII–XIII вв.	Лазаревский паримейник вт. пол. XII в.
ѿ плода правды/ прозѣбаеть · / дрѣво живо/тноѣ 95.1 ¹⁸	жизнѣ 28 ¹⁹	ѿ плода/ правды прозѣ/баеть доубъ/ жизни 47.1

Первоначальной славянской традиции были известны все три лексемы, поскольку общая корневая морфема и семантическая близость слов привела к раннему развитию вариативности, однако среди них по частотности значительно преобладает слово *животъ* ‘жизнь’. В наиболее архаичных глаголических источниках количественное соотношение лексем *животъ* : *жизнь* : *житие* следующее: 5 : 0 : 0 в Киевских листках; 21 : 0 : 0 в Синайской псалтыри. Оно незначительно меняется в глаголических Зографском и Мариинском четвероевангелиях: 37 : 0 : 2 и 47 : 0 : 2 соответственно и в глаголическом Ассеманьевом кратком апракосе 39 : 1 : 0 [SJS, I: 603]. В то же время глаголический Синайский евхологий дает иное соотношение лексем с расширенным употреблением лексем *жизнь* и *житие*: 30 : 11 : 25. Это связано с тем, что, помимо греч. *ζωή*, для перевода которых использовались все три лексемы, и греч. *βίος* переводившегося лексемами *животъ* и *житие*, значение ‘образ жизни’ в евхологии при переводе греч. *πολιτεία* передавалось лексемами *жизнь* и *житие*, а кроме того, последнее использовалось при переводе теологом: *се житие* ‘эта, земная жизнь’, *житие отънѣдъное* ‘жизнь тамошняя’, *говѣино житие* ‘жизнь в воздержании’, *бескверно и оугодно житие* ‘чистая и богоугодная жизнь’ [Пенкова 2008: 119]²⁰. В кириллической

¹⁶ Притчи 4, 21.

¹⁷ Притчи 5, 9.

¹⁸ Притчи 11, 30.

¹⁹ Контекст в рукописи читается обрывочно.

²⁰ В евхологии греч. *βίος* может переводиться не только словом *житие*, но и *животъ*, при том что в пражском старославянском словаре эта греч. параллель упущена из виду.

Саввиной книге, переписанной с глаголического оригинала, также наблюдается расширенное употребление лексемы *жизнь* с количественным отношением 9 : 7 : 1, при том что в этом источнике нет лексики, характерной для «преславских» текстов [Пентковский 2019: 114]. В кириллической Супрасльской рукописи происходит коренное перераспределение лексем, значительно преобладают слова *жизнь* и *житие* с соотношением 27 : 100 : 94. Таким образом, существительное *жизнь* может быть охарактеризовано как преславизм только в плане статистической тенденции — его наиболее высокой частотности в источниках преславского происхождения.

Показательно количественное соотношение трех лексем в подкорпусе древнерусских Евангелий — 373 (*животъ*) : 34 (*жизнь*) : 27 (*житие*). Оно демонстрирует рост употребительности лексем *жизнь* и *житие* на фоне старославянских глаголических евангелий. Безусловно, именно такие богослужебные тексты, как Евангелие и Паримейник, которые были постоянно на слуху, оказывали наибольшее влияние на массовое сознание.

Семантические сдвиги непосредственно связаны с изменением узуальной сочетаемости слова, одним из эффективных методов наблюдения за которой является выявление лексической дистрибуции анализируемого слова в разные периоды истории языка, а также в текстах разных жанров.

4. Дистрибутивно-квантитативные характеристики существительных *животъ*, *жизнь*, *житие* в разножанровых подкорпусах

Рассмотрим дистрибуцию существительных *животъ*, *жизнь*, *житие* в разножанровых рукописях XI–XV вв. исторического корпуса «Манускрипт» (manuscripts.ru); о корпусе см., например, [Baranov 2018; Баранов 2019].

Материалом для анализа стали четыре разножанровых подкорпуса средневековых рукописей — подкорпус древнерусских списков Евангелий XI–XIII вв. (11 кодексов и отрывков, 522 775 текстовых форм), подкорпус древнерусских списков XIII–XIV вв. Паренесиса Ефрема Сирина (три рукописи, 249 124 текстовые формы), подкорпус миней и стихирарей XI–XIV вв. (20 списков и отрывков, 474 189 текстовых форм) и подкорпус летописей XIV–XV вв. (три списка летописи, 349 913 текстовых форм).

Для установления дистрибуции синонимичных существительных в разножанровых подкорпусах было использовано несколько инструментальных средств: специализированный модуль n-грамм, который позволяет сформировать подкорпус текстов, используя их метаданные, и извлечь n-граммы, задав их характеристики²¹, статистический пакет Statistica, с помощью которого осуществлен анализ перечней n-грамм, программа MS Excel, в которой осуществлена подготовка данных для анализа.

В качестве метода оценки близости члена дистрибутивного ряда — компонента биграмм анализируемому существительному использована статистическая мера T-score²², а для нахождения степени соответствия дистрибутивных рядов коллокатов²³ друг другу

²¹ Основные возможности модуля n-грамм (http://manuscripts.ru/mns/cred_ngr.stat), с помощью которого подготовлены данные для анализа, описаны, например, в публикациях [Баранов 2016; 2017; Baranov, Gnutikov 2019].

²² О мере см., например, [Evert 2005; Кочеткова 2013; Ягунова, Пивоварова 2013].

²³ Термин «коллокат» в данной работе используется как эквивалент сочетания «компонент n-граммы, находящийся слева или справа от анализируемого слова». Термин «коллокация» — в значении «сочетание компонентов текста, обладающее признаками статистической устойчивости».

использован непараметрический коэффициент корреляции r -Спирмена²⁴. Выбор методов обусловлен тем, что значения сопоставляемых рядов коллокатов не во всех случаях соответствуют закону нормального распределения.

Для устранения вариативности компонентов биграмм использовано несколько приемов — извлечение данных с устранением диакритики и титл, использование маски на основе регулярных выражений, приведение текстовых форм к леммам, вычисление среднего значения T-score для всех биграмм, содержащих коллокаты с одной леммой.

При исследовании дистрибуции каждого из существительных

- 1) из подкорпусов Евангелий, Паренесисов, миней и стихирарей и летописей извлечены биграмы с исследуемыми существительными (использованы регулярные выражения $\wedge ж[и]т([иы])([\wedge и\wedge з\wedge]\backslash b)(\cdot.*[\wedge слно].*\wedge b))$. {1,3}, ж[и]з.?н. {1,3}\$, ж[и]в[оow]т. {1,3}\$),
- 2) установлены ряды их коллокатов, включающих все, в том числе и служебные, слова и располагающихся слева или справа от существительного на расстоянии -3 — $+3$ словоформы,
- 3) вычислена статистическая степень близости существительного и коллоката,
- 4) выявлены пересечения рядов коллокатов одного существительного в разных подкорпусах и разных существительных в одном подкорпусе,
- 5) вычислена корреляция пересекающейся части рядов для одного существительного в разных подкорпусах и для разных существительных в одном подкорпусе.

Количество текстовых форм каждого из существительных в подкорпусах приведено в таблице 1.

Таблица 1

Количество текстовых форм существительных *житие, жизнь, животъ*

	Евангелия		Паренесис		Миней и стихирари		Летописи	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
<i>житие</i>	27	0,005	361	0,145	560	0,118	78	0,022
<i>жизнь</i>	34	0,007	261	0,105	372	0,078	28	0,008
<i>животъ</i>	373	0,071	137	0,055	476	0,100	107	0,031

Количество биграмм с каждым из существительных приведено в таблице 2.

Таблица 2

Количество биграмм с существительными *житие, жизнь, животъ* в четырех подкорпусах

	Евангелия		Паренесис		Миней и стихирари		Летописи	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
<i>житие</i>	162	0,031	2160	0,857	3336	0,704	467	0,134
<i>жизнь</i>	202	0,039	1566	0,629	2218	0,468	168	0,048
<i>животъ</i>	2226	0,426	822	0,330	2831	0,597	642	0,184

В таблице 3 приведены сведения о количестве уникальных для каждого и анализируемых существительных лемм-коллокатов.

²⁴ См., например: Непараметрические корреляции. StatSoft [Электронный ресурс]. http://statistica.ru/theory/непараметрические-корреляции/?sphrase_id=96402 (дата обращения: 01.05.2021).

Таблица 3

Количество уникальных лемм-коллокатов

	Евангелия	Паренесис	Миней и стихирари	Летописи
<i>житие</i>	39	460	805	160
<i>жизнь</i>	55	338	572	83
<i>животь</i>	160	207	690	181

Коллокаты с наибольшей статистической близостью (теснотой) существительным *животь*, *жизнь*, *житие*, вычисленной с помощью меры T-score, приведены в виде сопоставительных перечней, которые позволяют сравнить близость коллоката существительному в каждом из подкорпусов, в Приложениях 1–3.

Понятно, что степень сходства или различия лексического окружения анализируемых существительных в подкорпусах определяется не только совпадением коллокатов, но и статистической близостью коллокатов существительным. Учет одновременно двух параметров (количества совпадающих коллокатов и статистического значения тесноты каждого в подкорпусах) возможен с помощью корреляционных методов. В связи с тем, что значения сопоставляемых рядов коллокатов не во всех случаях соответствуют закону нормального распределения, для измерения корреляции использована непараметрическая статистика r_s -Спирмена.

Покажем несколько результатов измерения похожести лексического окружения существительного в разных подкорпусах и лексического окружения разных существительных в одном подкорпусе.

4.1. Дистрибуция каждого из существительных в разных подкорпусах

Корреляционные отношения между совпадающими членами рядов коллокатов с формами существительного *жизнь* в разных подкорпусах приведены в таблице 4.

Таблица 4

Корреляция между коллокатами существительного *жизнь*

	Евангелия			Паренесисы			Миней и стихирари			Летописи		
	F	R_s	p-value	F	R_s	p-value	F	R_s	p-value	F	R_s	p-value
Ев	—	—	—	37	0,230	0,171	27	0,285	0,150	18	-0,280	0,261
Пар	37	0,230	0,171	—	—	—	121	0,062	0,502	41	-0,286	0,070
МиС	27	0,285	0,150	121	0,062	0,502	—	—	—	41	0,092	0,569
Лет	18	-0,280	0,261	41	-0,286	0,070	41	0,092	0,569	—	—	—

Слабая положительная, близкая к умеренной (по шкале Чеддока) корреляция существует между дистрибуцией существительного *жизнь* в подкорпусах Евангелий и Паренесисов (0,230), Евангелий и миней и стихирарей (0,285); слабая отрицательная, близкая к умеренной — между коллокатами Евангелий и летописей (-0,280) и между Паренесисами и летописями (-0,286). Необходимо отметить, что в последней паре достоверность результата достаточно высока — значение p-value 0,070 близко к пороговому 0,05. В остальных случаях корреляция отсутствует.

Аналогичная ситуация отсутствия или слабой (в основном отрицательной) корреляции между рядами коллокатов обнаружена и для существительных *житие* и *животъ* (таблицы 5 и 6).

Таблица 5

Корреляция между коллокатами существительного *животъ*

	Евангелия			Паренесисы			Минен и стихирари			Летописи		
	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>
Ев	—	—	—	59	0,062	0,643	79	0,077	0,502	52	0,030	0,832
Пар	59	0,062	0,643	—	—	—	104	0,167	0,091	56	-0,053	0,700
МиС	79	0,077	0,502	104	0,167	0,091	—	—	—	70	-0,090	0,459
Лет	52	0,030	0,832	56	-0,053	0,700	70	-0,090	0,459	—	—	—

Таблица 6

Корреляция между коллокатами существительного *житие*

	Евангелия			Паренесисы			Минен и стихирари			Летописи		
	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>
Ев	—	—	—	27	-0,007	0,971	28	-0,148	0,451	17	-0,076	0,772
Пар	27	-0,007	0,971	—	—	—	176	-0,047	0,533	73	-0,058	0,627
МиС	28	-0,148	0,451	176	-0,047	0,534	—	—	—	79	-0,116	0,309
Лет	17	-0,076	0,772	73	-0,058	0,627	79	-0,116	0,309	—	—	—

В целом лексическое окружение одного того же существительного в разных подкорпусах существенно различается (кроме сближенной дистрибуции слова *животъ* в списках Паренесиса и гимнографических текстах), о чем свидетельствует отсутствие похожести рядов и отрицательные значения их корреляции. Это расхождение объясняется различиями в лексико-синтаксической организации разножанровых подкорпусов.

4.2. Дистрибуция существительных в одном подкорпусе

Значительно более показательными являются отношения между перечнями коллокатов разных существительных в одном подкорпусе, см. данные таблицы 7.

Таблица 7

Корреляция между коллокатами существительных *житие*, *жизнь*, *животъ* в Евангелиях

	<i>Житие</i>			<i>Жизнь</i>			<i>Животъ</i>		
	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>
<i>Житие</i>	—	—	—	13	0,654	0,015	24	0,402	0,051
<i>Жизнь</i>	13	0,654	0,015	—	—	—	38	0,617	0,000
<i>Животъ</i>	24	0,402	0,051	38	0,617	0,000	—	—	—

В двух случаях соотношений (*житие* — *жизнь*, *жизнь* — *животъ*) корреляция рядов коллокатов, содержащих в том числе и служебные слова, в терминах шкалы Чеддока заметная. Это значит, что лексическое окружение существительных *житие* — *жизнь* и *жизнь* — *животъ* очень похоже. Ряды соседей существительных *житие* и *животъ* несколько менее похожи, по шкале Чеддока — корреляция умеренная.

Аналогичный результат получен в трех других подкорпусах (таблицы 8–10).

Таблица 8

Корреляция между коллокатами существительных *житие*, *жизнь*, *животъ* в Паренесисах

	<i>Житие</i>			<i>Жизнь</i>			<i>Животъ</i>		
	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>
<i>Житие</i>	—	—	—	56	0,610	0,000	32	0,324	0,071
<i>Жизнь</i>	56	0,610	0,000	—	—	—	44	0,553	0,000
<i>Животъ</i>	32	0,324	0,071	44	0,553	0,000	—	—	—

Таблица 9

Корреляция между коллокатами существительных *житие*, *жизнь*, *животъ* в минеях и стихираях

	<i>Житие</i>			<i>Жизнь</i>			<i>Животъ</i>		
	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>
<i>Житие</i>	—	—	—	77	0,425	0,000	105	0,279	0,004
<i>Жизнь</i>	77	0,425	0,000	—	—	—	165	0,462	0,000
<i>Животъ</i>	105	0,279	0,004	165	0,462	0,000	—	—	—

Таблица 10

Корреляция между коллокатами существительных *житие*, *жизнь*, *животъ* в летописях

	<i>Житие</i>			<i>Жизнь</i>			<i>Животъ</i>		
	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>	<i>F</i>	<i>R_s</i>	<i>p-value</i>
<i>Житие</i>	—	—	—	7	0,643	0,119	32	0,424	0,016
<i>Жизнь</i>	7	0,643	0,119	—	—	—	20	0,599	0,005
<i>Животъ</i>	32	0,424	0,016	20	0,599	0,005	—	—	—

Степень корреляции (похожести) лексического окружения анализируемых существительных в разных подкорпусах, будучи положительной, колеблется от слабой (0,279) до заметной (0,654) по шкале Чеддока. При этом достоверность полученных результатов практически во всех случаях высокая (значение *p-value* выше 0,05). Обнаружено также, что степень корреляции дистрибуции каждой из пар существительных в подкорпусах аналогична: наиболее высокая между *житие* и *жизнь*, наименее высокая между *житие* и *животъ*.

В целом полученные результаты рассматриваются нами как первичные сопоставления количественных и статистических характеристик лексического окружения существительных *житие*, *жизнь*, *животъ* в подкорпусах Евангелий, Паренесиса, миней и стихираей и летописей для последующего лингвистического анализа семантики этих трех существительных.

5. Квантитативные формулы распределения существительных *животъ, жизнь, житие* и их коллокатов в Евангелиях. Семантические особенности членов лексического ряда

При рассмотрении распределения коллокатов анализируемых лексем в подкорпусе Евангелий выясняется, что употребление лексем, входящих в лексический ряд, отчетливо распадается на три типа. Первый тип выступает в четвероевангелии. Древнерусское Типографское четвероевангелие XII в., которое входит в электронный подкорпус евангелий, содержит полный лексионарный указатель и относится к служебным четвероевангелиям. Оно восходит к тексту из комплекта богослужебных кириллических книг, перенесенных в Киевскую Русь из Западно-Болгарского царства в конце X в. [Пентковский 2019: 106]. В Типографском четвероевангелии, как и в старославянских глаголических четвероевангелиях, лексема *жизнь* отсутствует. Она встречается дважды лишь в лексионарном указателе (л. 175.1, 185.1). Второй тип представлен краткими апракосами. Краткие апракосы появились на основе служебных четвероевангелий при переходе к богослужению по византийскому обряду после 893 г. в славянской епископии Климента Охридского [Пентковский 2019: 108–110]. Слово *жизнь* в евангельских перикопах впервые появляется в краткоапракосном глаголическом Ассеманиевом евангелии в контексте, где содержалось противопоставление лексеме жен. рода с процессуальным оттенком в значении *мѣка*, обусловленным связью с однокоренным глаголом:

(5) И идѣтъ си · въ мѣкѣ вѣчѣннѣх · ꙗ праведьници / въ жизнь вѣчѣннѣх 72.2²⁵.

В краткоапракосных Остромировом и Архангельском евангелиях, как и в глаголическом Ассеманиевом, существительное *жизнь* встретилось один раз в том же чтении:

(6)

Остромирово евангелие 1056–1057 гг.	Архангельское евангелие 1092 г.
и идѣтъ / си · въ тѣмѣх вѣчѣннѣх · ꙗ пра/вѣдьници въ / жизнь вѣчѣннѣх 152.2	идѣтъ / ти въ мѣкѣх вѣчѣннѣх · ꙗ правѣд/ници въ жизнь вѣчѣннѣх 75.2

Дальнейшей книжной традицией слово *жизнь* было усвоено под влиянием этого чтения вместе с ближайшими коллокатами²⁶ — предложом *въ* (3,329) и прилагательным *въчѣнныи* (1,379) и отдаленными коллокатами — глаголами направленного движения *вънити* (1,362), *въльсти* (1,412), *въводити* (1,000) и приобретения *прияти* (1,571), *причастити* (1,414). Такое распределение коллокатов передавало новое, обособленное значение, которое описательно можно передать как ‘посмертное существование в царстве небесном’, так что введение слова *жизнь* подразумевало смысловую эмфазу²⁷. Именно в таком значении слово *жизнь* проникает в полные апракосы, которые создавались на основе кратких в ходе их дополнения чтениями четвероевангелия²⁸. Это третий тип употребления лексического ряда *животъ* — *жизнь* — *житие*. В полных апракосах, несмотря на расширенное

²⁵ Матфей 25: 46.

²⁶ Степень близости коллоката анализируемому существительному определяется значением T-score биграммы, компонентами которой являются анализируемое существительное и коллокат.

²⁷ В Синайском евхологии, как свидетельствует словарь-индекс памятника, слово *жизнь* при переводе греч. *ζωή* употребляется с таким же значением в сочетаниях *жизнь вѣчѣннаа* и *въ бѣдѣжнѣжъ жизнь* [Пенкова 2008: 218]. Вместе с тем наблюдается расширение семантического объема слова, поскольку в евхологии проявляется значение ‘образ жизни’ в такой контекстуальной его разновидности, как *божить жизнь* ‘жизнь, посвященная Богу’.

²⁸ См. ниже перевод-толкование сочетания *жизнь вѣчѣннаа* в Симоновском евангелии как обозначение царства небесного.

употребление слова *жизнь*, нет ни одного отступления от значения, заданного единственным примером краткого апракоса. Как правило, это значение соотносится с употреблением в вин. пад. с предлогом *въ*, либо в сочетании с прилагательным *въчьныи*, либо в комбинации с обоими коллокатами. В Мстиславовом евангелии лексема *жизнь* встречается девять раз, а в Симоновском — десять. В Типографском четвероевангелии во всех этих контекстах представлено слово *животь*. См.:

(7)

Мстиславово евангелие до 1117 г.	Симоновское евангелие 1270 г.
сѣзкоратицею приеме/ть · и жизнь вѣчьноюу/ причастить 30.1 ²⁹	стократицею/ принять · и жизнь вѣ/чьноюу причастить 26.2
коль оузька вра/та и тѣснѣ поуть въводи/и въ жизнь · и мало ихъ ѿ/сть иже и обрѣтають 30.2 ³⁰	ка/ко оузька врата и тѣснѣ/ поуть · въводи/и въ жизнь/ и мало ихъ ѿ/сть иже обрѣ/тають 27.1
добрѣе ти ѿ/сть сѣз ѿединѣ/мь оузьмь въ жизнь възнати · / неже двѣ очи имоуцоу възв/рженоу възги въ езеро огнь/но 46.1 ³¹	добрѣе ти ѿ/сть сѣз ѿдине/мь ѿкомь възнати въ жи/знь · неже два ѿка имоу/це възвръженоу възги въ/ ѿезеро ѿгньно 41.2
до/брѣе ти ѿ/сть възнати въ/ жизнь вѣчьноюу класнѣ/ноу или вѣдьноу · неже дѣ/вѣ рѣцѣ и дѣвѣ ноуѣ имѣ/цно възвръженоу възги въ о/гнь вѣчьнзи 46.1 ³²	см. ниже
оучителю благзи что бл/го сѣзворю да имамъ жи/знь вѣчьноюу · онъ же рече/ кемъ что ма глѣши блга · / никто же блгъ нѣ тѣкмю/ ѿдинъ бѣ · аще ли хоцещи/ вѣлѣсти въ жизнь сѣзбл/ди заповѣдъ 56.1 (2х) ³³	оучитѣлю блгзи/и что блго створю · да имамъ жи/знь вѣчьноюу · ѿнъ же рѣ/ ѿемоу что ма глши блга · / никто же блгъ нѣ тѣкмю/ ѿдинъ бѣ · аще ли хоцещи/ въ жизнь внити сѣзбл/ди заповѣди 50.2 (2х)
оучителю благзи/ что сѣзворю да жизнь вѣ/чьноюу приимюу 103.2 ³⁴	оучитѣ/лю блгзи/и что створъ да/ жизнь вѣчьноюу приимѣ 94.2
и отидоуть ти въ/ мѣкоу вѣчьноюу · а правь/дѣнни въ жизнь вѣчь/ноюу 117.2, 138.1 (2х) ³⁵	и ѿидоуть ти въ мѣ/коу вѣчьноюу · а правьдѣ/нни въ жизнь вѣчьноюу 106.2, 124.1 (2х)

В Симоновском евангелии в отсутствующем в таблице чтении дано толкование сочетания *жизнь въчьная* как обозначения царства небесного вместо употребления самого сочетания, в отличие от других списков:

(8) добрѣе ти ѿ/сть въ/нити въ црѣвие нѣбное · / класноу или вѣдьноу · неже/ · б · роуцѣ или · б · ноуѣ имѣ/цно · възвръженоу възги въ/ ѿгнь вѣчьнзи 41.2³⁶.

В Симоновском евангелии добавляются еще два чтения со словом *жизнь* — оба в сочетании с прилагательным *въчьныи*:

²⁹ Матфей 19: 29.

³⁰ Матфей 7: 14.

³¹ Матфей 18: 9.

³² Матфей 18: 8.

³³ Матфей 19: 16–17.

³⁴ Марк 10: 17.

³⁵ Матфей 25: 46.

³⁶ Матфей 18: 8.

(9)

Симоновское евангелие 1270 г.	Типографское евангелие XII в.
иже не / възсприйметъ множицею / въз врьма се · и / въз възкъ градоуцни · жизнь вьчнучю 85.1 ³⁷	Иже не възсприйметъ мз / ножицею въз врьма се · и / въз възкъ граджциий жи / вотъ вьчнзи 124.1
врьмь · / іако заповѣдь іего · жизнь / вьчннннн іестъ 125.1 ³⁸	врьмь / іако заповѣдь іего живо / тъ вьчнзи іестъ 160.2

Последний пример грамматически отличается от предыдущих тем, что сочетание *жизнь вьчная* имеет форму номинатива и входит в предикативную группу, которая оформляет парадоксальное суждение о тождестве царства небесного, если иметь в виду приводившийся перевод-толкование, и этических установлений, обозначенных существительным *заповѣдь*.

Новые примеры существительного *жизнь* в полных апракосах могут сопровождаться лексикой, характерной для источников преславского происхождения, так что и данное слово может восприниматься как преславское нововведение, хотя им не является³⁹. Однако и само использование преславской лексики при создании полного апракоса связано все с тем же охридским центром книжности [Пентковский 2019: 117]. Хотя слово *жизнь* маркирует в полных апракосах определенные контексты, в итоге оно манифестирует значение существования вообще, поскольку вместо определения *вьчннннн* могут мыслиться и другие атрибуты, так же, как меняются обозначения при самом данном определении — *мука вьчная*, *огнь вьчннннн*, *животъ вьчннннн*.

В Типографском четвероевангелии, как и в глаголических, два раза встречается существительное *житие* при переводе греч. *βίος* в значении ‘средства к жизни’ и *μαμωνᾶς* ‘мамона, имущество’, при том что в Ассеманиевом и Остромировом евангелиях сохранен грецизированный гебраизм, возможно, не без влияния на протограф латинского (*mattona*) или германского (*maton*) его вариантов (см. [SJS, II: 185–186]: *аще оубо въз неправедьмь мамонѣ вьрѣни не възтѣ*). В полных апракосах в то же время отмечается употребление лексемы *житие* на месте слова *животъ* четвероевангелий при переводе греч. *ζωή* в сочетании с прилагательным *вьчннннн*. Лексема *житие* ранее использовалась при переводе греч. *ζωή*, в частности, в Синайском ехвологии [Пенкова 2008: 119]. Вместе с тем два контекста со словом *житие* при греч. *ζωή* в полных апракосах выделяются тем, что в них рядом употребляется словосочетание с эсхатологическим хронотипическим значением *въ възкъ градоуцни*. См.:

(10)

Музейное евангелие XII–XIII вв.	Типографское евангелие XII в.
иже не възсприйметъ / множицею · въз время / се и въз възкъ градоуцни житие вьчннннн 88.1 ⁴⁰	Иже не възсприйметъ мз / ножицею въз врьма се · и / въз възкъ граджциий жи / вотъ вьчнзи 124.1
въ / възкъ градоуцни житие вьчннннн 99.2 ⁴¹	и въз възкъ граджциий · въз животъ вьчннннн 79.1

Еще один пример употребления лексемы *житие* связан с типом контекстов, в которых слово *животъ* четвероевангелий в полных апракосах заменяла лексема *жизнь*, как в приведенных выше случаях, так что эти слова семантически уравнивались, см.:

³⁷ Лука 18: 30.³⁸ Иоанн 12: 50.³⁹ См. выше, например, *причастити* вместо *наслѣдити*.⁴⁰ Лука 18: 30. В Симоновском евангелии здесь читается *жизнь вьчную* 85.1.⁴¹ Марк 10: 30.

(11)

Музейное евангелие XII–XIII вв.	Типографское евангелие XII в.
добрѣе естъ / ти взити въ житие / хромоу неже двѣ но / зѣ имощю възврже / ноу / зѣти въ езеро / негашюще 98.1 ⁴²	добрѣе ти ѣстъ / взити въ животъ / хромоу · неже двѣ / ноу / зѣ имощю / възвр / женоу / зѣти въ ге / оноу · въ огнь негашющи 77.2

Еще одна замена в полных апракосах касается перевода греч. *κατοίκησης* и соответствует расширенному семантически употреблению лексемы *житие* в Синайском евхологии [Пенкова 2008: 119]. Так, значение ‘жилище, местопребывание’ фиксируется у этого слова, помимо евхология, и в других источниках [SJS, I: 610]:

(12)

Мстиславово евангелие до 1117 г.	Типографское евангелие XII в.
иже житие имѣ / даше въ гробѣхъ 59.2 ⁴³	иже жи / лице имѣше въ гробѣхъ 67.1

Таким образом, как показало рассмотрение контекстов в списках Евангелий, лексический ряд *животъ* — *жизнь* — *житие* маркирует в полных апракосах разные типы контекстов и отражает тенденцию к максимальному использованию лексических вариантов, тенденцию к продуцированию вариативности, но также и специализации вариантов. Ряды коллокатов в парах *животъ* — *жизнь* и *житие* обнаружили большую близость, несколько меньшей она оказалась в паре *животъ* — *житие*⁴⁴, а проведенный анализ позволил установить происхождение и природу этого соотношения в лексической группе. Кроме того, в Евангелиях количество коллокатов анализируемых существительных значительно меньше, чем в Паренесисах и минеях и стихирах, что (с учетом меньшей частотности *житие*, *жизнь*, *животъ* в Евангелиях) может свидетельствовать об ограниченном круге пересекающихся сочетаний в первых (см. таблицы 5–7). Несмотря на замены, лексема *животъ* по частотности по-прежнему существенно превосходит две другие, так что в ее употреблении в значительной степени сохраняется архетипическая ситуация. Так, в Мстиславовом евангелии она встречается 51 раз, в Музейном и Симоновском — 47, в Пантелеймоновом — 53 раза. Расширение употребления слов *жизнь* и *житие*, помимо значимости для истории лексической парадигматики, оказывается тесно связанным с текстологией и историей богослужебной литературы⁴⁵.

⁴² Марк 9: 45.

⁴³ Марк 5: 3.

⁴⁴ Об этом свидетельствует в том числе высокая степень корреляции рядов слов, сопровождающих каждое из трех слов в подкорпусе Евангелий (см. таблицу 5). Так, корреляция перечней коллокатов существительных *животъ* и *жизнь* (38 совпадающих лексем) имеет значение г-Спирмена 0,617 (p-value = 0,000), а существительных *жизнь* и *житие* (13 совпадающих лексем) еще выше — 0,654 (p-value = 0,015), что по шкале Чеддока соответствует заметной силе связи рядов коллокатов. Коллокаты существительных *животъ* и *житие* имеют меньшую корреляцию: значение г-Спирмена равно 0,402 (24 совпадающие лексемы, p-value = 0,051).

⁴⁵ Как и в случае с Евангелиями, различающиеся квантитативные формулы распределения лексем *животъ* — *жизнь* — *житие* характеризуют три типа текстов Паримейника — а) с цветным циклом, расширенным неподвижными праздниками (тип Григоровичева паримейника); б) с нерасширенным цветным циклом (тип Захаринского паримейника); в) с нерасширенным цветным циклом, дополненным праздником Преполовения (тип Лобковского паримейника).

6. Структурные характеристики количественных формул распределения лексем *животъ* — *жизнь* — *житие* и их коллокатов в четырех подкорпусах

Авторитет евангельских чтений способствовал закреплению лексического ряда *животъ* — *жизнь* — *житие* и отношений синонимии в текстах других жанров. Хотя количественные формулы — конфигурации количественного соотношения членов лексического ряда и перечней их коллокаций в различных по жанру текстах различаются, они имеют черты структурного сходства. Так, хотя в подкорпусе списков Паренесиса, как сборнике поучений для монашествующей братии, на первом месте по частотности оказывается слово *житие*, а слово *животъ* смещается на третье место, отношения в парах *животъ* — *жизнь*, *жизнь* — *житие* и *животъ* — *житие* имеют характер близкий евангельскому⁴⁶. Ряды коллокатов существительных *животъ* и *жизнь* (44 совпадающие лексеммы) имеют корреляцию г-Спирмена 0,553 ($p\text{-value} = 0,000$), *жизнь* и *житие* (56 совпадающих лексем) — 0,610 ($p\text{-value} = 0,000$), а *животъ* и *житие* (32 совпадающие лексеммы) — только 0,324 ($p\text{-value} = 0,071$) (см. таблицу 6). Сходная картина наблюдается в гимнографическом подкорпусе, где также слово *житие* по частотности занимает первое место, поскольку тексты подкорпуса опираются на теологему «богоугодной жизни», ассоциированную со словом *житие*, а лексема *животъ* смещается на второе место⁴⁷. При общей несколько более низкой степени корреляции между рядами коллокатов их соотношение аналогичное: коллокаты существительных *животъ* и *жизнь* (165 совпадений) имеют корреляцию г-Спирмена 0,462 ($p\text{-value} = 0,000$), *жизнь* и *житие* (77 совпадений) — 0,425 ($p\text{-value} = 0,000$), *животъ* и *житие* (105 совпадений) — лишь 0,279 ($p\text{-value} = 0,004$) (см. таблицу 7). В подкорпусе летописей, где лексема *животъ* как обозначение физического существования и его границ находится по частотности на первом месте, соотношение лексических пар сохраняет такой же характер. Ср.: *животъ* и *жизнь* (20 совпадений коллокатов) — г-Спирмена 0,599 ($p\text{-value} = 0,005$), *жизнь* и *житие* (7 совпадений) — г-Спирмена 0,643 (0,119), *животъ* и *житие* (32 совпадения) — г-Спирмена 0,424 ($p\text{-value} = 0,016$) (см. таблицу 8). При сохранении общей направленности отношений в лексической группе меняется интенсивность сближений в коллокациях лексем.

7. Количественные формулы распределения лексем *животъ* — *жизнь* — *житие* и их коллокатов в подкорпусе летописей

Отдельного рассмотрения требует функционирование лексической группы *животъ* — *жизнь* — *житие* в подкорпусе летописей. В этом подкорпусе, наряду с общими частями, представлены самостоятельные, так что по составу тексты расходятся. Повесть временных лет является общей и наиболее архаичной частью. В этом тексте в подкорпусе летописей лексема *жизнь* используется лишь три раза в контекстах исключительно книжного происхождения. Первый контекст, в котором она употребляется, носит эзегетический характер и отсылает к ветхозаветным чтениям. В контексте рядом использованы существительные *животъ* и *жизнь*, второе слово — в ломающем традиционное сознание образно-символическом отождествлении с распятым Иисусом Христом. См. в Лаврентьевском списке 1377 г.:

⁴⁶ О подкорпусе древнерусских списков Паренесиса см. [Жолобов 2011].

⁴⁷ См. выше перечень теологом в евхологии.

- (13) иеремина же $\hat{r}\acute{e}$ · придѣтѣ вложимъ дре/во въ хлѣбъ его · истребимъ ѿ земля животъ его · / мо-
сина же $\hat{r}\acute{e}$ ѿ распаты его · оузрите жизнь вашу · / висацію предъ ѿчима вашима 34.1⁴⁸.

В двух других контекстах варьируют определения жизни — *въчьная* и *си* ‘эта, земная’:

- (14) и смѣртъ горкую приагъ · но/ въчнѣ жизни и покою сподобѣ/са 69.2;
(15) и по шшестви тво/иѣмъ ѿ сега жизни · молиши/са за люди въчнѣна · и за своѣа оучѣнкѣ 71.1.

В Ипатьевском списке ПВЛ есть еще один случай употребления, где передается самое общее значение существования при обращении к ветхозаветным сюжетам:

- (16) не вели/кихъ ли чѣтѣи достойни суть/ нашу жизньъ хранаще 100.2.

В Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку добавляются лишь еще два контекста, по семантике близких евангельским, которые были рассмотрены выше:

- (17) и/ до всего дѣшеполезнаго пути/ ведущаго в жизньъ въчнѣтѣ 151.1;
(18) и преиде въ/ ѿнѣ нестарѣюцѣса бесконѣ/чнѣтѣ жизньъ 151.2.

Всплеск употребления лексемы *жизнь* наблюдается в Киевской летописи по Ипатьевскому списку ок. 1425 г.⁴⁹ Как отмечает А. А. Зализняк, послания князей друг другу в Киевской летописи, как и берестяные грамоты, максимально близко отражают живую речь [Зализняк 2008: 23–24]. С л. 122 об. по л. 177 в записях с 1146 г. по 1159 г. в контекстах с прямой речью в посланиях князей и княжеского окружения в Киевской летописи в 14 случаях из 16 слово *жизнь* употребляется исключительно в значении ‘имущество, нажитое’, близком значению этого слова в древнепольском языке, которое приводилось выше. Тексты посланий принадлежат разным лицам, и употребление слова *жизнь* нельзя считать окказиональной принадлежностью речи какого-то одного персонажа. См., в частности:

- (19) и стада моѣа и брата/ моего заагли жита пожь/гли и всю жизньъ погочѣ/ла еста 122.2 (под 1146 г.);
(20) ѿче поустѣ/ ма чѣрниговѣ · напередъ · / тамо ми жизньъ всѣа оу бра/тоу моѣю оу володимира/ оу изаслава хочю волости 126.1 (под 1147 г.);
(21) се есмѣи села ѿ/ пожгли всѣа · и жизньъ ѿ всю · / и ѿни к намъ не възидоуть · / а поидемъ к лю-
бчю · идеже/ ѿ есть всѣа жизньъ 132.1 (2x) (под 1147 г.);
(22) тоу села ѿа по/жгли ѿни до любеча · и всю жи/знь нашу повоевали 133.1 (под 1148 г.);
(23) взѣ есте по мнѣ/ из рускѣе земли възшли/ своихъ селъ и своихъ жи/знии лишивса · а гъзъ
па/кѣи · своѣа дѣдинѣи и ѿчѣи/нѣи не могу презрѣти · / но либо голову свою сло/жю пакѣи ли
ѿчѣину свою/ налѣзю и вашу всю жи/знь 149.1 (2x) (под 1150 г.);
(24) занѣ не створиша/ емѣу мѣти емѣу брага его · / вземше · под ѿни власть ѣ/ и жизньъ его всю 177.1
(под 1159 г.);
(25) ѿже/ възстахомъ на та без винѣи · / и жизньъ твою · всю разазгра/бихомъ · и твоѣа дружинѣи
177.1.2 (под 1159 г.).

В коллокациях это значение слова *жизнь* последовательно соотносится со словосочетаниями, в которых выступает местоимение *вьсь* (T-score = 2,180, см. приложение 2, позиция

⁴⁸ См. чтения: Иеремя 11: 19, Второзаконие 28: 66.

⁴⁹ Киевская летопись находится после ПВЛ перед Галицко-Волынской летописью и охватывает события с 1117 по 1198 г. [ПСРЛ 1908: IV; Франчук 1986: 3]. У В. В. Колесова [1986: 77] эта часть ошибочно связывается с Галицко-Волынской летописью и с особым, «индивидуальным» освоением заимствованного, по его мнению, неологизма *жизнь*.

1). Показательными также являются притяжательные местоимения или анафорическое местоимение *и в функции притяжательного (1,965, там же, позиция 2), а также индивидуальные для летописей коллокаты *волость* (1,407), *село* (1,000), *погубити* (1,000), *повоевати* (1,000) и нек. др. (там же, позиции 15, 37, 46, 49 и др.). Поскольку употребление слова *жизнь* в данном значении ограничено княжеской перепиской и отсутствует в берестяных грамотах, его следует признать приметой социолекта.

В таком же значении слово *жизнь* употребляется позднее в Слове о полку Игореве [СлРЯ, 5: 109]:

(26) Погибашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ скратишась.
Сл. о п. Иг., 15.

Вне княжеского социолекта значение нажитого имущества у слова *жизнь* не получило распространения и в других источниках, помимо Киевской летописи и Слова о полку Игореве, оно не встречается. Это указывает на то, что лексема *жизнь* была наиболее тесно связана с понятием существования вообще и наиболее концентрированно выражала обобщенное значение существования, что создавало определенные преимущества по сравнению со словами *животъ* и *житие*, которые были отягощены дополнительными значениями⁵⁰.

Именно этими наметившимися преимуществами, по-видимому, объясняется следующий факт. В Галицко-Волынской летописи по Ипатьевскому списку у слова *жизнь* впервые отмечается значение, которое фиксируют и современные русские словари, — ‘оживление, деятельность’⁵¹:

(27) и масте/ръ всацій вѣждахоу ис тата/ръ · сѣдѣлници и лоу҃чници · и тоу҃лници · и коу҃зницѣ · желѣзоу҃ и/ мѣди и среброу҃ · и вѣ жизнь · и на/полниша дворы 281.2 (под 1259 г.).

Показательно, что и сейчас на это значение с коллокатом *напълнити* (1,000, см. приложение 2, позиция 35) может указывать коллокат того же корня, а также тематически близкий коллокат: *Улицы полны жизни* [Ожегов 1988: 158], ср.: *наполниша дворы*. Выражая отвлеченное значение существования, слово *жизнь* может применяться, таким образом, ко всяким новым ее внешним проявлениям. Безусловно, это семантическое развитие слова свидетельствует о том, что оно стало частью обиходного древнерусского лексикона.

Как и в случае с подкорпусом Евангелий, общая картина распределения лексем различается при обращении к отдельным текстам, входящим в подкорпус. В Повести временных лет и Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку лексемы имеют следующее количественное распределение:

Повесть временных лет — 18 : 3 : 19,
Суздальская летопись — 10 : 2 : 8.

Распределение лексем *животъ* — *жизнь* — *житие* в трех частях Ипатьевского списка — Повести временных лет, Киевской летописи и Галицко-Волынской летописи — также различно. См. количественное соотношение лексем:

Повесть временных лет — 12 : 3 : 22,
Киевская летопись — 22 : 16 : 4,
Галицко-Волынская летопись — 32 : 3 : 5.

⁵⁰ Слово *животъ* в летописи связано с обозначением границ жизни конкретного человека, а слово *житие* — главным образом с обозначением нравственной стороны жизни конкретной личности.

⁵¹ См. [СДРЯ, III: 260]. В [БАС-3, 5: 656] значение ‘движение, оживление, вызываемые обычной, повседневной деятельностью человека, животных’ фигурирует под последним, девятым номером как наиболее метафоричное, но судя по древним параллелям, имело бы смысл, возможно, изменить его место в структуре статьи.

Употребление лексемы *животъ* во всех частях однотипно и однообразно, как на это указывают и коллокаты. Оно связано с обозначением физического существования конкретного лица и границами жизни, физического существования. Приведем типичные контексты в вин. п., род. и мест. п.:

- (28) ту ѿ сконѹа животъ / свой 5.2;
 зъльѣ / исповерже животъ 197.2;
 наважи на нѣ / да носить є до живота сво/єго 58.1;
 и съступѣ / хрѣта мьстиславъ изъ ггаро/славу · и плакаса того · вса / дѣи живота своего 109.1;
 и докончавъ с нимъ / миръ · до своего живота 307.1;
 вѣ бо любимъ / ѿцю своему по велику · / в животъ ѿ по смѣрти 90.2;
 по всеволожи живо/тѣ помогоу ти про кие/вѣ 117.1;
 аже ми воудѣ/ть смѣрть · по своемъ животъ · / даю землю свою всю · братоу / своемоу мьстиславѣ 305.2.

ПВЛ выделяется на фоне более поздних частей летописи большей частотностью слова *житие*, что обусловлено включением в нее фрагментов об основателях духовной и монастырской жизни, а также о первых канонизированных святых⁵². Такими же факторами объясняется большее число употреблений этого слова в Суздальской летописи по сравнению с Киевской и Галицко-Волынской. В Суздальскую летопись включается сообщение об Александре Невском житийного типа, а кроме того, отмечено употребление слова *житие* в значении ‘имуущество’. Слово *житие* имеет наиболее сложную семантическую структуру в летописи: ‘жизнь, существование’, ‘образ жизни’, ‘деяние святого, описание жизни и деяний святого’, ‘имуущество, богатство’. По количеству коллокатов слово *житие* в летописи лишь незначительно уступает лексеме *животъ* (160 : 181).

Таким образом, количественные формулы соотношения и дистрибутивные характеристики лексем *животъ* — *жизнь* — *житие* довольно точно отражают структурную и содержательную неоднородность текстов, входящих в подкорпус летописей.

Заключение

Использование наряду с традиционными лингвистическими методами также и корпусных, направленных на выявление количественно-дистрибутивных параметров сопоставляемых существительных, позволило установить природу и основания произошедших трансформаций лексического ряда.

Сравнение перечней коллокатов проанализированных существительных в различных подкорпусах подтвердило особое положение лексемы *жизнь*: во всех переводных текстах обнаруживается близость ее лексического окружения с разной степенью интенсивности, при том что подкорпус летописей дает для этой лексемы отрицательную корреляцию коллокатов по сравнению с другими подкорпусами, которая естественно проистекает из семантических характеристик этой лексемы, рассмотренных выше. Лексема *животъ* имеет близкие по составу ряды коллокатов лишь в подкорпусах списков Паренесиса и гимнографических текстов. В свою очередь лексема *житие* оказалась максимально отдалена по характеру дистрибуции в каждом из подкорпусов. Это указывает на то, что именно данная лексема из лексического ряда *животъ* — *жизнь* — *житие* занимала ведущее место

⁵² Высокая частотность слова *житие* является жанровой приметой агиографической литературы в целом. Как показывают данные электронного корпуса агиографии, в который вошли оригинальные житийные произведения XV–XVII вв., количество употреблений слова *житие* (*житье*) ощутимо превосходит количественные характеристики слов *животъ* и *жизнь*. Количественное соотношение здесь следующее: 119 : 71 : 56 [СКАТ].

в древнерусской письменности, поскольку перечни коллокатов в этом случае обладают наибольшим разнообразием. Неслучайно *житие* занимает первое место по частотности в агиографической, гомилетической и гимнографической литературе. Разнообразие коллокатов во всех четырех подкорпусах отражает не только центральное положение лексемы *житие* в книжной письменности средневековья, но и ее сложную семантическую структуру. В то же время в летописях она встречается почти исключительно в контекстах, характеризующих информационное поле религиозной этики или теологем. См., в частности, типичные примеры из Ипатьевской летописи:

- (29) антониѣ же / прославленъ ѿ вѣ в руской / землѣ · изаславъ же оувѣ / давъ · житиѣ его и приде / с дружиноѣ своеѣ проса · / оу него благвнїтѣ 58.2;
и тако / живуцѣ ему · сконча житѣ / свое · и разболъса в пещерьѣ / и несоша и болна в манастырь · и до ѿсмога дѣни скончася / w гѣ 73.1;
па / че же ревноваше великому / федосьѣ житѣемъ ѿ право / мь · ѿ въздержаньемъ ре / внута · ѿ послѣдствїтѣ / ѿ възгнѣо его 79.1;
и ѿ велика · помощь · бѣа · / блговѣрному кнѣзю володи / меру · съ своими сѣзми · за / честное его житѣ · и за сми / рение его 107.2;
по вса дѣни хотѣлъ възхъ сво / водитисѣ ѿ маловре / мнаго · и суетнаго свѣта се / го · и мимо текущаго и мно / гоматежнаго жититѣа (так!) 189.2;
и оучини совѣ манастырь · / на рѣцѣ на немнѣ · межѣ ли / твоѣ и новзїмъ городъкомъ · / и тоу живаше · ѿцѣ его / миндовѣ · оукаривашетсѣ / емоу по его житѣю · ѿнъ же / на ѿца своего нелюбоваше / ть велми 286.1;
ѿ книгъ · ѿ житѣ свѣта се / го / тлѣннаго 302.2.

Развитие нового значения у слова *жизнь* ‘оживление, деятельность’, отмеченное в летописи при описании выделяющихся новизной событий бытового характера, свидетельствует о том, что эта лексема занимала обособленное положение в лексическом ряду, поскольку ранее ее употребление было связано с двумя полюсами — дохристианскими антропонимами (берестяные грамоты) и социальным диалектом княжеского круга (Киевская летопись), с одной стороны, и книжным языком богослужебных текстов — с другой. Вместе с тем это означало, что данное слово обладало конкурентными преимуществами в ряду синонимов *животъ* — *жизнь* — *житие*, поскольку именно оно выражало обобщенное значение существования и именно оно использовалось в летописи для обозначения новой жизненной ситуации, возникшей в 1259 г. Слово *жизнь*, таким образом, обладало свободными, незанятыми валентностями⁵³. В более поздних, по сравнению с рассмотренными, материалах XVI–XVII вв. [СОРЯ] эта обособленность лексемы *жизнь* отразилась в количественных параметрах ее употребления (лишь 10 случаев на фоне сотен примеров в многочисленных контекстах со словами *животъ* и *житие* / *житѣ*) и семантической мономерности (отсутствие выраженной полисемии в отличие от лексем *животъ* и *житие* / *житѣ*). Особое место среди редких примеров занимают, как и в рассмотренных нами четырех древнерусских подкорпусах, усвоенные из Евангелия и литературы евангельского круга выражения *жизнь вѣчная*, *будущая жизнь*, (*мало*)*временная жизнь* и обусловленное ими обобщенное значение существования [Там же: 246–247].

Наиболее важным итогом предпринятого лингвостатистического описания, на наш взгляд, является доказательство того, что дистрибутивно-квантитативные характеристики лексем, входящих в тесный лексический ряд и обуславливающих его трансформации, позволяют выявить как внешнюю, жанровую и содержательную, так и внутреннюю, структурную разнородность текстов, составляющих часть наиболее крупного исторического корпуса, а кроме того, проследить динамику семантического развития и конкуренции лексем внутри самого лексического ряда.

⁵³ Поэтому в двуязычном разговорнике 1599 г. именно ему соответствовало английское *the life* [СОРЯ: 246].

**Приложение 1. Сопоставительные перечни коллокатов для существительного
житие и их средние значения T-score (первые 50)**

№ п/п	Ев					Парен				
	Коллокат	Ев	Парен	МиС	Лет	Коллокат	Парен	Ев	МиС	Лет
1	вѣчьнь	2,449	—	0,996	—	и	2,305	1,210	0,989	1,567
2	гробъ	2,000	—	—	—	купьно	1,990	—	—	—
3	иже	1,972	1,057	1,163	0,992	отъ	1,743	—	0,199	1,132
4	убо	1,817	1,027	1,106	—	у	1,721	—	-0,053	—
5	въ	1,719	1,532	0,587	1,183	рещи	1,663	—	1,000	—
6	грясти	1,618	1,138	—	—	не	1,590	1,515	1,457	0,801
7	вѣкъ	1,616	1,109	—	—	вѣнिति	1,534	1,000	0,992	—
8	не	1,515	1,590	1,457	0,801	въ	1,532	1,719	0,587	1,183
9	вѣрьнь	1,413	—	1,164	1,000	братъ	1,498	—	1,128	—
10	духъ	1,364	—	—	—	похотѣти	1,414	—	—	—
11	правдѣнь	1,309	0,996	0,994	—	вѣдѣние	1,414	—	—	—
12	быти	1,271	1,210	1,231	1,035	истиннь	1,414	1,000	0,999	—
13	и	1,210	2,305	0,989	1,567	запяти	1,414	—	—	—
14	мъногъ	1,204	1,141	0,984	—	поругати	1,414	—	—	—
15	вѣврѣщи	1,103	—	—	—	польгъчати	1,414	—	—	—
16	свои	1,102	1,105	1,351	1,225	причастити	1,414	—	—	—
17	всь	1,102	1,057	1,142	1,137	праздѣнь	1,414	—	—	—
18	исходити	1,000	0,999	0,999	—	бѣгати	1,414	—	—	—
19	вѣнिति	1,000	1,534	0,992	—	готовъ	1,414	—	—	—
20	чистъ	1,000	1,081	1,111	1,000	уныние	1,414	—	—	—
21	хромъ	1,000	—	—	—	любити	1,413	—	—	—
22	истиннь	1,000	1,414	0,999	—	забыти	1,413	—	—	—
23	всякъ	1,000	1,197	1,000	1,207	искати	1,413	—	—	—
24	имѣти	1,000	0,986	1,175	—	вселити	1,413	—	0,996	—

МиС	T-score				Лет	МиС	T-score			
	Коллокат	МиС	Ев	Парен			Лет	Коллокат	Лет	Ев
разумнь		2,232	—	—	—	нь	2,210	—	0,979	0,942
нищетьнь		1,732	—	—	—	обрѣсти	1,732	—	—	1,120
умилити		1,732	—	—	—	добрь	1,732	0,999	1,072	1,098
кротъкъ		1,731	—	—	—	благъ	1,732	—	1,075	—
икона		1,731	—	—	—	съкончати	1,731	—	—	—
чинъ		1,731	—	—	—	разболѣти	1,731	—	—	—
испълняти		1,731	—	—	—	исакии	1,731	—	—	0,999
достойнь		1,730	—	1,000	1,000	отъць	1,724	—	0,991	1,208
устати		1,729	—	—	—	себе	1,721	—	1,069	1,000
исправити		1,728	—	—	—	и	1,567	1,210	2,305	0,989
без		1,724	—	0,989	—	о	1,491	—	1,200	-5,291
на		1,565	0,899	1,245	0,771	въсприимати	1,414	—	1,000	1,000
не		1,457	1,515	1,590	0,801	маловрѣменьнь	1,414	—	—	—
земля		1,430	—	1,080	0,977	отвести	1,414	—	—	—
къ		1,421	—	1,359	—	отвѣтъ	1,414	—	—	—
службѣница		1,414	—	—	—	сьи	1,412	—	1,039	1,160
именование		1,414	—	—	—	начати	1,397	—	1,205	—
прозввание		1,414	—	—	—	за	1,371	—	—	1,120
мудролюбъзнь		1,414	—	—	—	ты	1,361	0,981	0,992	0,906
пакъбытие		1,414	—	—	—	пакъ	1,272	—	—	—
георгии??		1,414	—	—	—	свои	1,225	1,102	1,105	1,351
очистовати		1,414	—	—	—	наслѣдовати	1,207	—	—	1,000
чадо		1,414	—	0,991	—	раискъ	1,207	—	—	0,998
обручитель		1,414	—	—	—	богатъ	1,207	—	—	—

№ п/п	Ев		T-score			Парен		T-score		
	Коллокат	Ев	Парен	МиС	Лег	Коллокат	Парен	Ев	МиС	Лег
25	пѣтъкъ	0,999	—	—	—	мудрость	1,413	—	0,977	—
26	четвъртъкъ	0,999	—	—	—	купля	1,412	—	—	—
27	добръ	0,999	1,072	1,098	1,732	святыхъ	1,412	—	—	—
28	дѣва	0,998	—	—	—	тѣлимъ	1,411	—	—	—
29	корабль	0,997	—	—	—	сѣнь	1,411	—	—	—
30	неже	0,997	—	—	—	подвигъ	1,411	—	0,995	—
31	вѣра	0,995	—	0,963	0,999	любимикъ	1,410	—	—	—
32	конъць	0,993	0,989	1,375	0,999	правило	1,409	—	0,994	1,207
33	къто	0,987	1,039	0,982	—	виноградъ	1,409	—	—	—
34	ты	0,981	0,992	0,906	1,361	свѣтъ	1,408	—	1,058	0,998
35	же	0,974	1,239	1,333	1,205	съ	1,397	—	1,274	1,046
36	вы	0,948	1,354	0,929	—	зѣло	1,376	—	—	—
37	бо	0,933	1,138	1,357	1,105	скорь	1,366	—	—	—
38	на	0,899	1,245	1,565	0,771	глаголати	1,365	—	—	—
39	яко	0,891	1,228	1,387	—	къ	1,359	—	1,421	—
40	—	—	—	—	—	аще	1,357	—	—	0,943
41	—	—	—	—	—	вы	1,354	0,948	0,929	—
42	—	—	—	—	—	сиць	1,353	—	—	—
43	—	—	—	—	—	како	1,330	—	—	—
44	—	—	—	—	—	маль	1,280	—	—	—
45	—	—	—	—	—	объщии	1,278	—	—	1,000
46	—	—	—	—	—	вина	1,272	—	—	—
47	—	—	—	—	—	да	1,268	—	0,810	0,937
48	—	—	—	—	—	мънишьскъ	1,254	—	—	1,000
49	—	—	—	—	—	на	1,245	0,899	1,565	0,771
50	—	—	—	—	—	другъ	1,243	—	—	—

МиС		T-score			Лет		T-score		
Коллокат	МиС	Ев	Парен	Лет	Коллокат	Лет	Ев	Парен	МиС
благолобивъ	1,414	—	—	—	апостольскъ	1,207	—	—	1,207
благоугоднь	1,414	—	—	—	правити	1,207	—	—	—
ключимовати	1,414	—	—	—	правило	1,207	—	1,409	0,994
начинати	1,414	—	—	1,000	съказати	1,207	—	—	—
аврамии	1,413	—	1,207	—	приспѣти	1,207	—	—	—
чисти	1,413	—	—	—	адамъ	1,207	—	—	—
кѣи	1,413	—	—	—	всьякъ	1,207	1,000	1,197	1,000
трудъ	1,413	—	—	—	слава	1,207	—	0,992	0,887
истина	1,413	—	—	—	прѣдати	1,206	—	0,996	—
соль	1,413	—	—	—	родити	1,206	—	—	0,960
тъмьнь	1,413	—	—	—	же	1,205	0,974	1,239	1,333
благоухати	1,413	—	—	—	крѣпкъ	1,204	—	—	—
въжещи	1,413	—	—	—	мы	1,200	—	1,081	0,951
съпасати	1,412	—	—	—	а	1,190	—	0,904	—
печаль	1,412	—	1,045	—	въ	1,183	1,719	1,532	0,587
подъвизати	1,412	—	—	—	добродѣтельнь	1,183	—	—	1,069
отроковица	1,411	—	—	—	въздържане	1,138	—	0,999	1,080
съставити	1,411	—	—	—	всь	1,137	1,102	1,057	1,142
стъзя	1,411	—	—	—	отъ	1,132	—	1,743	0,199
разрушати	1,411	—	—	—	бо	1,105	0,933	1,138	1,357
искушение	1,411	—	—	—	душа	1,103	—	0,978	1,007
воля	1,410	—	0,990	—	святъ	1,102	—	1,183	1,144
твон	1,409	—	1,037	0,999	жити	1,083	—	0,995	1,407
уза	1,409	—	—	—	и_мест	1,078	—	1,190	1,123
жити	1,407	—	0,995	1,083	съ	1,046	—	1,397	1,274
любъзнъ	1,402	—	—	—	съ	1,043	—	0,966	1,154

**Приложение 2. Сопоставительные перечни коллокатов для существительного
жизнь и их средние значения T-score (первые 50)**

№ п/п	Ев		T-score				Парен		T-score			
	Коллокат	Ев	Парен	МиС	Лет	Коллокат	Парен	Ев	МиС	Лет		
1	въ	3,329	2,307	1,705	0,616	въ	2,307	3,329	1,705	0,616		
2	а	3,126	1,305	—	1,046	яко	2,303	0,589	1,397	1,344		
3	да	2,550	2,192	0,994	1,365	и	2,287	1,637	1,735	1,965		
4	же	2,092	1,814	1,967	—	у	2,276	—	—	0,910		
5	имѣти	1,991	1,198	0,993	—	да	2,192	2,550	0,994	1,365		
6	съблности	1,731	1,000	—	—	на	2,054	—	0,969	—		
7	маль	1,726	1,712	—	—	си	2,045	—	—	—		
8	что	1,692	1,321	—	—	не	2,037	—	1,318	0,743		
9	исусъ	1,642	—	—	—	будущии	1,998	—	1,164	—		
10	и	1,637	2,287	1,735	1,965	съпасъ	1,969	—	—	—		
11	прияти	1,571	1,237	1,264	0,999	тамо	1,948	—	0,976	0,995		
12	быти	1,564	1,492	1,442	0,978	по	1,919	—	0,845	0,911		
13	причастити	1,414	1,731	1,137	—	тако	1,898	—	—	0,936		
14	правдънии	1,414	—	—	—	же	1,814	2,092	1,967	—		
15	вълѣсти	1,412	—	—	—	бо	1,803	—	2,129	—		
16	правдъникъ	1,412	0,996	—	—	вѣчьнь	1,748	1,379	1,493	1,207		
17	путь	1,407	1,376	1,228	0,997	свѣтьль	1,731	—	—	—		
18	многъ	1,400	0,990	—	—	купити	1,731	—	—	—		
19	сътворити	1,380	1,056	0,999	—	причастити	1,731	1,414	1,137	—		
20	вѣчьнь	1,379	1,748	1,493	1,207	побѣдити	1,730	—	0,978	—		
21	въннити	1,362	1,202	—	—	работа	1,730	—	—	—		
22	егда	1,361	—	—	—	трудъ	1,730	—	—	—		
23	заповѣдь	1,361	—	—	—	желати	1,730	—	1,729	—		
24	онъ	1,342	1,410	—	0,997	человѣчь	1,730	—	—	—		

МиС		T-score			Лет	T-score			
Коллокат	МиС	Ев	Парен	Лет	Коллокат	Лет	Ев	Парен	МиС
къ	2,998	—	0,739	—	вьсь	2,180	—	0,993	1,119
съ	2,619	—	1,363	—	и	1,965	1,637	2,287	1,735
себе	2,342	—	0,791	—	вашь	1,731	—	1,412	—
гробъ	2,232	—	—	—	и_мест	1,446	1,082	1,083	1,260
бо	2,129	—	1,803	—	покой	1,414	—	—	—
истина	2,125	—	—	—	висѣти	1,414	—	—	—
прѣльсть	1,997	—	—	—	почисти	1,414	—	—	1,000
потопити	1,993	—	—	—	распятие	1,414	—	—	—
адамъ	1,990	—	—	—	съ	1,414	0,923	1,488	1,281
съпасение	1,981	—	0,995	—	узьрѣти	1,414	—	—	0,999
принести	1,978	—	—	0,999	добрь	1,414	0,989	1,123	—
конць	1,976	0,999	—	1,413	конць	1,413	0,999	—	1,976
жизнь	1,968	—	—	—	прѣдь	1,411	—	—	—
же	1,967	2,092	1,814	—	ты	1,408	0,960	1,296	0,871
дивьнь	1,863	—	—	—	волость	1,407	—	—	—
и	1,735	1,637	2,287	1,965	нъ	1,401	—	0,726	1,680
отлогъ	1,731	—	—	—	посълати	1,379	—	—	—
питовати	1,731	—	—	—	да	1,365	2,550	2,192	0,994
причетати	1,731	—	—	—	отъ	1,346	0,602	1,646	-0,185
мъртвость	1,730	—	—	—	яко	1,344	0,589	2,303	1,397
постъ	1,730	—	0,980	—	вѣчьнь	1,207	1,379	1,748	1,493
желати	1,729	—	1,730	—	нашь	1,138	—	1,400	1,547
исправити	1,728	—	1,204	—	а	1,046	3,126	1,305	—
симонъ	1,725	—	—	—	лишити	1,000	—	0,999	—

№ п/п	Ев	T-score				Парен	T-score	Лет		
	Коллокат	Ев	Парен	МиС	Лет			Коллокат	Парен	Ев
25	хотѣти	1,204	1,300	1,412	—	глубина	1,728	—	—	—
26	иже	1,172	1,052	1,153	0,992	святъ	1,727	—	1,115	0,998
27	и_мест	1,082	1,083	1,260	1,446	крѣпость	1,723	—	—	—
28	клосньнъ	1,000	—	—	—	брань	1,715	—	—	—
29	сътократицею	1,000	—	—	—	маль	1,712	1,726	—	—
30	око	1,000	—	—	—	покои	1,703	—	—	—
31	въводити	1,000	—	0,999	—	слава	1,700	—	1,099	—
32	даяти	0,999	0,994	1,101	—	владыка	1,698	—	1,360	—
33	сыропустьнъ	0,999	—	—	—	вѣкъ	1,694	0,991	0,953	—
34	четвъртъкъ	0,999	—	—	—	печаль	1,691	—	—	—
35	конецъ	0,999	—	1,976	1,413	аще	1,683	—	—	—
36	единъ	0,999	1,378	1,173	—	ту	1,670	—	—	—
37	грясти	0,999	—	1,000	—	отъ	1,646	0,602	-0,185	1,346
38	чьсть	0,997	1,195	0,998	—	земля	1,646	—	1,208	0,994
39	вънимати	0,996	—	—	—	богъ	1,627	—	1,076	—
40	сьмъртъ	0,994	1,147	1,335	—	възненавидѣти	1,571	—	—	—
41	поити	0,994	0,998	—	—	стояти	1,569	—	—	—
42	субота	0,992	—	—	—	убо	1,557	—	1,226	—
43	вѣкъ	0,991	1,694	0,953	—	господь	1,535	—	0,874	—
44	добръ	0,989	1,123	—	1,414	ни	1,534	—	—	0,988
45	дѣва	0,988	—	—	—	духъ	1,527	—	0,996	—
46	писание	0,988	—	—	—	самъ	1,521	—	0,935	—
47	ты	0,960	1,296	0,871	1,408	быти	1,492	1,564	1,442	0,978
48	или	0,954	1,323	—	—	сь	1,488	0,923	1,281	1,414
49	глаголати	0,936	1,121	—	—	свѣтъ	1,473	—	—	—
50	недѣля	0,928	—	—	—	о	1,449	—	-17,144	—

МиС		T-score			Лет	T-score			
Коллокат	МиС	Ев	Парен	Лет	Коллокат	Лет	Ев	Парен	МиС
начальникъ	1,724	—	—	—	вечнь	1,000	—	—	—
таина	1,723	—	—	—	искушение	1,000	—	—	—
испълнь	1,721	—	1,251	—	молити	1,000	—	—	0,977
сѣкровище	1,713	—	—	—	такъже	1,000	—	—	—
въ	1,705	3,329	2,307	0,616	сѣподобити	1,000	—	0,994	1,297
прѣхвальнь	1,699	—	—	—	приимати	1,000	—	—	—
ликъ	1,691	—	0,997	—	бесконьчнь	1,000	—	—	1,259
нь	1,680	—	0,726	1,401	вести	1,000	—	1,369	—
свои	1,594	—	1,224	0,985	душа	1,000	—	1,073	0,946
нашь	1,547	—	1,400	1,138	любечь	1,000	—	—	—
родити	1,525	—	—	—	напълнити	1,000	—	—	—
изъ	1,516	—	—	—	небльскъ	1,000	—	—	—
святость	1,499	—	—	—	погубити	1,000	—	0,999	—
вѣчнь	1,493	1,379	1,748	1,207	разграбити	1,000	—	—	—
подати	1,491	—	1,413	—	старѣти	1,000	—	—	1,091
оставити	1,461	—	—	—	сѣребро	1,000	—	—	—
милость	1,455	—	—	—	жити	1,000	—	1,412	0,997
быти	1,442	1,564	1,492	0,978	благодать	1,000	—	0,966	0,969
чудо	1,435	—	—	—	достоинъ	1,000	—	—	1,373
прѣсвященъ	1,414	—	—	—	хранити	1,000	—	—	—
сѣходатаити	1,414	—	—	—	побѣщи	1,000	—	—	—
богать	1,413	—	—	—	повоевати	1,000	—	—	—
храмина	1,413	—	—	—	постигнути	1,000	—	1,409	—
истьлѣннь	1,413	—	—	—	путивль	1,000	—	—	—
възити	1,413	—	—	—	село	1,000	—	—	—
рачение	1,412	—	—	—	улучити	1,000	—	—	0,992

**Приложение 3. Сопоставительные перечни коллокатов для существительного
животъ и их средние значения T-score (первые 50)**

№ п/п	Ев Коллокат	T-score				Парен Коллокат	T-score			
		Ев	Парен	МиС	Лет		Парен	Ев	МиС	Лет
1	аминь	3,669	—	—	—	испълнь	1,990	—	0,989	—
2	въ	2,812	1,378	-1,444	1,906	паче	1,960	—	1,564	0,985
3	да	2,596	1,718	1,533	0,881	на	1,917	1,335	2,494	0,542
4	за	2,556	1,377	1,007	1,141	и	1,898	2,543	2,248	2,159
5	и	2,543	1,898	2,248	2,159	наставъникъ	1,732	—	—	—
6	съхранити	2,522	—	—	—	проводити	1,732	—	1,206	—
7	къто	2,446	—	—	0,989	власть	1,732	—	—	—
8	не	2,433	1,444	1,563	1,350	оставити	1,731	—	1,411	1,000
9	нъ	2,266	0,804	—	0,904	зълъ	1,731	1,471	—	0,999
10	вѣчьнь	2,256	0,997	1,736	—	суета	1,731	—	—	—
11	прияти	2,217	—	1,213	0,998	бѣжати	1,730	—	—	—
12	маль	2,201	—	—	1,404	погубити	1,729	—	—	—
13	же	2,190	1,081	1,668	1,729	купля	1,729	—	—	—
14	быти	2,031	1,465	1,472	1,049	прочин	1,723	—	—	—
15	миръ	2,026	0,996	1,745	0,973	да	1,718	2,596	1,533	0,881
16	наслѣдити	1,999	—	1,365	—	горѣ	1,709	—	—	—
17	яти	1,965	—	0,988	—	молити	1,707	—	0,965	—
18	погыбнути	1,957	—	—	—	якоже	1,680	1,294	—	—
19	путь	1,910	—	0,972	0,996	свои	1,673	0,999	1,194	1,648
20	съ	1,875	1,201	1,113	1,032	нашь	1,646	0,991	1,898	0,997
21	дати	1,866	—	0,998	1,207	истиньнь	1,617	0,973	1,096	—
22	даяти	1,850	1,135	1,080	0,997	тѣмъже	1,594	—	0,962	—
23	причастити	1,824	—	0,999	—	мои	1,578	1,144	1,385	1,369
24	събирати	1,820	1,207	—	—	идеже	1,559	—	0,949	—

МиС		T-score			Лет		T-score		
Коллокат	МиС	Ев	Парен	Лет	Коллокат	Лет	Ев	Парен	МиС
тъля	2,985	—	—	—	тъля	2,985	—	—	—
себе	2,972	1,408	1,071	1,165	себе	2,972	1,408	1,071	1,165
на	2,494	1,335	1,917	0,542	на	2,494	1,335	1,917	0,542
присно	2,388	—	—	—	присно	2,388	—	—	—
и	2,248	2,543	1,898	2,159	и	2,248	2,543	1,898	2,159
провъзвѣщати	2,235	—	—	—	провъзвѣщати	2,235	—	—	—
прѣлагати	2,235	—	—	—	прѣлагати	2,235	—	—	—
висѣти	2,235	—	—	—	висѣти	2,235	—	—	—
прямо	2,234	—	—	—	прямо	2,234	—	—	—
подавати	2,230	—	—	—	подавати	2,230	—	—	—
бо	2,102	1,536	1,514	1,269	бо	2,102	1,536	1,514	1,269
къ	2,090	1,499	0,999	0,882	къ	2,090	1,499	0,999	0,882
исходатаица	2,000	—	—	—	исходатаица	2,000	—	—	—
богосъплетень	1,999	—	—	—	богосъплетень	1,999	—	—	—
кърмителъ	1,999	—	—	—	кърмителъ	1,999	—	—	—
кънигы	1,997	—	—	—	кънигы	1,997	—	—	—
таибъникъ	1,997	—	—	—	таибъникъ	1,997	—	—	—
свѣтило	1,990	—	—	—	свѣтило	1,990	—	—	—
тамо	1,988	—	1,186	—	тамо	1,988	—	1,186	—
человѣколюбыцъ	1,988	—	—	—	человѣколюбыцъ	1,988	—	—	—
рука	1,974	0,995	0,982	—	рука	1,974	0,995	0,982	—
нашь	1,898	0,991	1,646	0,997	нашь	1,898	0,991	1,646	0,997
земля	1,848	—	1,117	1,104	земля	1,848	—	1,117	1,104
пакы	1,792	—	—	0,976	пакы	1,792	—	—	0,976

№ п/п	Ев	T-score				Парен	T-score			
	Коллокат	Ев	Парен	МиС	Лег	Коллокат	Парен	Ев	МиС	Лег
25	имѣти	1,809	1,204	1,223	0,999	мы	1,525	0,975	1,102	0,974
26	плодь	1,800	—	1,097	—	бо	1,514	1,536	2,102	1,269
27	животь	1,799	—	1,221	—	лѣто	1,511	—	0,995	0,801
28	мъногъ	1,776	—	—	1,395	днь	1,476	0,966	—	2,817
29	глаголати	1,720	1,094	1,067	—	вьсь	1,475	1,193	1,225	1,878
30	азь	1,717	1,405	1,352	0,968	быти	1,465	2,031	1,472	1,049
31	вода	1,711	—	—	—	что	1,456	1,614	—	1,191
32	божи	1,708	—	1,162	—	не	1,444	2,433	1,563	1,350
33	знати	1,705	—	—	—	дивьнь	1,414	—	0,992	—
34	онь	1,679	—	—	0,983	похвала	1,414	—	—	—
35	духъ	1,653	—	1,120	—	съкръвень	1,414	—	1,206	—
36	такъ	1,638	—	—	1,958	умрѣти	1,414	—	0,996	—
37	что	1,614	1,456	—	1,191	учинити	1,414	—	—	—
38	истина	1,613	1,187	1,283	—	точити	1,414	—	0,997	—
39	а	1,555	0,922	-6,590	1,941	врагъ	1,413	—	—	—
40	съмъртъ	1,553	1,374	1,273	1,143	избавити	1,413	—	—	—
41	и_мест	1,551	1,279	1,241	1,181	купити	1,413	—	1,206	—
42	лазарь	1,549	—	—	—	приблизити	1,412	—	—	—
43	бо	1,536	1,514	2,102	1,269	дружина	1,412	—	—	—
44	отъ	1,534	0,846	0,497	1,010	адъ	1,412	—	1,728	—
45	учитель	1,534	—	—	—	писати	1,410	—	—	—
46	ты	1,527	1,120	0,622	1,061	женихъ	1,409	—	—	—
47	вѣровати	1,526	—	—	—	съпасъ	1,407	—	0,900	—
48	брашьно	1,516	—	0,999	—	сладость	1,405	—	1,399	—
49	хромъ	1,499	—	0,999	—	азь	1,405	1,717	1,352	0,968
50	къ	1,499	0,999	2,090	0,882	отць	1,400	1,277	1,060	0,975

МиС		T-score			Лет		T-score		
Коллокат	МиС	Ев	Парен	Лет	Коллокат	Лет	Ев	Парен	МиС
миръ	1,745	2,026	0,996	0,973	миръ	1,745	2,026	0,996	0,973
вѣчьнь	1,736	2,256	0,997	—	вѣчьнь	1,736	2,256	0,997	—
простъ	1,731	—	—	—	простъ	1,731	—	—	—
прострѣти	1,731	—	—	—	прострѣти	1,731	—	—	—
удивляти	1,731	—	—	—	удивляти	1,731	—	—	—
тъже	1,731	—	—	—	тъже	1,731	—	—	—
старьць	1,729	—	—	—	старьць	1,729	—	—	—
зъвань	1,729	—	—	—	зъвань	1,729	—	—	—
упразнити	1,729	—	—	—	упразнити	1,729	—	—	—
источити	1,728	—	—	—	источити	1,728	—	—	—
уготовати	1,728	—	—	—	уготовати	1,728	—	—	—
адъ	1,728	—	1,412	—	адъ	1,728	—	1,412	—
василиискъ	1,726	—	—	—	василиискъ	1,726	—	—	—
сьде	1,726	—	—	0,992	сьде	1,726	—	—	0,992
цвѣтъ	1,719	—	—	—	цвѣтъ	1,719	—	—	—
грѣхъ	1,711	—	—	—	грѣхъ	1,711	—	—	—
же	1,668	2,190	1,081	1,729	же	1,668	2,190	1,081	1,729
яко	1,644	0,874	1,256	1,219	яко	1,644	0,874	1,256	1,219
мѣсто	1,609	—	—	—	мѣсто	1,609	—	—	—
заходити	1,571	—	—	—	заходити	1,571	—	—	—
оживити	1,565	—	—	—	оживити	1,565	—	—	—
паче	1,564	—	1,960	0,985	паче	1,564	—	1,960	0,985
не	1,563	2,433	1,444	1,350	не	1,563	2,433	1,444	1,350
да	1,533	2,596	1,718	0,881	да	1,533	2,596	1,718	0,881
богородица	1,518	—	—	—	богородица	1,518	—	—	—
по	1,511	0,993	0,817	2,243	по	1,511	0,993	0,817	2,243

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Архангельское евангелие 1092 г. — Евангелие апракос краткий («Архангельское евангелие»), 1092 г., РГБ, М. 1666, 178 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=15843750 (дата обращения: 12.06.2021).
- Ассеманиево евангелие — Евангелие апракос («Ассеманиево Евангелие» или «Ватиканское Евангелие»), X/XI в., Ватиканская (Апостолическая) библиотека, Slav. 3 Glag., 158 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=56673793 (дата обращения: 12.06.2021).
- Григоровичев паримейник XII–XIII вв., Григ. № 2/М.1685, 104 л. По изд.: [Рибарова, Хауптова 1998]. Захаринский паримейник 1271 г., РНБ, Q.п.1.13, 264 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=93729005 (дата обращения: 12.06.2021).
- Ипатьевская летопись ок. 1425 г., БАН, 16.4.4, 307 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32151080 (дата обращения: 12.06.2021).
- Корпус «Манускрипт» — Исторический корпус «Манускрипт». <http://manuscripts.ru> (дата обращения: 01.05.2021).
- Лаврентьевская летопись 1377 г., РНБ, Ф.п.IV.2, 173 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=32500902 (дата обращения: 12.06.2021).
- Лазаревский (Сковородский) паримейник вт. пол. XII в., РГАДА, Тип. 50, 126 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=99829379 (дата обращения: 12.06.2021).
- Мстиславово евангелие до 1117 г. — Евангелие апракос полный («Мстиславово евангелие»), до 1117 г., ГИМ, Син. 1203, 213 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=82016377 (дата обращения: 12.06.2021).
- Музейное евангелие XII–XIII вв. — Евангелие апракос полный («Музейное евангелие»), кон. XII — нач. XIII (?) в., РГБ, Рум. 104, 158 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=42096819 (дата обращения: 12.06.2021).
- Остромирово евангелие 1056–1057 г. — Евангелие апракос краткий («Остромирово евангелие»), 1056–1057 г., РНБ, Ф.п.1.5., 294 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=40921436 (дата обращения: 12.06.2021).
- Пантелеймоново евангелие XII–XIII в. — Евангелие апракос полный («Пантелеймоново евангелие»), XII–XIII в., РНБ, Соф. 1, 224 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=35294270 (дата обращения: 12.06.2021).
- Паренесис по Типографскому списку — Паренесис Ефрема Сирина, 70-80-е гг. XIII в., РГАДА, Тип. 38, 143 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=86892772 (дата обращения: 12.06.2021).
- ПСРЛ 1908 — Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
- Симоновское евангелие 1270 г. — Евангелие апракос полный («Симоновское евангелие»), 1270 г., РГБ, Рум. 105, 167 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=43532484 (дата обращения: 12.06.2021).
- Типографское евангелие XII в. — Евангелие тетр («Типографское евангелие»), XII в., РГАДА, ф. 381 (Син. Тип.), № 1, 193 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871 (дата обращения: 12.06.2021).
- Троицкий паримейник вт. пол. XIV в., РГБ, Тр. 4, 142 л. http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=88206084 (дата обращения: 12.06.2021).

СПИСОК ПОДКОРПУСОВ⁵⁴

- Евангелия (Ев) — древнерусские списки Евангелий корпуса «Манускрипт». <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=9> (дата обращения: 01.05.2021): РГАДА, ф. 381, № 1; РНБ, Ф.п.1.5, 1.13, 1.58.; Пог. 11, Соф. 1; РГБ, М. 1666; Рум. 104, 105; ГИМ, Син. 1203; ЦБАН ЛитССР, F19-1.
- Летописи корпуса «Манускрипт» (Лет) — Летописи корпуса «Манускрипт». http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=12&p_lid=1 (дата обращения: 01.06.2021): РНБ, Ф.п. IV.2; БАН, 16.4.4; БАН, 34.5.30.
- Минеи и стихирари (МиС) — древнерусские списки миней и стихирарей корпуса «Манускрипт». http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=10&p_lid=1 (дата обращения: 01.05.2021): миней — РГАДА, ф. 381, №№ 84, 89, 91; РНБ, Соф. №№ 188, 199, 202, 203, 204, Ф.п.1.36, Q.п.1.25, ОЛДП,

⁵⁴ Приводятся состав подкорпусов, их интернет-адрес, названия и сокращения, используемые в приложениях.

- Q. 180; РГАДА, ф. 381, № 110; ГИМ, Син. №№ 166, 895; БАН, Алекс.-Свирск. 37; стихирари — БАН, 34.7.6; ГИМ, Син. 572; РНБ, Q.п.1.15, СПб. ДА. А. II. 397, Соф. 384.
- Паренесис (Парен) — древнерусские списки Паренесиса Ефрема Сирина корпуса «Манускрипт». <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=62> (дата обращения: 01.05.2021): РНБ, Погод. 71а; РГАДА, Тип. 38; РГБ, Тр. 7.
- Паримейник (Парим) — древнерусские списки Паримейника корпуса «Манускрипт». <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=58> (дата обращения: 01.05.2021): РГАДА, Тип. №№ 50, 60; РНБ, Q.п.1.13; РГБ, Тр. 4.

СЛОВАРИ

- БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. М.; СПб.: Наука, 2004–.
- Ожегов 1988 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII–. М.: Азбуковник, 1988–2019–.
- СКАТ — Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов. <http://project.phil.spbu.ru/scat/search.php> (дата обращения: 12.06.2021).
- СЛРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31–. М.: Наука, 1975–2019–.
- СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. Вып. 6 / Под ред. Е. В. Генераловой, О. В. Васильевой. СПб.: Наука, 2014.
- Фасмер 1986 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М.: Прогресс, 1986.
- ФразСл — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1987.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Прагославянский лексический фонд. Вып. 6 (*с — *golva) / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1979.
- Elektronický slovník staré češtiny — Elektronický slovník staré češtiny [online]. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., oddělení vývoje jazyka 2006–. <http://vokabular.ujc.cas.cz> (дата обращения: 12.06.2021).
- SJS — Slovník jazyka staroslověnského. I–IV. Praha: Academia, 1966–1997.
- Słownik języka polskiego — <http://doroszewski.pwn.pl/> (дата обращения: 12.06.2021).
- Słownik staropolski — Słownik staropolski / Red. S. Urbańczyk. Tom XI. Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1995–2002.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баранов 2016 — Баранов В. А. Модуль n-грамм исторического корпуса «Манускрипт»: структурные и лингвистические параметры. *Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы*. Т. 1. Галиуллин К. Р., Горобец Е. А., Николаев Г. А. (ред.). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2016, 50–61. [Baranov V. A. Module of n-grams of the historical corpus “Manuscript”: Structural and linguistic parameters. *Nauchnoe nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremenniy vektor issledovaniy Kazanskoi lingvisticheskoi shkoly*. Vol. 1. Galiullin K. R., Gorobets E. A., Nikolaev G. A. (eds.). Kazan: Kazan Univ. Press, 2016, 50–61.]
- Баранов 2017 — Баранов В. А. Инструменты и методика поиска коллокаций в историческом корпусе «Манускрипт» (на примере глаголических рукописей). *Filologija*, 2017, 68: 17–49. [Baranov V. A. Tools and methods for searching for collocations in the historical corpus “Manuscript” (on the example of Glagolitic manuscripts). *Filologija*, 2017, 68: 17–49.]
- Баранов 2019 — Баранов В. А. Создание и использование исторических корпусов славянских письменных памятников. *Scripta & e-Scripta*, 2019, 19: 33–57. [Baranov V. A. Creation and use of historical corpora of Slavonic manuscripts. *Scripta & e-Scripta*, 2019, 19: 33–57.]
- Брандт 1894 — Брандт Р. Ф. Григоровичев паримейник. В сличении с другими паримейниками. Вып. I. *Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских*, 1894, 1(II): IV–90. [Brandt R. F. Grigorovich’s Paroemiaron. Compared to other paroemiaria. Part I. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostei Rossiiskikh*, 1894, 1(II): IV–90.]
- Жолобов 2011 — Жолобов О. Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. III, 1: БАН 31.7.2. *Russian Linguistics*, 2011, 35(3): 361–380. [Zholobov O. F. The corpus of the Old Russian

- copies of the Paraenesis of Ephraem Syrus. III, 1: BAN 31.7.2. *Russian Linguistics*, 2011, 35(3): 361–380.]
- Жолобов 2016 — Жолобов О. Ф. Простой индикатив в кирилло-мефодиевских источниках (к интернет-изданию Захариинского паримейника 1271 г.). *Russian Linguistics*, 2016, 40 (2): 153–172. [Zholobov O. F. The synthetic indicative in Cyril and Methodius' sources (the internet edition of the Paroemiaron Zacharianum of 1271). *Russian Linguistics*, 2016, 40 (2): 153–172.]
- Жолобов, Баранов 2021 — Жолобов О. Ф., Баранов В. А. Дистрибутивно-квантитативные и семантические характеристики глаголов знания в старославянской и древнерусской письменности. *Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература*, 2021, 18(1): 56–76. [Zholobov O. F., Baranov V. A. Verbs meaning 'know' in Old Church Slavonic and Old Russian writing: Distributive, quantitative, and semantic properties. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18(1): 56–76.]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. *Древнерусские энклитики*. М.: Языки славянских культур, 2008. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Илиев 2017 — Илиев И. И. *Тълкуванието на книга на пророк Даниил от Иполит Римски в старобългарски превод*. София: Институт за литература при БАН, 2017. [Iliev I. I. *Talkuvaniето na kniga na prorok Daniil ot Ipolit Rimski v starobalgarski prevod* [Interpretation of the Book of Daniel by Hippolytus of Rome in Old Bulgarian translation]. Sofia: Institute of Literature, 2017.]
- Кнас 1955 — Кнас В. Положение исследования в области византийско-славянского паримейника. *Byzantinoslavica*, 1955, XVI(2): 374–376. [Knas V. State of research in the field of the Byzantine-Slavic Paroemiaron. *Byzantinoslavica*, 1955, XVI(2): 374–376.]
- Колесов 1986 — Колесов В. В. *Мир человека в слове Древней Руси*. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. [Kolesov V. V. *Mir cheloveka v slove Drevnei Rusi* [The world of human in the word of Old Rus']. Leningrad: Leningrad Univ. Press, 1986.]
- Кочеткова 2013 — Кочеткова Н. А. Статистические языковые методы. Коллокации и коллигации. *Новые информационные технологии в автоматизированных системах*, 2013, 16: 301–305. [Kochetkova N. A. Statistical linguistic methods. Collocations and colligations]. *Novye informatsionnye tekhnologii v avtomatizirovannykh sistemakh*, 2013, 16: 301–305.]
- Мейе 2000 — Мейе А. *Общеславянский язык*. М.: Прогресс, 2000. [Meillet A. *Le slave commun*. Paris: E. Champion, 1924. Transl. into Russian.]
- Милтенов 2006 — Милтенов Я. *Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция*. София: Авалон, 2006. [Miltenov Ja. *Dialozite na Psevdo-Kesarij v slavyanskata rākopisna tradicija* [Pseudo-Caesarian dialogues in the Slavic manuscript tradition]. Sofia: Avalon, 2006.]
- Милтенов 2020 — Милтенов Я. Преславските лексикални маркери. 1. Опит за въведение. *Старобългаристика*, 2020, XLIV(2): 54–79. [Miltenov Ja. Preslav lexical markers. 1. An attempt of an introduction]. *Starobalgaristika*, 2020, XLIV(2): 54–79.]
- Назиратель 1973 — *Назиратель*. Изд. подг. В. С. Голыщенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова; под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1973. [Naziratel' [Overseer]. Kotkov S. I. (ed.). Moscow: Nauka, 1973.]
- Пенкова 2008 — Пенкова П. *Речник-индекс на Синайския евхологий*. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2008. [Penkova P. *Rečnik-indeks na Sinajskija evkhologij* [Dictionary-index of Sinai euchology]. Sofia: Prof. Marin Drinov Press, 2008.]
- Пентковский 2019 — Пентковский А. М. Славянский перевод Евангелия и его использование в богослужении в IX (посл. треть) — XI вв. *Наслеђе и стварање. Свети Ђурило. Свети Сава: 869–1219–2019. 1*. Радић Ј., Савић В. (уред.). Београд: Институт за српски језик САНУ, 2019, 73–148. [Pentkovskii A. M. [Slavic translation of the Gospel and its use in worship in the IX (last third) — XI centuries]. *Nasleđe i stvaranje. Sveti Ćirilo. Sveti Sava: 869–1219–2019. 1*. Radić J., Savić V. (eds.). Belgrade: Institute of the Serbian Language, 2019, 73–148.]
- Пичхадзе 1991 — Пичхадзе А. А. К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход). *Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян*. Вомперский В. П. (отв. ред.). М.: Наука, 1991, 147–173. [Pichkhadze A. A. On the history of the Slavic Paroemiaron (paroemiatic readings of the book of Exodus). *Traditsii drevneishei slavyanskoi pis'mennosti i yazykovaya kul'tura vostochnykh slavyan*. Vomperskii V. P. (ed.). Moscow: Nauka, 1991, 147–173.]

- Рибарова 2005 — Рибарова З. Кирилometодиевскиот паримејник во македонската ракописна традиција. *Јазикот на македонските црквословенски текстови*. Рибарова З. Скопје: МАНУ, 2005, 57–73. [Ribarova Z. The Paroemiarion of Cyril and Methodius in the Macedonian writing tradition. *Jazikot na makedonskite crkvnoslovenski tekstovi*. Ribarova Z. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 2005, 57–73.]
- Рибарова, Хауптова 1998 — Рибарова З., Хауптова З. *Григоровичев паримејник. I. Текст со критички апарат*. Скопје: МАНУ, 1998. [Ribarova Z., Khauptova Z. *Grigorovičev parimejnik. I. Tekst so kritički aparat* [Grigorovich's Paroemiarion. I. The text with a critical apparatus]. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1998.]
- Семереньи 1980 — Семереньи О. *Введение в индоевропейское языкознание*. М.: Прогресс, 1980. [Sze-merényi O. *Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1970. Transl. into Russian.]
- Славова 1989 — Славова Т. Преславска редакција на Кирило-Методиевија старобългарски евангелски превод. *Кирило-Методиевски студии*, 1989, 6: 15–130. [Slavova T. Preslav redaction of Cyril and Methodius' Old Bulgarian translation of the Gospels. *Kirilo-Methodievski studii*, 1989, 6: 15–130.]
- Славянская мифология 1997 — Славянская мифология. *Мифы народов мира. Энциклопедия*. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997, 450–456. [Slavic mythology. *Mify narodov mira. Entsiklopediya*. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya, 1997, 450–456.]
- Франчук 1986 — Франчук В. Ю. *Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении*. Киев: Наукова думка, 1986. [Franchuk V. Yu. *Kievskaya letopis' . Sostav i istochniki v lingvističeskom osveščenii* [The Kievan Chronicle. Composition and sources in linguistic perspective]. Kiev: Naukova dumka, 1986.]
- Ягунова, Пивоварова 2013 — Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. От коллокаций к конструкциям. *Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы*. Сай С. С. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2013. [Yagunova E. V., Pivovarova L. M. From collocations to constructions. *Russkii yazyk: konstruktivnye i leksiko-semanticheskie podkhody*. Saj S. S. (ed.). St. Petersburg: Institute for Linguistic Research, 2013.] <https://bit.ly/2OWkAmC> (дата обращения: 01.05.2021).
- Baranov 2018 — Baranov V. A text corpus of Medieval manuscripts as a goal and a tool for linguistic research. *Editing Mediaeval texts from a different angle: Slavonic and multilingual traditions. To honour Francis J. Thomson on the occasion of his 80th birthday*. Sels L., Fuchsbauer J., Tomelleri V., De Vos I. (eds.). Paris: Peeters Leuven, 2018, 283–308.
- Baranov, Gnutikov 2019 — Baranov V. A., Gnutikov R. M. The statistics and n-gram modules of the historical corpus “Manuscript”. *Digital and analytical approaches to the written heritage: Proc. of the 7th international conf. El'Manuscript “Textual Heritage and Information Technologies”*, 2018. Sofia: Gutenberg Publishing House, 2019, 9–28.
- Evert 2005 — Evert S. *The statistics of word cooccurrences word pairs and collocations*. Ph.D. diss., Universität Stuttgart, 2005. <https://elib.uni-stuttgart.de/bitstream/11682/2573/1/Evert2005phd.pdf>. Accessed 1 May 2021.
- Jagić 1913 — Jagić V. *Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1913.
- Vondrák 1912 — Vondrák W. *Altkirchenslavische Grammatik*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1912.
- Voss 1996 — Voss Ch. Die Vertretung von lexikalischen textologischen Dubletten der Dichotomie Ochrid-Prslav in kirchenslavischen Abschriften der Paränese Ephraims des Syrers. Ein Beitrag zur Datierung der altbulgarischen Erstübersetzung. *Anzeiger für slavische Philologie*, 1996, XXIV: 95–128.

Термины *significatio* и *significatus* как обозначение категории залога в римской грамматике

© 2022

Владимир Иванович Мажуга

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия;
vladimirmazhuga@gmail.com

Аннотация: Термин *significatio*, именующий категорию залога, вошел в терминологический аппарат римских грамматиков не ранее конца II в. н. э., а скорее, это произошло лишь в течение следующего столетия. Однако основу для применения такого термина заложил еще Валерий Проб не позднее рубежа I–II в. н. э. Если не Коминиан, то Диомед был тем грамматиком, кто в первой половине IV в. н. э. окончательно утвердил применение термина *significatio* к глагольным залогам ввиду недостаточности старого термина *genus verborum*. Применение термина *significatio*, как и родственного ему термина *significatus*, вытекало из рассуждений о тех случаях, когда в той или иной мере нарушалось простое соответствие семантики слова его морфологии. По всей вероятности, уже стоик Посидоний в ряду таких случаев выделял примеры с глагольными залогами. Валерий Проб предположительно усвоил соответствующую греческую традицию через знакомство с трудами грамматика Хаброна и приложил ее к своему учению о формах глагола. Относительно редко применявшийся термин *significatus* служил выделению тех случаев, когда вопрос о соотношении морфологии и семантики стоял особенно остро или был предметом дискуссии. Прослеживая применение последнего, как и близкого ему греческого термина *τὸ σημαίνόμενον*, удастся установить определенную преемственность в трудах грамматиков.

Ключевые слова: античность, залог, история лингвистики, лингвистические традиции

Для цитирования: Мажуга В. И. Термины *significatio* и *significatus* как обозначение категории залога в римской грамматике. *Вопросы языкознания*, 2022, 2: 102–124.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.102-124

Significatio and *significatus* as terms denoting diathesis in the ancient Roman grammar

Vladimir I. Mazhuga

Saint-Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia;
vladimirmazhuga@gmail.com

Abstract: The term *significatio*, which refers to the category of diathesis (voice), entered the terminological apparatus of Roman grammarians no earlier than the end of the second century AD, but rather it happened only during the next century. However, the basis for the use of that term was laid by Valerius Probus no later than the beginning of the second century AD. If not Cominian, then Diomedes was the grammarian who in the first half of the fourth century AD finally established the use of the term *significatio* for verbal voice due to the insufficiency of the old term *genus verborum*. The use of the term *significatio* has issued from reasoning about the complex relation between semantics and morphology. The relatively rare term *significatus* served to highlight those cases where this relation was particularly intricate or subject to debate. Tracing the application of the latter term, as well as the analogous Greek term *τὸ σημαίνόμενον*, it is possible to establish a certain continuity in the works of grammarians. Examples concerning verbal voice were, by all evidence, used already by the Stoic Posidonius to illustrate

the complexity of the semantics–morphology relation. Valerius Probus, apparently, assimilated the corresponding Greek tradition through acquaintance with the works of the grammarian Habron and applied it to his theory of verb forms.

Keywords: Antiquity, history of linguistics, linguistic traditions, voice

For citation: Mazhuga V. I. *Significatio* and *significatus* as terms denoting diathesis in the ancient Roman grammar. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 2: 102–124.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.102-124

1. О предмете, основной задаче и методе исследования

В дошедших до нас римских грамматических текстах встречается целый ряд терминов, обозначающих категорию глагольного залога, которые обычно приводятся списком там, где вводится тема залога. В статье речь пойдет об одном из этих обозначений — *significatio*. Но, коснувшись происхождения одного термина, мы неизбежно затрагиваем и сложившуюся к настоящему времени картину развития античного учения о глагольных залогах, а кроме того, должны обратиться и к некоторым малоизученным суждениям античных грамматиков о соотношении морфологии и семантики.

Понятие *significatio* имело широкий спектр значений: от простейшего «подача знака» до «значение слова». В статье мы попытаемся проследить, как и с какого времени это понятие стало служить, не теряя своей многозначности, грамматическим термином, именуемым глагольный залог. Свидетельства греческих и латинских грамматических текстов мы постараемся рассмотреть в той хронологической последовательности, какую удастся установить при известной разноречивости мнений о времени их творчества. Важное подспорье в нашем исследовании составят примеры с понятием *significatus*, родственным термину *significatio*.

1.1. Особые значения понятия *significatus*

Понятие *significatus* имело сходный спектр значений, но применялось по меньшей мере в десять раз реже, чем понятие *significatio*. Уже по этой причине примеры с ним позволяют скорее обнаружить влияние суждений одних грамматиков на определения и высказывания других. Более того, это понятие в определенной мере можно отнести к «ученым» словам. Мы не встретим его, например, в речах Цицерона или у римских историков. Зато в сочинениях Витрувия, Плиния Старшего и Апулея можно отметить семь случаев его применения в качестве термина, именующего астрологическое толкование небесных явлений, обычно в смысле предсказания ненастий или бедствий (*tempestates*). Тот же Апулей и в свою очередь грамматик Донат применяют это слово, кроме того, в качестве термина, именующего смысловые градации [Apul. *De deo Socr.* 15, 25.3; 26.1; Donat. *Comm. Terent.*, I: 395.7]. Отличает употребление слова *significatus* и то, что в нем в целом сильнее выражено представление о некоем действии или результате действия. Разные авторы связывают с ним представление о более полной или более точной передаче выражаемой мысли или чувства¹.

Решительное большинство из полусотни учтенных нами примеров с понятием *significatus* содержится в трудах грамматиков, лексикографов и римских филологов. Но и там

¹ Характерны выражения: *ampliore vocabuli significatu* [Fest. *De verb. sign.* 327.7]; *ne quid deperdat ex significatu*; *nihil de significatu vocis deminuitur* [Mar. Vict. *GL VI*, 13.13–14; 21.16–17]; *cum maiore significatu* [Diom. *Ars gr.* 445.25]; *magno significatu* [Donat. *Comm. Terent.* I, 166.18], *significatu adiuvat pronuntiationem, bono significatu* [Donat. *Comm. Terent.* II, 279.18–20, 325.7].

можно найти лишь единичные случаи применения этого понятия, где бы оно указывало просто на значение какого-либо слова, тогда как, например, в пяти из шести случаев, отмеченных нами у Доната, говорится об экспрессивном словоупотреблении в репликах героев Теренция [Donat. *Comm. Terent.* I, 324.15; 359.18], а в шестом случае он указывает, как было выше отмечено, на вид смысловой градации (*ex medio significatu*). Две особых группы примеров из грамматических текстов составляют случаи своеобразных отношений между морфологией и семантикой, которые мы и рассмотрим ниже.

2. Применялось ли понятие *significatio* в качестве термина, именующего категорию залога, ранее конца II в. н. э.?

2.1. О предполагаемом свидетельстве Реммия Палемона в передаче Харизия

В своем труде о грамматике Реммии Палемоне (учил не позднее середины I в. н. э.) Карл Барвик обратил внимание на краткое изложение темы глагольных залогов в *Ars grammatica* Харизия (ок. 362 г. н. э.), которое автор представил лишь как один из вариантов изложения этой темы [Char. В. 214.26–215.17], ср. [Mazhuga 2009]. Барвик отметил, что в этом отрывке Харизий применил в качестве обозначения категории залога термин *significatio* вместо обычного для него термина *genus* [Barwick 1922: 22–23]. Последний был известен еще со времени Квинтилиана, и его применение, очевидно, было основано на уподоблении семантики глагольного залога категории рода [Flobert 1975: 11]. В своих поисках следов утраченного сочинения Палемона Барвик пришел к убеждению, что основным источником этого и других ему подобных дополнений в грамматике Харизия была грамматика Палемона, причем в рассматриваемом случае он нашел лишнее подтверждение своего предположения именно в необычном для Харизия употреблении термина *significatio*. Более того, он пообещал читателю привести далее новые аргументы в пользу такой атрибуции отрывка, однако дальнейшие его ссылки на другие примеры со словом *significatio* у Харизия никаких существенных дополнений к его аргументации не дают [Barwick 1922: 117]. Что же касается названного отрывка, то в нем можно усмотреть разнохарактерные заимствования из соответствующего раздела трудов ближайших его предшественников, Мария Плотия Сакердоса (расцвет творчества 285/286 г. н. э.) и Палладия (ок. 305 г. н. э.), а возможно, и Диомеда, о котором при современном состоянии науки нельзя сказать, был ли он эпигоном или предшественником Харизия. Можно думать и об общем источнике названных авторов, близком им по времени.

Наряду со специальным термином *significatio* вопрос об этих заимствованиях касается как отдельных характерных слов или словосочетаний, например *amittere, recipere, accipere, significationem continere* [Char. В. 215.16, *GL* I, 337.30; *GL* VI, 429.30 sqq.], так и развернутых определений, например нарочитого указания на начальную форму глагола в грамматиках Палладия и Харизия². Заслуживает внимания случай с характеристикой группы глаголов под общим названием *verba communia*, которые, имея только форму страдательного залога, могли принимать равно действительное и страдательное значение. Уже дав основное определение глаголов этой группы и перейдя к характеристике следующей группы, а именно отложительных глаголов, Диомед дает дополнительное определение *verba communia*, чтобы вернее показать различие между ними и отложительными глаголами: *sub uno genere declinationis utramque continent significationem* ('в одном роде залога содержат

² Ср. *pronuntiatio modo temporis praesentis siue instantis ex prima persona* [*GL* IV, 156.14–15], *pronuntiatio modo praesenti tempore persona prima* [Char. В. 215.3].

и то и другое значение') [GL I, 337.29–30]. У Харизия сходное определение предстает как основное, но в нем нет той живой игры мысли, которую можно отметить у Диомеда: *specie passivae declinationis et passivam et activam continet significationem* ('под видом страдательного залога содержит и действительное и страдательное значение') [Char. B.: 215.15–16]. Как мы увидим ниже, именно Диомеда отличало предпочтение, отдаваемое термину *significatio* перед другими обозначениями категории залога. В этой связи будет уместно отметить и примеры дословного совпадения определений в названной части трудов Диомеда и Харизия: *per antiphrasin, id est e contrario* [GL I, 337.25; Char. B. 215.11–12], *et cum sit passiva specie, activam non habet (habebit)* [Diom. *Ars gr.* 337.27–28; Char. B. 215.13–14].

Атрибуция названного отрывка в труде Харизия, выдвинутая Барвиком, не была принята позднейшими исследователями [Novdhaugen 1987: 137; O'Rorke 2016: 40], но достаточно определенно свое критическое отношение к ней выразил лишь Пьер Флобер. Он указал, что в дошедших до нашего времени источниках теория пяти глагольных залогов, представленная в отрывке, не засвидетельствована ранее времени Сакердоса, т. е. ранее конца III в., что даже Авл Геллий (ок. 128 — после 1180 г. н. э.) не знал еще такого важного ее элемента, как тип отложительных глаголов [Flobert 1975: 10]. В своих работах Флобер выразил сомнение и относительно правомерности общего предположения, будто именно Палемон ввел термин *significatio*, именующий глагольный залог [Flobert 1975: 9, n. 3; 1981: 25, n. 3; 31]. Однако же в грамматическом труде Плиния Старшего *Dubius sermo*, дошедшем до нас в кратких извлечениях и переложениях, Флобер в свою очередь усмотрел след применения этого термина в интересующем нас значении уже в I в. н. э. Примеры, на которые опирается Флобер, и особенно воссоздаваемый им общий контекст, в котором он их рассматривает, заслуживают самого внимательного рассмотрения.

2.2. О предполагаемом свидетельстве Плиния Старшего в передаче грамматика Помпея

Грамматик Помпей, живший на рубеже V–VI вв. н. э., засвидетельствовал, что в отличие от многочленной системы форм залога, утвердившейся позднее, Плиний выделял лишь два вида глагольного залога: действительный и страдательный [GL V, 227.23–27; 228.2–4]. Флобер решил, что во втором из этих свидетельств, где содержится понятие *significatio*, воспроизведено дословно собственное высказывание Плиния [Flobert 1975: 9]. Флобер, правда, не учел того, что издатели фрагментов названного сочинения Плиния, Бек и Делла Каза, а до них и Герман Нейман не сочли цитатой из сочинения Плиния соответствующую фразу Помпея [Neumann 1881: 52], ср. [Plin. *Dub. ser.* Beck: 39 *et passim*; *Dub. ser.* DC: fr. 107]. Но Флобер не ограничился только этим примером.

Наряду с двумя указанными свидетельствами о суждениях Плиния относительно форм залога Флобер отметил и дальнейшую ссылку Помпея на мнение Плиния относительно одного из ряда латинских глаголов, где формы действительного и страдательного залога не различались по смыслу и были одинаково допустимы. Плиний указывал, что в случае с формами *adulo* и *adulor* ('ласкаться [к кому-либо]') необходимо различать их падежное управление и применять с первой аккумулятив, а со второй датив:

dicit **discretionem** per casus, quando vis **quasi activam significationem** introducere, accusativum fac, *adulo illum*; quando vis **quasi passivam significationem** introducere, dativum fac, *adulor illi*: et *adulo illum* et *adulor illi* [GL V, 234.1–4].

Эту фразу у Помпея не только Флобер, но и издатель фрагментов грамматического сочинения Плиния Делла Каза приняли в качестве дословной передачи высказывания Плиния [Plin. *Dub. Ser.* DC, fr. 108]. В своем исследовании о латинских отложительных глаголах Флобер увидел в ней основание для предположения, что Плиний применял понятие залога,

исходя исключительно из формальных критериев [Flobert 1975: 9; 12, n. 9], а в специальной работе о термине *significatio* он нашел именно здесь надежное свидетельство (*attestation certaine*) того, что уже Плиний применял термин *significatio*, именующий категорию залога [Flobert 1981: 31]. В этой работе Флобер пытался объяснить весьма позднее, лишь в VI в. н. э., появление латинского термина *praedicatum, praedicamentum*, именующего предикат — категорию, которая в классической греческой философии именовалось словом *κατηγορημα*. Флобер попробовал развить мысль, что для обозначения предиката первоначально использовалось латинское слово *significatio*. Вслед за своим учеником, Марком Баратеном, как на след такого значения слова он указал на содержащееся в грамматике Присциана (ок. 485–ок. 525 г.) общее определение всех иных частей речи, нежели имя и глагол, понятием *consignificancia* наряду с греческим *συνκατηγορηματα* [GL II, 54.5–8; Flobert 1981: 25; 28–29]. Другой его след он склонен был видеть в определении понятием *significatio* одного из свойств наречия, рассматриваемого в сочетании с глаголом [Flobert 1981: 30–31]. Наконец, что для нас особенно важно, он счел еще одним следом такого значения *significatio* его применение в качестве термина, именующего категорию залога. Нетрудно понять, какое важное значение примеры, связанные с именем Плиния Старшего, должны были получить в общей концепции категории «предикат» у латинских авторов, реконструируемой Флобером.

Флобер обратил внимание на ряд обстоятельств. Разработанное в философской логике понятие *κατηγορημα*, отметил он, применялось уже стоиками к определению глагольных залогов в своеобразной четырехчленной системе. В более поздней грамматической теории его значение сужалось до понятия «глагол», категория же залога (*διάθεσις*) выражала, продолжал свою мысль Флобер, самое универсальное и устойчивое отличительное свойство глагола [Ibid.: 26–27; 32]. Отмеченное Флобером влияние учения стоиков о языке, как и воздействие идей Новой Академии, а равно и учивших в Риме III в. неоплатоников, несомненно, сказалось на утверждении в лексиконе римских грамматиков термина *significatio*, именовавшего категорию залога, и ниже мы приведем еще одно подтверждение влияния стоиков на разработку терминологии, касающейся глагольных залогов. Вопрос, однако, заключается в том, когда именно понятие *significatio* стало использоваться как такой специальный термин. Имеющиеся в распоряжении исследователей примеры позволяют, скорее, утверждать, что ранее конца II в. н. э. этого не произошло. Другое дело — ранние прецеденты позднеантичного термина, конкретными примерами которых мы и займемся ниже.

Что же касается последнего из приведенных выше свидетельств Помпея о суждениях Плиния, то следует признать, что Помпей здесь в какой-то мере передал даже характерный лаконичный стиль своего источника. Этому стилю вполне соответствует короткая фраза *dicit discretionem per casus* ('говорит: различие по падежам'). Однако же сам Плиний охотно применял слово *discrimen*, тогда как однокоренное с ним слово *discretio* засвидетельствовано вообще лишь у позднеантичных авторов. В приведенном примере содержатся выражения *quasi activam significationem* и *quasi passivam significationem*. Между тем наречие *quasi* Плиний никогда не использовал как часть определения, и вообще слово *quasi* у него нечастое, можно указать лишь шесть мест у Плиния с этим словом, причем в половине из них оно применено как союз, которым вводится предложение с глагольной формой в конъюнктиве. Напротив, в грамматическом сочинении Помпея это слово применяется очень часто и нередко в дополнении к определению — в общей сложности можно насчитать 82 случая применения слова *quasi* у этого автора.

На основе последнего примера из труда Помпея, как и предыдущего, нельзя определенно утверждать, что уже Плинию было знакомо применение понятия *significatio* в качестве обозначения категории залога. Но даже если бы можно было признать в сообщениях Помпея дословные цитаты соответствующих мест из труда Плиния, этого было бы недостаточно для утверждения, что уже Плиний применял понятие *significatio* в качестве специального термина, именующего категорию залога. Ведь как показывают примеры из Авла Геллия, автора II в. н. э., к которым ниже обратимся, подобное употребление

слова *significatio* в то время могло представлять лишь частный случай применения понятия, сохранявшего более широкое значение. Можно думать, что наблюдение такого рода заставило Алессандро Гарша (Alessandro Garscia), выдающегося знатока античных грамматических текстов, возражать против приписывания Плинию термина *significatio*, именующего категорию залога. Хотя и без лишних объяснений, Джейсон О’Рорке признал основательными возражения Гарша в своей работе о теме глагольного залога в позднеантичной и раннесредневековой грамматике [O’Rorke 2016: 39–40]. О’Рорке принял предложенное Флобером толкование понятия *significatio* как эквивалента греческого обозначения предиката — *κατηγορία*. Однако же первое засвидетельствованное применение термина *significatio* в значении залога он отнес лишь к концу III в. до н. э. [Ibid.: 41].

2.3. О свидетельстве Авла Геллия

Важнейшие сведения о состоянии грамматической теории ранее конца II в. н. э. сохранились в сочинении Авла Геллия «Аттические ночи». Геллий дважды применяет понятие *significatio*, определяя значение некоторых форм глаголов и прилагательных в рамках представлений об активном или пассивном действии. В одном случае речь идет о глаголах, в римской грамматике называвшихся *verba communia* или *genus commune*, которые, как уже было отмечено выше в п. 2.1, имели форму только страдательного залога, при этом обычно обозначали активное действие, но, в отличие от отложительных глаголов (*deponentia*), могли в определенной синтаксической связи обозначать и пассивное действие [Gell. Noct. Att. 15.13, II 141.1–143.5]. Геллий о них говорит, что к ним приложимо определение *utroqueuersus* («направленный в ту и другую сторону»). Добавляя далее к ряду известных примеров с такими глаголами еще два, *testor* и *interpretor*, он отмечает, что и последние считаются словами, значение которых может меняться на противоположное *significatione reciproca dicuntur* [Ibid. 141.10–11].

То же выражение *significatione reciproca*, но здесь в ряду других, сходных по смыслу и тоже в форме *ablativus qualitatis*, применено у Геллия к именам прилагательным, которые могли определять как лицо, производящее действие, так и то, на кого могло быть обращено это действие. Ряд примеров, приведенных Геллием, начинается прилагательным *formidolosus*, которое могло обозначать равно и того, кто устрасал, и того, кто испытывал страх [Gell. Noct. Att. IX 12, 1–22; I 325.18–329.19]. Наряду с названным прилагательными с подобным двояким значением получают в этом разделе и такие определения: *significatione adversa* («с противоположными значениями»), *ancipiti significatione* («с двояким значением») [Ibid. I 325.19; 326.1]. Коснувшись далее имен нарицательных с этого рода двояким значением, Геллий определяет их тип еще и с помощью такого выражения: *habet formam communicatae ultro et citro significationis* («отличается сообщающимися противоположными значениями») [Ibid. IX 12, 17; I 328.5–6].

Все эти примеры связывает не только характерное сочетание противоположных значений в одной форме слова, но и представление об активном и пассивном действии. Однако едва ли здесь можно предполагать и связь самого понятия *significatio* с представлением о глагольных залогах. Ведь у Геллия насчитывается до полусотни случаев применения слова *significatio*, и обычно никакой связи с представлением об активном и пассивном действии там не обнаруживается, а во всех приведенных примерах это слово сопровождается дополнительными определениями, которые, собственно, и указывают на своеобразный характер определенной группы слов.

Итак, наш обзор примеров, на которых до сих пор строились предположения относительно применения термина *significatio*, именующего категорию залога, ранее конца II в. н. э., позволяет высказать предположение, что этот термин, как и многие другие, был плодом творчества позднеантичных грамматиков. Не оспаривая в целом мысль Пьера

Флобера о возможной роли философского понятия «предикат» в истории термина, попробуем заново проследить в рамках самой грамматической теории те мотивы и те логические связи, которыми руководствовались грамматики, решившие применять термин *significatio* наряду со старым термином *genus*, основанным на ассоциации с категорией рода имен и, очевидно, оказавшимся недостаточным для усложнившейся системы описания форм залога.

3. Понятие *significatus* как знак особого внимания к формам залога и иным случаям сложного соотношения между морфологией и семантикой

Ниже представим опыт изучения примеров параллельного применения понятий *significatio* и *significatus* к определению форм залога в трудах позднеантичных грамматиков. Нет никакого сомнения в том, что лишь первое из этой пары понятий было принято в качестве термина, именующего категорию залога. Но, как мы постараемся показать, грамматики, которые ввели его в употребление, опирались на суждения тех грамматиков периода Ранней империи, которые в своих трудах уделили особое внимание случаям необычного соотношения между морфологией и семантикой, в частности, в области глагольного залога. Выделяя случаи нарушения строгого соответствия грамматической формы значению слова, грамматики I–II вв. н. э. нередко подчеркивали особое значение слова с помощью понятия *significatus*, которое, как мы могли уже убедиться, подходило для этого наилучшим образом. Когда, однако, указание на значение конкретных форм легло в основу усложнившейся системы описания глагольных залогов, то такой цели уже лучше служило свободное от лишней экспрессии понятие *significatio*. И если мы встречаем у позднеантичных авторов термин *significatus*, употребленный без всякой эмфазы, то естественно предполагать там влияние значительно более раннего источника.

3.1. Не были ли трактаты Валерия Проба источником Диомеда и Консенция?

Есть основания думать, что Валерий Проб (расцвет творчества отмечен в 87/88 г. н. э.) [Lucarini 2006: 300] был тем грамматиком, который применял понятие *significatus* именно к особым формам залога. Светоний о нем говорит как об авторе небольших грамматических трактатов (*libelli*) [Svet. *De Gram.* 24]. Присциан упоминает, в частности, его труд под красноречивым названием *De dubiis generibus* ('О формах рода, вызывающих сомнение'), где, по всей вероятности, рассматривались и формы глагольного залога³.

Приступая к теме глагольного залога в своей пространной *Ars grammatica*, Диомед приводит термин *significatio* в форме множественного числа вслед за термином *genera*: *genera verborum sive significaciones* [GL I, 336.22]. В дальнейшем изложении темы он, однако, отдает решительное предпочтение термину *significatio*, но когда доходит до форм герундия

³ В трудах римских грамматиков мы встречаем цитаты из пяти таких трактатов: 1) *de inaequalitate consuetudinis* [Char. В. 274.22–24], 2) *de dubio perfecto* [Prisc. *Inst. gr.* I, 541.19–20 (GL II)], 3) *de dubiis generibus* [Prisc. *Inst. gr.* I, 171.14–15 (GL II)], 4) *de temporum conexione* [Serv. ad Aeneid. VII 421], 5) *de genetivo graeco* [Pomp. *Com.* 182.30–32]. Творческое наследие Проба затронуто в целом ряде исследований [Aistermann 1909: 82–83; Schanz, Hosius 1935: 737, § 478; Baratin 1989: 186 sqq.; Mazhuga 2009: 135–136].

и супина, то, сопоставляя их с категорией безличных глаголов, изменяет собственному обычаю и применяет термин *significatus*, отмечая попутно, что Валерий Проб называл такие формы *supina* (буквально: ‘лежащие на спине’), и можно думать, что сам Проб имел в виду сходство этих отглагольных форм со страдательной формой причастий при значении как пассивного, так и активного действия [Ibid. 342.8–12]. Естественно предположить, что замена термина *significatio* на термин *significatus* была вызвана влиянием образца, которому следовал Диомед, а именно одного из сочинений Проба.

В сфере категории залога подобное применение двух терминов мы встречаем у одного еще только автора — грамматика Консенция, жившего предположительно в первой половине V в., во всяком случае не позднее 462 г. [Kaster 1988: 397, nr. 203; Fögen 1997/1998: 168–172]. Консенций ссылается непосредственно на Проба во вводной части раздела о глаголе, когда говорит о выражении в формах глагола представлений о субъекте и объекте действия и затрагивает вопрос о грамматической интерпретации группы непереходных глаголов, которыми передавалось состояние субъекта высказывания, такими как *aestuo* ‘испытывать жар’ *algeo* ‘зябнуть’. Консенций подчеркивает особую ученость того, на чье суждение он ссылается: *sicut Probus uir doctissimus adnotat* (‘как отмечает Проб, ученейший муж’) [GL V, 366.19]. Термин *significatus* Консенций применяет, правда, не в том самом месте, где называет Проба, но когда рассматривает трудные случаи с определением залога у глаголов, которые сам он определяет как *ambigui generis* (‘двойного, вызывающего сомнения рода’) [Ibid. 368.22]. Сначала он его применяет, когда говорит о непереходном глаголе со значением страдательного действия, *ueneo* ‘быть продаваемым’, замещавшем отсутствующую форму страдательного залога при глаголе *vendo* ‘продаю’ [GL V, 369.31–310.1]. Затем он его применяет, когда говорит о лексических конструкциях с глаголом в 3 л. ед. ч. в форме страдательного залога, воспринимавшихся как безличные, которым, однако, грамматик мог придать значение как активного, так и пассивного действия в зависимости от того, кого он сочтет возможным рассматривать в качестве субъекта действия [Ibid. 373.11–12].

В свое время Фридрих Геттинг привел доводы в пользу того, что в названном разделе труда Консенция переданы подлинные мысли Валерия Проба [Goetting 1899: 19–23]. Однако он же счел необходимым указать на возможного более позднего посредника между Пробом и Консенцием, а именно на Флавию Капра, жившего на рубеже II и III вв. н. э. [Ibid.: 23–24]. Сделал он это по той причине, что почти вслед за ссылкой на Проба Консенций привел пример, родственный тому, который можно видеть в трактате *De pronomine* прославленного греческого грамматика Аполлония Дискола, жившего в середине II в. н. э., т. е. позднее Проба [GL V, 366.24–26; Apol. Dysc. Pron. 24.5–6].

Но напрасно Геттинг так смутился сходным примером, обнаруженным им в названном раннем трактате Аполлония. К этому примеру мы, со своей стороны, можем добавить два таких же из самого значительного труда Аполлония по грамматике греческого языка *Περὶ συντάξεως* (‘О сочетании слов’) или *De constructione*, если следовать принятому его латинскому наименованию [Apol. Dysc. Synt. 18.8–19.2; 138.9–139.1]. Один содержится в параграфе, который включает ссылку на грамматиков Аристарха Самофракийского (ок. 220 — 145 г. до н. э.) и Хаброна [Apol. Dysc. Synt. 137.9–139.1, cf. 138.9–139.1]. Филипп Бранденбург обнаружил материал, почерпнутый у того же Хаброна, и в параграфе *De pronomine* Аполлония, на отрывок из которого указал Фиттинг [Apol. Dysc. Pron. 23.6–10; Synt. 166.12–167.4; Brandenburg 2005: 279; Lallot 1997, I: 162]. Во всех четырех названных примерах, начиная с приведенного Консенцием, речь идет об особой группе глаголов, которые не требуют в форме третьего лица словесного определения субъекта действия, а именно о глаголах, обозначающих небесные явления, где всегда мыслился Зевс; таковы глаголы: *pluit* / *βει*, *tonat* / *βροντᾷ*, *ἀστράπτει* (в русском переводе теряется своеобразный характер этих слов: ‘идет дождь’, ‘гремит гром’, ‘сверкает молния’). Между тем общий контекст, в котором выступают эти примеры, всегда варьируется, так что естественно предположить, что и у Проба, и у Аполлония они восходят к общему древнему

источнику. Нет никакой нужды возводить приведенный Консенцием пример к творчеству Аполлония Дискола. Отметим еще, что названные примеры у Аполлония в двух случаях включены в более широкое рассмотрение форм местоимений и именно там присутствуют ссылки на Хаброна, а трактат Хаброна о местоимениях, дошедший до нас во фрагментах, занимал особенно заметное место в творчестве этого грамматика [Berndt 1915: 1452–1454].

Итак, мы можем рассматривать труды Хаброна как возможный общий источник указанных примеров у Валерия Проба и Консенция, с одной стороны, и Аполлония Дискола — с другой. Едва ли может служить препятствием такому определению этого общего источника то обстоятельство, что в новейшем труде Джеймса Зетцеля о латинских грамматиках не поставлен даже вопрос о возможности прямого обращения самого Консенция к трудам Валерия Проба [Zetzel 2018: 329–331]. Между тем, как свидетельствует в своем лексиконе Гезихий Александрийский (V в. н. э.), сославшийся в свою очередь на грамматика первой половины II в. н. э. Гермиппа Беритского, Хаброн был учеником Трифона Александрийского, пожалуй, самого интересного и плодовитого греческого грамматика I в. до н. э., а главное, он преподавал в Риме, и известно, что это было в правление Августа [Berndt 1915: 1451–1452]. Весьма вероятно, что именно к его творчеству восходят, хотя бы отчасти, те малоизученные грамматические доктрины, о которых далее пойдет речь.

3.2. О другом возможном источнике позднеантичных грамматиков, применявших термин *significatus* при описании глагольных залогов

В своеобразном учебном своде семи свободных искусств Марциана Капеллы (V в. до н. э.) «О бракосочетании Филологии и Меркурия», а именно в третьей его книге, посвященной грамматике, содержится еще один выразительный пример применения термина *significatus* при определении форм залога. С помощью этого термина Марциан характеризует уже знакомые нам *verba communia*, у которых одна и та же форма страдательного залога могла получать значение равно активного и пассивного действия, сопоставляя их с отложительными глаголами: *in communi duo sunt significatus et agentis et patientis* («в общем залоге есть два указания: и на активно действующее, и на пассивно действующее лицо») [Mart. Cap. *De nupt.* III, 309: 94.15]. Как это мы видели выше (см. п. 1.2), Диомед тоже особо сопоставил формы двух названных групп глаголов [GL I, 337.18–30]. Ранее Диомеда Палладий пообещал заняться сопоставлением двух этих групп глаголов в отдельном сочинении, однако не известно — сделал ли он это [GL IV, 157.23–24]. Как бы то ни было, характеристика, данная Марцианом этим группам глаголов, интереснейшим образом перекликается с их сопоставлением у самого раннего автора из тех, у кого мы встречаем понятие «отложительные глаголы» — Сакердоса.

Отличительной чертой творчества Сакердоса является стремление согласовать важнейшие определения латинских грамматиков с основной доктриной греческих грамматиков, какой она сложилась к концу III в., для чего порой он исправлял формулы латинских грамматиков. Он принимает общий тезис, что отличием *verba communia* является форма страдательного залога, для которой в латинском языке нет пары в виде формы действительного залога. Тем не менее, в отличие от Авла Геллия (ср. п. 2.3) и всей последующей грамматической традиции, он, похоже, относил к той же группе все же некоторые глаголы, допускавшие лишь форму действительного залога, как это делали, по сообщению Макробия (ок. 399–410 г.), греческие грамматика в отношении глаголов из разряда *μέσα* («средние») [GL V, 628.10–16]. Едва ли можно видеть что-либо иное за его словами *communis* (i. e. *species*) *habet imaginem facientis et patientis* («средний тип имеет форму того, кто делает и кто терпит») [GL VI, 630.12–13] — Сакердос, к сожалению, не приводит конкретных примеров. Объединяющим началом для *verba communia* он выдвигает то их свойство, что вне синтаксической связи они не могли указывать, является ли действие активным или же

пассивным, и определяет это как отсутствие в форме глаголов указания на действующую или испытывающую на себе действие персону: *nec subest persona quae faciat vel patiatur* [Ibid. 630.13–14]. Весьма вероятно, что именно в споре с Сакердосом иное представление об основном свойстве названной группы глаголов получило у Марциана свое столь сильное выражение: *in communi duo sunt significatus et agentis et patientis*. Но настоящим автором такого определения мог быть, несомненно, лишь близкий Сакердосу по времени грамматик. Весьма вероятно, что таковым был видный грамматик Коминиан, известный нам по значительным цитатам у Харизия [Kaster 1988: 259, nr. 34].

3.3. Применение термина *significatus* в римской грамматике вне сферы глагольного залога

В таких именно спорах, очевидно, утверждалась новая римская многочленная система залогов, более сложная, чем в греческой грамматике. Новые членения в этой системе обосновывались, как мы видим, соображениями, относящимися главным образом к семантике, и применение термина *significatus*, вызывавшего в сознании представление о живом указании, здесь было оправдано. В сложившейся уже системе отпала необходимость в таком экспрессивном термине, и случаи его применения у позднеантичных грамматиков в сфере глагольного залога можно рассматривать главным образом как след той грамматической традиции, в рамках которой утвердился термин *significatio*, именующий категории залога. Но позднеантичные грамматикологи продолжали применять термин *significatus* там, где он был действительно необходим. Случаи его применения за пределами сферы глагольного залога требуют некоторой характеристики хотя бы потому, что иначе можно предположить наличие среди них таких примеров, которые могут поставить под сомнение изложенное выше. Их рассмотрение позволит составить более полное представление о сути дела.

Как было отмечено в начале статьи, лишь в единичных случаях термин *significatus* без какого-либо внимания к морфологии применялся только в отношении употребления слова в особом значении, или же при разборе значения слов для определения их принадлежности вообще к определенной части речи [GL V, 553.34–36]. В решительном большинстве случаев грамматикологи применяют термин *significatus* там, где о значении слова, а иногда и целого выражения, говорится в связи с грамматической формой, а особенно там, где обнаруживается неординарное отношение значения слова к грамматической форме, даже род несоответствия ей. Кроме того, порой хорошо видно, что в таком применении термина они следуют давней традиции.

Помимо рассмотренного выше случая с герундием и супином мы встречаем еще дважды у Диомеда термин *significatus* во второй книге его труда, посвященной практическим задачам грамматикологии, членоразделительным элементам произносимой речи, стилистике и фигурам речи. Первый раз он применяет его здесь, говоря об ударении, которое помогает, в частности, различать сходные на письме формы, относя одни к именам, а другие к причастиям: *accentus sit arbiter discernens utriusque significatus differentiam* ('ударение является распорядителем, вводящим различие особых значений того и другого') [GL I, 434.9–10]. Второй раз он применяет его, говоря о такой фигуре речи, как повторение (*epanalepsis*), используемой для придания большего значения высказыванию: *Epanalepsis est cum maiore significatu facta repetitio* [Ibid. 445.25]. Обратим внимание, что, представляя немногим выше другую фигуру речи, Диомед сослался на грамматика первой половины II в. н. э. Теренция Скавра [Ibid. 444.29]. В рассматриваемой части своего труда он цитирует определения этого грамматика и в ряде других важных мест [Ibid. 421.16–17; 449.26 sqq.; 456.27–29], так что не исключено влияние Скавра и в первом из приведенных нами примеров, где говорится об ударении.

В грамматической компиляции V в., включенной позднейшими переписчиками в так называемые *Explanationes in Donatum*, понятие *significatus* применено в отношении фигур речи, различных по своему построению, но одинаковых по смыслу [GL IV, 550.14–18]. Названная компиляция содержит многочисленные ссылки на Скавра [Ibid. 535.5–6; 552.31–32; 560.19–28; 562.1–16] и современными исследователями признана важнейшим источником сведений об утраченном общем его грамматическом труде [Law 1987: 71–80; De Paolis 2000: 193, 197; Biddau 2008: XXXI]. Скавр был автором общего руководства по латинской грамматике (*Artis grammaticae libri*), от него дошло пособие по орфографии, где обнаруживается, в частности, особое внимание автора к фонетике; он много занимался фигурами речи и поэтической стилистикой [HLL 4 (1997), § 433]. Авторитет Скавра был столь высок, что Плиний Младший (61/62–113/115 гг. н. э.) послал ему на суд одну из своих речей перед опубликованием, потомки запомнили его в роли грамматика при дворе императора Адриана (117–138 гг. н. э.) [Ibid.].

Но, как было отмечено, позднеантичные грамматикосы применяли термин *significatus* и вполне самостоятельно, когда речь шла о том или ином отношении между формой и значением. Такого рода примеры мы находим у ряда грамматиков начиная с Авла Геллия [Gell. *Noct. Att.* 5.12.9–10; I 225.19–226.2]. Два примера находим у Марии Викторины, грамматика и известного философа первой половины и середины IV в. н. э. [GL VI, 13.12–15; 21.13–17], один у Харизия [Char. В. 71.11], четыре у Сервия (жил на рубеже IV–V вв.) [Serv. *In Aeneid.* I 140; I 156; IV 56; XII 336.18–20] и один у Консенция [GL V, 348.].

Применение термина *significatus* при обозначении глагольного залога представляет, как мы видим, частный случай его применения при указании на отношение значения слова к его форме или формам, но случай характерный и тем более важный, что у римских грамматиков отношение формы и значения в сфере глагольных залогов получило очень подробную разработку, и это, как можно предполагать, и обусловило дальнейшее использование в качестве термина, именующего категорию залога, понятия *significatio*, родственного *significatus*, но не связанного с представлением о нарочитом указании. Картина, однако, не будет полной, если мы не учтем возможные греческие прецеденты.

4. Термины *τὸ σημαίνόμενον* и *ἡ σημασία* в греческой грамматике периода Принципата

Избирательное применение одного из двух близких по значению терминов, *significatus* и *significatio*, находит соответствие в подобном же применении терминов *τὸ σημαίνόμενον* и *ἡ σημασία* в греческой грамматике. Первое из них было субстантивированным причастием и указывало, собственно, на *означаемое*, иначе говоря, его смысл был всегда достаточно конкретен и его применение должно было побуждать к повышенному вниманию, как это было с применением латинского *significatus*. Значение термина *σημασία* в целом совпадало со значением латинского *significatio*⁴. Выбор в пользу первого из этих терминов при описании неординарного отношения между формой слова и его значением в целом соответствует основному применению термина *significatus* в латинских грамматических текстах. Применение обоих терминов в сфере глагольного залога обнаруживает, как мы увидим ниже, влияние давней традиции, восходящей к учению стоиков о языке. В то же время в греческих текстах не обнаруживается такой специализации понятия *σημασία* применительно к описанию глагольных залогов, какую получило латинское *significatio* у позднеантичных грамматиков. Тем не менее нельзя исключать влияния греческой

⁴ На важное место терминов *ἡ σημασία* и *τὸ σημαίνόμενον* в категориальном аппарате Аполлония Дискола обратил внимание Лионель Дюмарт, выделил он и интересующее нас значение последнего (*le signifié du mot*) [Dumarty 2021: 18–19].

традиции на римских грамматиков, разрабатывавших учение о глагольных залогах, таких, как Валерий Проб, а тем более на тех из них, кто рассуждал вообще о соотношении грамматической формы и значения слов, как римский эрудит Авл Геллий, или речевых оборотов и содержания мысли, как выдающийся грамматик и филолог Теренций Скавр.

О греческой традиции мы можем судить главным образом по трудам грамматиков середины и второй половины II в. н. э., Аполлония Дискола и его сына, Геродиана. Их труды не могли быть источником для Проба и Скавра, сомнительно, чтобы с ними мог познакомиться и Авл Геллий в свои молодые годы, когда он писал «Аттические ночи». Но они содержат значительный материал из сочинений предшественников Аполлония и Геродиана. Оценка источников обоих грамматиков требует тщательного анализа, учета хронологии трудов предшественников, как и биографических сведений об авторах. Опыт такого исследования мы здесь представляем.

4.1. Термины *ἡ σημασία* и *τὸ σημαίνόμενον* в трудах Аполлония Дискола и в их источниках

В своих ранних сочинениях на специальные темы Аполлоний испытал значительное влияние словоупотребления предшественников, хотя бы он и упоминал их суждения или цитировал отрывки из их сочинений главным образом в полемике с ними. Несомненно, главным его предшественником был Трифон Александрийский, учивший примерно в середине I в. до н. э. Так, в *De pronomine* Аполлоний приводит мнение Трифона в девяти случаях, в *De adverbis* — в тринадцати, но особенно часто ссылки на Трифона мы встречаем в самом малом сочинении Аполлония — *De coniunctionibus*. В издании фрагментов трудов Трифона Артур Велсен поместил 20 отрывков, обнаруженных им в этом сочинении Аполлония, причем Трифон упоминается там 26 раз (на один отрывок может приходиться несколько упоминаний) [Velsen 1853: 34–45]. В одном из отрывков *De coniunctionibus* зависимость Аполлония от Трифона в выборе термина *σημασία* представляется весьма вероятной: за словом *σημασία* в конце одной фразы следует цитата из сочинения Трифона, которая служит уточнением к только что высказанному общему положению [Apol. Dysc. *Coniunc.* 247.22–29].

Напротив, в «De constructione», не только обширном, но и по-настоящему оригинальном труде Аполлония, удалось насчитать лишь 10 упоминаний имени Трифона. Но в этом же сочинении Аполлоний приводит семь раз мнение Хаброна [Berndt 1915: 1452–1453], причем в одном случае нельзя исключить влияния последнего на сделанный Аполлонием выбор в пользу редкого в этом его труде термина *τὸ σημαίνόμενον* — случай для нас тем более интересный, что термин *τὸ σημαίνόμενον* применен в сопоставлении с указанием на звуковую форму слова: *καὶ ἔνεκα τῆς φωνῆς καὶ ἔνεκα τοῦ σημαίνομενον* («как в зависимости от формы, так и в зависимости от значения») [Apol. Disc. *Synt.* 249.9]. Пример этот, однако, требует некоторого комментария. Аполлоний посвятил значительный раздел теме составных форм местоимений (*αἱ σύνθετοι ἀντωνυμίαι*) в 3 л. мн. ч. и в начале его привел суждения Хаброна об этом предмете, а затем развернул детальное опровержение высказываний Хаброна [Ibid. 244.10–250.2], причем рассмотрел и затронутую Хаброном тему отсутствия форм притяжательных местоимений в третьем лице двойственного числа [Ibid. 248.10–250.2]. В конце последней части, а вместе с тем и всего раздела он и употребил приведенное выше выражение с понятием *τὸ σημαίνόμενον*, начав, однако, фразу ссылкой на особое мнение неких предшественников: *ὡς τινες ᾤθησαν* («как некоторые предположили»). Это обстоятельство не исключает возможного влияния Хаброна на выбор термина *σημαίνόμενον* в рассматриваемом случае, но не позволяет высказываться о таком влиянии с уверенностью.

То, насколько часто термины *ἡ σημασία* и *τὸ σημαίνόμενον* применены в каждом из названных сочинений Аполлония, не отражает прямо его зависимость от трудов Трифона

и Хаброна или другого конкретного источника, ведь здесь сказывался и характер предмета, и влияние еще более древней традиции. Но обратим внимание на два обстоятельства. В двух ранних специальных трудах Аполлония мы встречаем оба понятия намного чаще, чем в зрелом его общем труде *De constructione*. В *De pronomine*, самом раннем труде Аполлония [Schmidhauser 2005: 146–150], термин *ἡ σημασία* применен в девяти случаях, а *τὸ σημαίνόμενον* — в пятнадцати; в следующем по времени сочинении Аполлония, *De adverbiiis*, оба термина встречаются особенно часто: соответственно, в 18 и 20 случаях. А вот в *De constructione*, сочинении большем по своему объему, чем три другие дошедшие до нас его сочинения вместе взятые, мы находим только пять примеров применения первого термина и 16 примеров применения второго. Особый случай представляет самый малый труд Аполлония, *De coniunctionibus*, где термин *ἡ σημασία* применен лишь в четырех случаях, а *τὸ σημαίνόμενον* вообще только в двух. Но здесь, как мы увидим ниже (п. 4.3), сказалось очевидным образом влияние более древней традиции, в которой отдавалось предпочтение синонимичному *τὸ σημαίνόμενον* термину *τὸ δηλούμενον*. Наконец, имеет значение для наших дальнейших наблюдений и результат общих подсчетов: в совокупности случаи применения терминов *ἡ σημασία* и *τὸ σημαίνόμενον* у Аполлония составляют соотношение приблизительно 2 : 3.

4.2. Термины *ἡ σημασία* и *τὸ σημαίνόμενον* в сочетании с термином *φωνή* ('артикулируемый звук') у Аполлония Дискола и Геродиана

Рассмотрим теперь тот ряд примеров в сочинениях Аполлония, где одно из двух названных понятий сопоставлено с понятием *φωνή* ('артикулированный звук'), причем дополним примеры, которые находим у Аполлония, примерами из сочинений его сына и преемника в александрийской грамматической школе — Геродиана.

Нам удалось обнаружить лишь два примера, где понятие *σημασία* выступает в сопоставлении с понятием *φωνή*. Один раз оно применено при указании на одинаковое значение исходной формы наречия и производной от нее [Apol. Dysc. Adv. 178. 3–9], а в другой раз при указании на форму наречия, допускающей разные значения [Apol. Dysc. Synt. Add. 201.21–202.3]. С этими примерами явно контрастирует группа из пятнадцати найденных нами примеров с термином *τὸ σημαίνόμενον*. В восьми из них представлены случаи, где опять-таки либо разные формы имеют одно значение [Apol. Dysc. Adv. 158.13–15, 184.16–18, 185.7–8; Synt. Add. 208.3–9], либо форма меняется при сохранении исходного значения [Apol. Dysc. Coniunc. 254.6–8; Synt. 484.1–12], либо одна форма включает разные значения, когда, например, в слове не выражено различие по роду [Apol. Dysc. Synt. 35.12–15] или когда слово передает собирательное представление о конкретных грамматических явлениях [Apol. Dysc. Coniunc. 253.23–28]. Близок последнему примеру и тот случай, когда слово в форме единственного числа выражает представление о некоем множестве [Herod. II 1, 44.30–34]. Как случай расхождения между формой и значением можно рассматривать пример у Геродиана со «словами среднего рода» (*τὰ οὐδέτερα*), каковыми они могут быть либо по форме и значению, либо по форме, но не по значению (*ἢ τῇ μὲν φωνῇ ἔστιν οὐδέτερα τῷ δὲ σημαίνοντι οὐκ ἔστιν οὐδέτερα*) [Herod. II 2, 765.16–22].

В четырех случаях из пятнадцати применены довольно сильные выражения для указания на совпадение грамматической формы слова и его значения. В одном из них, где мы предположили некоторую связь с влиянием Хаброна (п. 4.1), Аполлоний Дискол настаивает на самом существовании (*ἔστιν γὰρ*) местоимений в форме генитива третьего лица двойственного числа, хотя и признает факт отсутствия производных от них форм притяжательных местоимений [Apol. Dysc. Synt. 249.8]. В другом месте указание на соответствие формы и исходного значения слова служит доводом в пользу истолкования имен прилагательных *ἑμεδαπός* ['наш отечественный'] и *ὕμεδαπός* ['ваш отечественный'] как сложных

местоимений [Ibid. 256.2-3]. Еще интереснее случай, где Геродиан приводит предложенное Трифоном объяснение формы *λιμός* ('голод') на основе сближения с глаголом *λείπω* ('покидаю') и путем отсылки к языковой традиции, *παράδοσις*, которая подсказывала в подобных словах замену дифтонга [ei] долгим [i]. В результате таких превращений форма слова, по словам Трифона, претерпела то, что заключалось в самом его значении, т. е. некоторую утрату: *συνέπαθε ἡ φωνὴ τῷ σημαίνοντι* [Herod. II 1, 545.21–25], ср. [Wendel 1939: 728.63–729.13]. Здесь же Геродиан привел и толкование той же формы Аполлонием, который возводил ее к названному глаголу, но при этом указал на возможное дополнительное звено в образовании формы *λιμός* [Herod. II 1, 545.26–30]. Таким же способом, хотя уже без прямой ссылки на Трифона, объясняет Геродиан в другом месте этимологию названия селения на Пелопоннесе *Χιράδες* [Ibid. 605.29–34].

Не менее показательны и два оставшиеся примера, один из которых уже упоминался выше, но в иной связи [Herod. II 1, 44.30–34]. Оба они позволяют нам соприкоснуться с коренными воззрениями Аполлония Дискола и Геродиана на грамматический строй языка. В своих ученых разработках оба грамматика постоянно исходили из представления о том, что структура речи и высказываний определяется не грамматическими формами, а отношениями в сфере мыслимого или означаемого, и здесь они сознательно следовали главным постулатам стоического учения о языке [Blank 1993: 722–726]. Так, относительно сложных форм местоимений в генитиве, применяемых в качестве обстоятельства места, Аполлоний говорит, что нельзя считать их относящимися к категории наречий, исходя лишь из отличающего их способа словообразования, но надо принять во внимание, сохранили ли они или же утратили исходное свойство образовывать определенное сочетание с другими словами (*σύνταξις*) [Apol. Dysc. Pron. 67.3–7]. Свои слова Аполлоний подкрепляет общей мыслью: не по формам были разделены части речи, а по значениям (*οὐ γὰρ φωναῖς μεμέρισται τὰ τοῦ λόγου μέρη, σημαίνουσι δέ*) [Brandenburg 2005: 409; Lallot 1997, I: 121, II: 45, n. 186–187]. Объясняя сочетание формы единственного числа *δῆμος* со словами во множественном числе, Геродиан в свою очередь подводит частный случай под общую мысль: «ведь соответственно значению устроен синтаксис» (*τῷ οὖν σημαίνοντι ἢ σύνταξις ἐγένετο*) [Herod. II 1, 44.33].

Рассмотренные примеры из сочинений Аполлония Дискола и Геродиана показывают, что там, где речь шла о расхождении между грамматической формой и значением, или же надо было, напротив, подчеркнуть тесную связь между формой и значением, оба автора обычно применяли понятие *τὸ σημαίνον*. В решительном предпочтении, отдаваемом ими последнему в определенном контексте, можно усмотреть следование сложившейся традиции, о чем, в частности, говорит и цитата из сочинения Трифона у Геродиана. Более того, общие высказывания Аполлония и Геродиана о зависимости грамматического строя языка от отношений в области мыслимого и означаемого заставляют думать о философском источнике их идей, и эта тема заслуживает, как мы увидим, особого рассмотрения. Но, прежде чем коснуться этой темы, дополним собранный материал примерами из византийских схолий к грамматике IV в., приписываемой Дионисию Фракийцу.

4.3. Термины *ἡ σημασία* и *τὸ σημαίνον* в сочетании с термином *φωνή* в схолиях к «Грамматике Дионисия Фракийца» и в философской традиции

При тщательном анализе схолий порою удастся обнаружить фрагменты утраченных сочинений античных грамматиков, но чаще пересказ суждений этих грамматиков или хотя бы использование терминов и выражений, которые могли быть почерпнуты в определенном источнике. Вот пример из схолий, названных «Scholia Marciana» по месту хранения рукописной копии в венецианской Национальной библиотеке Св. Марка Gr. Z. 489 (coll. 0884):

Τί ἐστὶ γένος; Ποιότης ὀνόματος ὑπὸ τῶν ἄρθρων διαιρουμένη. Καὶ ἄλλως | πτωτικῆς λέξεως **χαρακτήρ** σημαίνων τὸ ἐν φωνῇ ἄρσεν ἢ θῆλυ ἢ οὐδέτερον. Καὶ | **σημειωτέον** ὅτι ἐγκεῖται τῷ ὄρφ τὸ «ἐν φωνῇ», ἐπεὶ οἱ φιλόσοφοι **οὐκ ἀπὸ φωνῆς** | 15 νοοῦσι τὰ γένη, **ἀλλ' ἀπὸ τῆς σημασίας** [Sch. Dion. Thr. 361.11–15].

Что есть род? Качество имени, определяемое в зависимости от артиклей. И иначе: признак склоняемого по падежам слова, обозначающий в звуке мужское или женское, или же ни то ни другое. И следует отметить, что в определение включено [выражение] «в звуке», так как философы мыслят роды исходя не из звука, а из значения.

Противопоставление одного из определений грамматического рода подходу философов к этой теме представляет для нас немалый интерес, хотя в отличие от античных авторов, того же Аполлония или Геродиана, поздний автор глоссы счел излишним или невозможным связать приведенный им тезис с определенной философской школой. Но не меньшего внимания в этом примере заслуживает и сочетание понятий *χαρακτήρ*, *φωνή* и *σημασία*, определенное соответствие каковому мы обнаруживаем в таком отрывке IV книги «De constructione» Аполлония Дискола, дошедшей до нас лишь частично:

ἐστὶν ἃ καὶ ἐπικλιωνεῖ, κατὰ τὸν αὐτὸν | **χαρακτήρα σημασίαν** ἔχοντα τὴν εἰς τόπον καὶ ἐν τόπῳ, οὐ μὴν τὴν | ἐκ τόπου... **σπάνια μὴν** | ἐστὶ τὰ **διὰ μῖας φωνῆς** τὴν τριστῆν τῶν τοπικῶν ἐπιτεχόμενα διάστασιν, | ὡς ἔχει τὸ πρόσθεν καὶ εἴ τι τοιοῦτον [Apol. Dysc. *Synt. Add.* 201.21–25].

Есть такие [наречия], которые соединяют в одной форме значения «к [такому-то] месту» и «в [таком-то] месте», но не «из [такого-то] места»... Весьма же редки те, которые допускают [обозначение] одной словесной формой тройкого пространственного расположения...

Аполлоний здесь рассматривает различное соотношение форм и значения у наречий места действия, но делает это, проводя аналогию с именами, где соотношение формы и значения рода представляет в определенном смысле сходный случай [Ibid. 201.9–21]. Таким образом, по общей своей теме приведенное место из «De constructione» не расходится существенно с текстом из «Scholia Marciana», как это могло бы показаться при первом сопоставлении двух отрывков. Лишнее свидетельство зависимости византийского автора от соответствующих суждений как самого Аполлония Дискола, так и его предшественников можно усмотреть, кроме того, в употреблении довольно редкого выражения *σημειωτέον* «следует отметить». У Аполлония мы находим его в том месте, где в споре с Трифоном он рассматривает особое соотношение форм имен прилагательных и наречий одного корня [Apol. Dysc. *Adv.* 152.27–153.9].

Уже знакомое нам сочетание трех понятий, *ὁ χαρακτήρ, ἡ φωνή, τὸ σημαίνόμενον*, мы вновь встречаем в «Scholia Vaticana», названных так по рукописи Ватиканской библиотеки Vat. gr. 14, а именно в комментарии к тексту грамматики, приписываемой Дионисию Фракийцу, *καὶ πληθυντικοῖ [χαρακτήρες] κατὰ ἐνικόν τε καὶ δυνικῶν [λεγόμενοι]* («есть и слова в форме множественного числа, по смыслу применяемые как слова в форме единственного или двойственного числа») [Dion. Tr. *Ars gramm.* 31.3–4]:

Συμβαίνει | πάλιν, φησίν, ἐκ τοῦ ἐναντίου, πληθυντικὸν ἔχειν **χαρακτήρα** τὸ ὄνομα, | σημαίνεσθαι δὲ ἐξ αὐτοῦ ἐναντίως <ἐνικόν>. *Θῆβαι* γὰρ τύπος πληθυντικός, | ἡ δὲ πόλις μία ἐστίν. Τὰ δὲ τοιαῦτα καὶ οἱ ποιηταὶ οὕτω προφέρονται, τὰς | μὲν Ἀθήνας *εὐρύραγιαν* <*Ἀθήνην*>, ὅτι **τῇ φωνῇ** μὲν πληθυντικὸν ἐστίν, **τῷ δὲ σημαίνοντι** ἐνικόν· τοιοῦτο δὲ καὶ τὸ *θῆβαι*, | ὡς καὶ ὁ ποιητὴς εἶπε πρὸς τὸ σημαίνόμενον *Θῆβην ὑψί-πυλον* [Sch. Dion. Thr. 230.10–17].

Бывает, с другой стороны, говорит он, что имя имеет форму множественного числа, означает же им, напротив, [то,] что [должна была бы обозначать] форма единственного числа от него самого. Ведь *Θῆβαι* («Фивы») суть форма множественного

числа, а город один. А поэты подобное представляют так: Афины как *широкоуличная* (ед. ч.), так как «по звуку» название города во множественном числе, а по значению — в единственном; то же с Фивами, так, например, сообразно значению поэт говорит: *Θήβην* *высоковоротная* (ед. ч.)

В этом примере было бы, пожалуй, бесполезно искать прямое отражение какого-либо позднеантичного текста, но набор основных понятий восходит, очевидно, к тем же образцам, что и предыдущий пример. Напротив, в следующем примере, для нас особенно интересном, прямые заимствования у античного автора совершенно очевидны. Это подтверждается сопоставлением с подобным текстом у Аполлония Дискола, в то же время обильная философская лексика, в целом не характерная для самого Аполлония, указывает и на более древний источник. Чтобы в должной мере оценить этот пример, необходимо принять во внимание характер схолий, в которых он содержится.

Без достаточных оснований их автор, Гелиодор, был сочтен эпигоном грамматика IX в. Георгия Хировоска, между тем есть причины отнести его творчество к периоду ранее времени жизни Хировоска [Мажуга 2011: 274–275]. В своих схолиях к учебнику, приписываемому Дионисию Фракийцу, Гелиодор сопоставил, в частности, содержащееся в учебнике определение глагола с тем определением, которое было дано глаголу в утраченном ныне раннем сочинении Аполлония Дискола о глаголе [Schmidhauser 2005: 145–146], причем определение Аполлония Гелиодор признал лучшим [Sch. Dion. Thr. 71.9–72.19]. В другом месте, выражая свой восторг перед ученостью и проницательностью грамматика Геродиана, сына Аполлония, а равно и перед такими же достоинствами самого Аполлония, Гелиодор называет их *μεγάλοι τεχνουργοί* («великие создатели сочинений об искусстве грамматики»), и это опять по поводу трактовки знакомой нам уже темы (п. 4.1) составных форм притяжательных местоимений в третьем лице [Ibid. 89.23–27]. Суждения Гелиодора в названном примере относятся непосредственно к теме разделительных союзов у Псевдо-Дионисия Фракийца, но попутно затрагивается и случай с формами глагольных залогов:

Ἠπορήθη, πῶς σύνδεσμοι λέγονται οἱ προκειμένοι, μαχομένην ἔχοντες |20 τὴν ἐξ αὐτῶν σημασίαν τῇ θέσει τοῦ ὀνόματος μάχεται γάρ τὸ συνδεῖν | τῷ διαζευγνύειν. Καὶ ἔχεται ἀπολογίας ἢ προκειμένη ἀπορία, ἐπεὶ καὶ | ἐπ’ ἄλλων ἔστιν ἐπινοῆσαι ταῦτόν· ὀρθὴν μὲν γάρ φαμεν καὶ πᾶσιν, | καὶ τὸ μάχομαι φωνῇ παθητικόν, σημασιμένῳ δὲ ἐνεργητικόν, καὶ τὸ | Θήβαι φωνῇ πληθυντικόν, σημασιμένῳ δὲ ἐνικόν... [Sch. Dion. Thr. 104.19–24].
Поставлен затруднительный для ответа вопрос, как это рассматриваемые [союзы] называются союзами, имея вытекающее из их роли значение, которое противоречит основному [общему] названию, ведь «связывать» противоположно «разделять». Есть ответ на поставленный вопрос, коль скоро и в отношении других терминов может мыслиться то же самое, ведь мы говорим *прямоῦ* (т. е. «именительный») и *надеж*, а *μάχομαι* («сражаюсь») по форме [глагол] в страдательном залоге, а по значению в действительном, равно и название *Фивы* [имя] во множественном числе, а по значению в единственном...

Нетрудно заметить переключку этого примера с предыдущим. И здесь и там при указании значения, присущего определенным формам слов, применяется характерное выражение *ἐξ αὐτοῦ* / *ἐξ αὐτῶν*, в обоих примерах указан случай с названием *Фивы*. Но гораздо важнее факт совпадения значительной части текста в последнем примере с соответствующим местом в *De coniunctionibus* Аполлония Дискола. Приведем отрывок из этого сочинения Аполлония, выделив слова, совпадающие с текстом Гелиодора:

Ἠπορήθη πῶς σύνδεσμοι οἱ προκειμένοι, μαχομένην ἔχοντες τὴν |15 ἐξ αὐτῶν δύναμιν τῇ θέσει τοῦ ὀνόματος, εἶγε τὸ συνδεῖν τῷ δια-ζευγνύειν μάχεται. Ἔχεται ἀπολογίας ἢ προκειμένη ἀπορία, ὡς καὶ | ἐπ’ ἄλλων ἔστιν ἐπινοῆσαι ὡς τὰ αὐτὰ ὄντα μαχομένην πολλακίς | ὀνομασίαν ἀνεδέξατο. φαμέν τὸ μάχομαι παθητικόν, καὶ δῆλον ὅτι τῷ |

τύπων τῆς φωνῆς: εἰ γὰρ ἀπὸ τοῦ δηλουμένου, δῆλον ὅτι ἐνεργητικόν. |20 ἀλλὰ μὴν καὶ τὸ παιδίον οὐδέτερον διὰ τὸν τύπον, ἐπεὶ ἀμφοτέρων | ἐστὶ διὰ τὸ δηλούμενον... ἀλλὰ καὶ τὸ Θῆβαι 216.1 πληθυντι-κόν, καὶ μία ἡ ὑποκειμένη πόλις [Apol. Dysc. *Coniunc.* 215.14–216.1].

Поставлен затруднительный для ответа вопрос, как это рассматриваемые [союзы] называются союзами, имея вытекающее из их роли значение, которое противоречит основному [общему] названию, так как «связывать» противоположно [понятию] «разделять». Имеется тот ответ на поставленный вопрос, что и в отношении других [слов] может быть взято в рассуждение, что, будучи теми же самыми, они во многих случаях получили противоречащие друг другу обозначения. Мы говорим, что *μάχομαι* («сражаюсь») [глагол] в страдательном залоге, и ясно, что это в соответствии с типом морфологии, а если исходить из означаемого, ясно, что [глагол] в действительном залоге. Потом еще [слово] *παιδίον* («дитя»), имеющее грамматический род *οὐδέτερον* («ни тот ни другой»), согласно морфологическому типу, ведь оно *ἀμφοτέρων* («и тот и другой»), судя по означаемому... Но и *Φίβης* во множественном числе, тогда как город, о котором речь, один.

У Аполлония, однако, применено понятие *τὸ δηλούμενον* («показанное», «явленное»), где Гелиодор, как и автор Ватиканских схолий, применил понятие *τὸ σημαίνόμενον*. Замену одного понятия другим можно отнести на счет Гелиодора. Но нельзя исключать и заимствование Гелиодором иного варианта текста все у того же Аполлония, ведь последней части текста одного своего сочинения воспроизводил порой с небольшими изменениями в другом сочинении [Dumarty 2021: 66–67]. Еще более вероятно заимствование такого варианта текста у Геродиана. Отметим, что в упомянутом выше суждении об именах, относящихся к среднему роду по своей форме, но не по значению (п. 4.2), Геродиан использовал такой же пример со словом *τὸ παιδίον* «дитя», какой содержится в приведенном отрывке из *De coniunctionibus* Аполлония, и применил там сочетание понятий *τὸ σημαίνόμενον* и *ἡ φωνή* [Herod. II 2, 765.16–22].

Само по себе применение у Аполлония термина *τὸ δηλούμενον* там, где можно было бы ожидать термин *σημαίνόμενον*, имеет для нас не столь большое значение. Есть ряд мест в сочинениях Аполлония Дискола, где понятия *τὸ δηλούμενον* и *τὸ σημαίνόμενον* применены рядом как синонимы [Apol. Dysc. *Adv.* 158.13–15, 184.16–18; *Coniunc.* 253.23–28; *Synt.* 208.3–9, 484.10–12]. Аполлоний чаще, чем любой другой известный автор, применяет понятие *τὸ δηλούμενον*, причем в *De coniunctionibus* особенно часто — 47 раз, тогда как в *De pronomine* только три раза, в *De adverbis* 13 раз, а в *De constructione* 20. И тут мы должны напомнить о том, что в небольшом трактате о союзах намного чаще, чем в других сочинениях, он упоминает имя грамматика Трифона. Исключительно частое в *De coniunctionibus* применение понятия *τὸ δηλούμενον* с несомненностью свидетельствует о зависимости Аполлония от своих источников. Но в рассматриваемом месте Аполлоний опирался, хотя бы опосредованно, и на другой важный источник.

Приведенное здесь суждение Аполлония взято в той его части, где Аполлоний приступает к собственному опыту описания союзов в соревновании со стоиками, причем предварительно изложив суть их доктрины, главным образом на основе труда Посидония (ок. 135–50 г. до н. э.) о союзах (*Περὶ συνθέσεων*). Как элемент сложного высказывания, союзы привлекали особое внимание стоиков, причем в противоположность Аристотелю стоики настаивали на их семантической нагрузке в предложении, сходной с той, которую несли предлоги и приставки, так что последние включались ими в общий класс союзов. Свою задачу Аполлоний видел в том, чтобы заново определить, какие именно слова следует считать союзами, но у него не было установки на систематическое опровержение учения стоиков о союзах, напротив, исследователи отмечают общую зависимость его трактата от стоической традиции [Dalimier 2001: 235–236; Émond 2009: 59–60]. Отметим, что далее в своем трактате Аполлоний называет еще одного философа-стоика, Херемона (учитель Нерона

ранее 49 г. н.э.) [van der Horst 1984: IX–XI], и излагает его суждения об одной группе союзов [Apol. Dysc. *Coniunc.* 247.30–248.13; Dalimier 2001: 385–386].

Сам Посидоний мог применять как термин *τὸ δηλούμενον*, так и *τὸ σημαίνόμενον*, ведь, если верить Диогену Лаэртскому, последний входил в определение стоической диалектики, которая у стоиков разделялась на две основные области: означаемого и область артикулируемого звука: *Τὴν δὲ διαλεκτικὴν διαρεῖσθαι εἰς τε τὸν περὶ τῶν σημαινομένων καὶ τῆς φωνῆς τόπον* [Diog. Laert. *Vit. phil.* VII, 43]. Определение диалектики в такой форме утвердилось, вероятно, в период деятельности стоика Диогена Вавилонского (ок. 240 — ранее 150 г. до н. э.) и его учеников [Hülser 1979: 285]. В область означаемого входила вся теория мышления и система суждений.

Нет сомнений в том, что стоики уделили немалое внимание группе противительных союзов, которые служили для связи слов в предложении или связи простых предложений в сложносочиненном и одновременно обозначали отношения несовместимости и взаимоисключающие действия. Естественно, что именно вокруг случая с противительными союзами группировались другие примеры расхождения между словесным определением грамматической категории и реальным значением конкретных слов в предложении, как это мы видим в отрывке из «De coniunctionibus» Аполлония и в сходном с ним отрывке из сохий Гелиодора. Оба отрывка свидетельствуют, что пример с расхождением морфологического и смыслового определения глагольного залога уже в источниках Аполлония входил в основной набор примеров расхождения морфологии и семантики. Особое место среди этих источников принадлежало трудам философа-стоика Посидония.

4.4. Главное в наблюдениях о применении терминов *τὸ σημαίνόμενον* и *significatus*

Оба термина служили преимущественно указанию на особое соотношение формы слова и его значения. Не исключено, что римские грамматика периода Принципа применяли латинский термин *significatus* под определенным влиянием греческой грамматической традиции, восходившей еще к стоикам. От стоика Посидония идет традиция применения близких по значению терминов *τὸ δηλούμενον* и *τὸ σημαίνόμενον* к характеристике противительных союзов, основная функция которых находилась в некотором противоречии с общим обозначением части речи, к которой они относились. Случай с противительными союзами Посидоний сопоставил с подобным расхождением между формой обозначения и смыслом слова в учении о частях речи, причем важное место в ряду таких примеров получили глагольные залого. Весьма заметную роль в развитии грамматической теории, а вместе с тем и терминологического инструментария грамматиков сыграл александрийский грамматик Трифон, который применял наряду с термином *τὸ σημαίνόμενον* родственный ему термин *τὸ δηλούμενον* — последнему он отдал предпочтение в своем труде о союзах. В то же время есть некоторые основания предполагать, что его ученик Хаброн, действовавший в Риме в эпоху Августа, широко применял, а возможно и предпочитал, термин *τὸ σημαίνόμενον* (п. 4.1). Обращение Проба к наследию Хаброна представляется весьма вероятным (п. 3.1).

Формы глагола были едва ли не основным предметом ученых трактатов Валерия Проба (п. 3.1), ср. [Varatin 1989: 186 sqq.; Mazhuga 2009: 135–136]. Вместе с тем Проб, по-видимому, размышлял и над значением союзов в сложноподчиненном предложении [Diom. *Ars gr.* 392.1–395.10; Varatin 1989: 197], а следовательно, был хорошо знаком в целом с учением греческих грамматиков о союзах в сложном предложении. Допустимо предположение, что этот грамматик воспользовался греческими разработками темы формы и значения, но применил их главным образом к теории латинских глагольных залогов. В любом случае представляется очевидной его роль в развитии этой теории, о чем свидетельствует

применение им термина *significatus*, а возможно и *significatio*, при описании форм залогов. Несомненно его влияние на позднеантичных грамматиков, в особенности на Диомеда. При всем том труды Проба составили лишь некоторую основу дальнейших разработок римских грамматиков в области глагольных залогов.

В заключение на примере применения термина *significatio* попробуем проследить, насколько это возможно, основную линию дальнейшего развития теории глагольных залогов с конца II в. н. э. до середины IV в. н. э.

5. Термин *significatio*, именующий категорию залога, в трудах позднеантичных грамматиков

Опыт Валерия Проба в деле описания глагольных залогов мог быть подхвачен и развит на рубеже II–III вв. н. э. выдающимся римским грамматиком Флавием Капром [HLL 4 (1997), § 438.2]. О близости трудов Капра творчеству Проба свидетельствует Прициан (годы творчества ок. 485–525 г.), причем там, где речь идет о форме и значении. Так, приводя примеры имен одного и двух родовых окончаний, Прициан указывает читателю, что другие примеры он найдет в трудах Капра и Проба об обозначениях рода, вызывающих сомнение: *supra dictorum tamen nominum usus et apud Caprum et apud Probum de duobus generibus inuenis* [Prisc. Inst. gr. I, 171.14–15 (GL II)]. И опять он отсылает к трудам Капра, Плиния и Проба, когда говорит о примерах применения у древних авторов глагольных форм действительного залога вместо форм страдательного и, наоборот, страдательного залога вместо действительного [Ibid. II 392.6–393.14, cf. 8–14]. Однако, судя по дошедшим до нас фрагментам сочинений Капра, при всем богатстве частных наблюдений эти сочинения содержали не так много теоретических разработок [Rutella: 1977: 153–154]. Капр, несомненно, участвовал в передаче наследия Проба, исследователи отмечают заимствования из его трудов в сочинениях тех авторов, у которых мы обнаруживаем первые примеры применения термина *significatio*, именующего категорию залога [Keil 1889: 289–292; De Nonno 1983: 419–420; HLL 5 (1989), § 522.3–4; § 524]. Трудно, однако, определить его собственный вклад в разработку темы залогов.

Как бы то ни было, первые несомненные примеры применения термина *significatio*, именующего категорию залога, мы находим лишь начиная с конца III в. Мы видим, что грамматика Сакердос (расцвет творчества ок. 285/286 г.) и Палладий (расцвет творчества ок. 305 г.) применяют к глагольным залогам именно термин *significatio*. Однако они еще не отделяют формы залогов от таких типов производных глагольных форм с характерной семантикой, как *начинательные* (*inchoativa*), глаголы *многократного действия* (*frequentativa*), а равно и недостаточные глаголы (*defectiva*). Сакердос добавляет к ним и тип безличных глаголов (*inpersonale*) [GL VI, 429.27–29; IV, 156.9–11]. Отметим еще, что Сакердос применяет понятие *significatio* вместе с термином *genus verborum* ко всей названной группе глагольных форм, у Палладия же только последний термин сохраняет такое общее значение, в то время как понятие *significatio* во множественном числе служит собственно обозначению конкретных восьми типов форм в этой группе: *genus siue qualitas uerborum octo his significationibus intellegitur* [GL IV, 156.9–10].

Важную роль в разработке терминологии залогов сыграл, несомненно, Коминиан, который предположительно применял к залогам термин *significatus* наряду с термином *significatio* (п. 3.2). Но к этому можно только добавить, что он знал труды Сакердоса, был, возможно, его младшим современником.

Первым, у кого понятие *significatio* выступает со всей определенностью в качестве обозначения категории глагольного залога, следует назвать грамматика Диомеда, жившего, как можно думать, в первой половине IV в. Не считая упомянутых в начале статьи примеров с термином *significatus*, в разделе о глаголе и причастии [GL I, 334.12–387.14]

он применяет его в таком значении 28 раз. Ввиду этого обстоятельства еще большее значение для оценки роли Валерия Проба в разработке римского учения о залогах получает свидетельство зависимости от него Диомеда, обнаруженное нами в примерах с термином *significatus* (п.3.1).

Уже ранее была сделана попытка показать на примере одной парадигмы дидактического свойства, что Диомед является предшественником Элия Доната (расцвет творчества ок. 354 г.), автора учебников латинской грамматики, ставших каноническими [Mazhuga 1999: 146–154]. И похоже, что история термина *significatio* как обозначения категории глагольного залога вновь подтверждает именно такую последовательность времени творчества этих грамматиков. В своем учебнике «*Ars maior*» Донат подвел общий итог предшествующим опытам как самой классификации глагольных залогов, так и подбора терминов для обозначения категории залога либо видов залога.

В основном определении категории залога он выдвигает в качестве главного термин *genera verborum*, одновременно указывая, что «другие» называют залогом словом *significationes: genera uerborum, quae ab aliis significationes dicuntur* [Holtz 1981: 635.5]. Показательно, однако, что в других местах термин *genus verborum* у него неизменно дополняется с помощью союза *vel* («или») тождественным по значению термином *significatio*. Учитывает Донат и старую традицию, представленную в учебниках Сакердоса и Палладия, и отмечает, что «некоторые» включают в число форм залогов тип безличных глаголов, как и производные глагольные формы с суффиксом, указывающим на общий характер действия или состояния (*начинательные, многократного действия, желательного действия*) [Ibid.: 633.12–13; 633.5–6].

Выводы

Термин *significatio*, именующий категорию залога, вошел в терминологический аппарат римских грамматиков не ранее конца II в., а скорее, это произошло лишь в течение следующего столетия. Однако основу для применения такого термина заложил еще Валерий Проб не позднее рубежа I–II в. н. э. Если не Коминиан, то Диомед был тем грамматиком, кто в первой половине IV в. н. э. окончательно утвердил применение термина *significatio* к глагольным залогам ввиду недостаточности старого термина *genus verborum*. Применение термина *significatio*, как и родственного ему термина *significatus*, вытекало из рассуждений о тех случаях, когда в той или иной мере нарушалось простое соответствие семантики слова его морфологии. По всей вероятности, уже стоик Посидоний в ряду таких случаев выделял примеры с глагольными залогами. Валерий Проб предположительно усвоил соответствующую греческую традицию через знакомство с трудами грамматика Хаброна, а возможно и других греческих грамматиков, и приложил ее к своему учению о формах глагола. Относительно редко применявшийся термин *significatus* служил выделению тех случаев, когда вопрос о соотношении морфологии и семантики стоял особенно остро или был предметом дискуссии. Прослеживая применение последнего, как и близкого ему греческого термина *τὸ σημαίνόμενον*, удастся установить определенную преемственность в трудах грамматиков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СОКРАЩЕНИЙ

- Apol. Dyc. *Adv.* — Apollonius Dyscolus. *De adverbis*. Apollonii Dyscoli *Scripta minora*. R. Schneider (ed.). Lipsiae: B. G. Teubner, 1878, 117–200 (*GG Pars II*, vol. 1.1).
 Apol. Dyc. *Coniunc.* — Apollonius Dyscolus. *De coniunctionibus*. Apollonii Dyscoli *Scripta minora*. R. Schneider. (ed.). Lipsiae: B. G. Teubner, 1878, 213–258 (*GG Pars II*, vol. 1.1).

- Apol. Dyc. *Pron.* — Apollonius Dyscolus. *De pronomine*. Apollonii Dyscoli *Scripta minora*. R. Schneider. (ed.). Lipsiae: B. G. Teubner, 1878, 3–116 (*GG Pars II*, vol. 1.1).
- Apol. Dyc. *Synt.* — Apollonius Dyscolus. *De constructione libri quattuor*. Rec. Gustavus Uhlig. Lipsiae: B. G. Teubner, 1910 (*GG Pars II*, vol. 2).
- Apol. Dyc. *Synt. Add.* — Apollonius Dyscolus. *Scripta minora*. R. Schneider. (ed.). Lipsiae: B. G. Teubner: 1878: 201–210 (*GG Pars II*, vol. 1.1).
- Apul. *De deo Socr.* — Apuleius Platonicus Madaurensis. *Opera quae supersunt*. C. Moreschini. (ed.). Vol. III: *De philosophia libri*. Stuttgart: B. G. Teubner, 1991, 189–215.
- Char. B. — Flavius Sospater Charisius. *Artis grammaticae libri V*. Ed. C. Barwick, addenda et corrigenda coll. et adiecit F. Kühnert. Stutgardiae et Lipsiae: B. G. Teubner, 1964 (ed. stereotypa 1997).
- Diog. Laert. *Vit. phil.* — Diogenes Laertius. *Vitae philosophorum*. Ed. M. Marcovich. Vol. I. Stutgardiae et Lipsiae: Teubner, 1999.
- Diom. *Ars gr.* — Diomedes. *Artis grammaticae libri III*. Ex recens. Henrici Keilii. *GL I*. Lipsiae: B. G. Teubner, 1857, 297–529.
- Dion. Tr. *Ars gramm.* — Dionysius Thrax. *Ars Grammatica*. Ed. Gustavus Uhlig. Lipsiae: B. G. Teubner, 1883 (*GG Pars I*, vol. 1).
- Donat. *Comm. Terent.* — Aelius Donatus. *Commentum Terentii*. Rec. Paulus Wessner. Vol. 1–2. Stutgardiae: B. G. Teubner, 1966.
- Fest. *De verb. sign.* — Sextus Pompeius Festus. *De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome*. Thewrewkianis copiis usus ed. Wallace M. Lindsay. Lipsiae: B. G. Teubner, 1913.
- Gell. *Noct. Att.* — Aulus Gellius. *Noctium Atticarum libri XX*. Post Martinum Hertz ed. Carolus Hosius. Vol. I–II. Lipsiae: B. G. Teubner, 1913.
- GG* — *Grammatici graeci recogniti et apparatu critico instructi*. R. Schneider, G. Uhlig, A. Hilgard (eds.). Partes I–IV. Lipsiae: B. G. Teubner, 1867–1910.
- GL* — *Grammatici latini*. H. Keil et al. (ed.). Vol. I–VII. Lipsiae: B. G. Teubner, 1855–1880.
- Herod. — *Herodiani technici reliquiae*. Collegit, disposuit, emendavit Augustus Lentz. T. I–II (1–2). Lipsiae: B. G. Teubner, 1867–1868 (*GG Pars III*, vol. I–II.1–2).
- HLL* — *Handbuch der Lateinischen Literatur der Antike*. Herzog R., Schmidt P. L., Sallmann K. et al. München: C. H. Beck, 1989–2020.
- Mart. Cap. *De nupt.* — Martianus Capella. *De nuptiis Philologiae et Mercurii*. Willis J. (ed.). Berlin: Walter De Gruyter, 1983.
- Plin. *Dub. ser.* Beck — C. Plinius Secundus. *Librorum Dubii sermonis VIII reliquiae*. Coll. J. W. Beck. Lipsiae: B. G. Teubner, 1907.
- Plin. *Dub. ser.* DC — *Il Dubius Sermo di Plinio*. Della Casa A. (ed.). Genova: Istituto di filologia classica e medioevale, 1969.
- Pomp. *Com.* — Pompeius. *Commentum Artis Donati*. Ex recens. Henrici Keilii. *GL V*. Lipsiae: B. G. Teubner, 1868, 81–312.
- Prisc. *Inst. gr.* — Priscianus. *Institutionum grammaticarum libri XVIII*, vol. I–II. Ex recogn. Martini Hertzi. Lipsiae: B. G. Teubner, 1855–1859 (*GL*, vol. II–III).
- Sch. Dion. Thr. — *Scholia in Dionysii Thracis Artem Grammaticam*. Rec. Alfredus Hilgard. Lipsiae: B. G. Teubner, 1901 (*GG Pars I*, vol. 3).
- Serv. *In Aeneid.* — *Servii Grammatici qui feruntur in Vergilii Carmina commentarii*. Vol. I–II. Rec. G. Thilo et H. Hagen. Lipsiae: B. G. Teubner, 1881–1884.
- Svet. *De Gram.* — C. Suetonius Tranquillus. *De grammaticis et rhetoribus*. Kaster R. A. (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1995.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Мажуга 2011 — Мажуга В. И. Понятие «действие» и общее определение глагола у стоиков и их последователей. *Colloquia classica et indo-germanica*. Вып. V. Бондарко Н. А., Казанский Н. Н. (отв. ред.). (= *Acta linguistica Petropolitana*, 2011, т. VII, ч. 1.) СПб.: Наука, 2011, 236–296. [Mazhuga V. I. The idea of «action» and the general definition of the verb in the doctrine of Stoics and their successors. *Colloquia classica et indo-germanica*. No. 5. Bondarko N. A., Kazansky N. N. (eds.). (= *Acta linguistica Petropolitana*, 2011, vol. VII, part 1.) St. Petersburg: Nauka, 2011, 236–296.]
- Aistermann 1909 — Aistermann J. *De M. Valerii Probi Berytii vita et scriptis*. Diss. Bonnae: Univ. Rhonana, 1909.

- Baratin 1989 — Baratin M. *La naissance de la syntaxe à Rome*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1989.
- Barwick 1922 — Barwick K. *Remmius Palaemon und die römische Ars grammatica*. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, 1922.
- Berndt 1915 — Berndt R. Die Fragmenta des Grammatikers Habron. *Berliner Philologische Wochenschrift*, 1915: 1451–1455, 1483–1488, 1514–1520.
- Biddau 2008 — Biddau F. *Q. Terentii Scauri De orthographia*: Introduzione, testo critico, traduzione e commento. Hildesheim: Weidmann, 2008.
- Blank 1993 — Blank D. Apollonius Dyscolus. *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Teil II: Prinzipat. Bd. 34.1. Haase W. (Hrsg.). Berlin: W. De Gruyter, 1993, 708–730.
- Brandenburg 2005 — Brandenburg Ph. Apollonios Dyskolos. *Über das Pronomen*: Einführung, Text, Übersetzung und Erläuterungen. München: K. G. Saur, 2005.
- Dalimier 2001 — Dalimier C. Apollonius Dyscole. *Traité des conjonctions*. Introd., texte, trad. et commentaire. Paris: Vrin, 2001.
- De Nonno 1983 — De Nonno M. Frammenti misconosciuti di Plozio Sacerdote. *Rivista di filologia e di istruzione classica*, 1983, 111: 385–421.
- De Paolis 2000 — De Paolis P. Le *Explanationes in Donatum* (GL IV 486–565) e il loro più antico testimone manoscritto. *Manuscripts and tradition of grammatical texts from Antiquity to the Renaissance*. Vol. 1. De Nonno M. et al. (eds.). Cassino: Università degli Studi di Cassino, 2000, 173–221.
- Dumarty 2021 — Dumarty L. Apollonius Dyscole. *Traité des adverbes*. Introduction générale, édition critique, traduction française et commentaire. Paris: Vrin, 2021.
- Émond 2009 — Émond C. *La genèse d'une classe de mots: les conjonctions dans la tradition (pré-)grammaticale de l'Antiquité grecque*. Mémoire présenté à la Faculté des arts et sciences. Montréal: Université de Montréal, 2009.
- Flobert 1975 — Flobert P. *Les verbes déponents latins*. Paris: Belles Lettres, 1975.
- Flobert 1981 — Flobert P. Observations sur les emplois grammaticaux de « significatio ». *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes*, 1981, LV: 25–32.
- Fögen 1997/1998 — Fögen T. Der Grammatiker Consentius. *Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache*, 1997/1998, LXXIV: 164–192.
- Goetting 1899 — Goetting F. *De Flavio Capro Consentii fonte*. Dissertatio. Regimonti Borussiae: ex off. Hartungiana, 1899.
- Holtz 1981 — Holtz L. *Donat et la tradition de l'enseignement grammatical. Étude sur l'«Ars Donati» et sa diffusion (IVe–IXe siècles) et édition critique*. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1981.
- van der Horst 1984 — van der Horst P. W. *Chaeremon, Egyptian priest and Stoic philosopher: The Fragments collected and translated with explanatory notes*. Leiden: E. J. Brill, 1984.
- Hovdhaugen 1987 — Hovdhaugen E. Genera verborum quot sunt? Observations on the Roman grammatical tradition. *The history of linguistics in the classical period*. Taylor D. J. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1987, 133–148.
- Hülser 1979 — Hülser K. Expression and content in Stoic linguistic theory. *Semantics from different points of view*. Bäuerle R., Egli U., von Stechow A. (eds.). Berlin: Springer, 1979. (Springer Series in Language and Communication, 6.)
- Kaster 1988 — Kaster R. *Guardians of language: The grammarian and society in Late Antiquity*. Berkeley, CA: Univ. of California Press, 1988.
- Keil 1889 — Keil G. *De Flavio Capro grammatico quaestionum capita II*. (Dissertationes philologiae Halenses, X.) Halis Saxonum: Max Niemeyer, 1889.
- Lallot 1997 — Lallot J. Apollonius Dyscole. *De la construction (Syntaxe)*. Vol. I: Introd., texte et trad., Vol. II: Notes. Paris: J. Vrin, 1997.
- Law 1987 — Law V. An unnoticed late Latin grammar: The *Ars minor* of Scaurus? *Rheinisches Museum für Philologie*, 1987. Neue Folge. Bd. 130: 67–89.
- Lucarini 2006 — Lucarini C. Osservazioni sulle edizioni virgiliane di Varro e di Probo e sull'origine dell'*Anecdoton Parisinum*. *Atti dell'Accademia Nazionale dei Lincei*, Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. *Rendiconti*, 2006, ser. IX, vol. 17: 281–305.
- Mazhuga 1999 — Mazhuga V. I. Observations sur les sources de l'*Ars grammatica* de Aelius Donatus. *Hyperboreus*, 1999, 5: 139–154.
- Mazhuga 2009 — Mazhuga V. I. Charisius' *De verbo (Ars Grammatica II.8)*: Two case studies in *Quellenforschung*. *Hyperboreus*, 2009, 15: 133–146.
- Neumann 1881 — Neumann H. *De Plinii Dubii sermonis libris Charisii et Prisciani fontibus*. Kiliae: Lipsius et Tischer, 1881.

- O'Rorke 2016 — O'Rorke J. *An examination of diathesis and its didactic practices in Latin grammars from late antiquity to the early Middle Ages*. Ph.D. thesis. Galway: National Univ. of Ireland, 2016.
- Rutella 1977 — Rutella F. Chi fu Flavio Capro? *Studi e ricerche dell'Istituto di latino*, 1977, I: 143–159.
- Schanz, Hosius 1935 — Schanz M., Hosius C. *Geschichte der römischen Literatur bis zum Gesetzgebungswerk des Kaisers Justinian*. 2. Teil: *Die römische Literatur in der Zeit der Monarchie bis auf Hadrian*. 4. Aufl. München: C. H. Beck, 1935.
- Schmidhauser 2005 — Schmidhauser A. Selbstverweise bei Apollonios Dyskolos. *Antike Fachtexte / Ancient Technical Texts*. Fögen T. (Hrsg.). Berlin: Walter de Gruyter, 2005, 137–153.
- Velsen 1853 — Velsen A. *Tryphonis grammatici Alexandrini Fragmenta*. Berolini: Libreria Friderici Nicolai, 1853 (repr. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1965).
- Wendel 1939 — Wendel C. Tryphon. *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*, 1939, VII A(13): 726–744.
- Zetzel 2018 — Zetzel J. *Critics, compilers, and commentators: A guide to Roman textual and grammatical scholarship, 200 BCE—800 CE*. Oxford: Oxford Univ. Press / American Philological Association, 2018.

Получено / received 08.08.2021

Принято / accepted 21.09.2021

Сравнительное стиховедение в России и за рубежом

© 2022

Вера Сергеевна Полилова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; vera.polilova@gmail.com

Игорь Алексеевич ПильщиковКалифорнийский университет в Лос-Анджелесе, США;
Таллинский университет, Таллин, Эстония; pilshch@mail.ru**Анастасия Сергеевна Белоусова**

Национальный университет Колумбии, Богота, Колумбия; nastassja.belousova@gmail.com

Аннотация: В обзоре предложено комплексное описание места и роли сравнительных исследований стиха в ряду современных лингвистических и филологических дисциплин. Обзор имеет тройную цель: дать экскурс в историю сравнительного стиховедения, представить читателям актуальное состояние таких исследований в России и за рубежом и концептуализировать компаративное стиховедение как самостоятельную область, развивающуюся на стыке теории и истории стиха, лингвистики, теории и истории перевода и сравнительного литературоведения. Особое внимание уделено сходствам и различиям методов вероятностно-статистического стиховедения, генеративной метрики и описательного переводоведения в области сравнительного анализа стиховых форм. Не претендуя на исчерпывающую полноту, обзор выявляет общие корни и логику развития различных исследовательских парадигм и намечает перспективы компаративного изучения стиха.

Ключевые слова: метрика, обзор, перевод, поэзия, ритмика, стих

Благодарности: Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 20-112-50275). Авторы благодарны К. М. Корчагину и М. Ю. Лотману за ценные замечания и дополнения.

Для цитирования: Полилова В. С., Пильщиков И. А., Белоусова А. С. Сравнительное стиховедение в России и за рубежом. *Вопросы языкознания*, 2022, 2: 125–150.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.125-150

Comparative verse studies in Russia and globally

Vera S. Polilova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; vera.polilova@gmail.com

Igor A. Pilshchikov

University of California, Los Angeles, USA; Tallinn University, Tallinn, Estonia; pilshch@mail.ru

Anastasia S. Belousova

Universidad Nacional de Colombia, Bogotá, Colombia; nastassja.belousova@gmail.com

Abstract: This survey discusses the place of comparative verse studies among contemporary linguistic and philological disciplines. Its purpose is to give an outline of the history of comparative prosody, present the current trends in comparative research of verse in Russia and abroad, and conceptualize comparative verse studies as an autonomous field at the crossroads of verse theory, history of versification, linguistics, translation studies, and comparative literature. We focus on what is similar and what is

different between the statistical-stochastic study of verse, generative metrics, and descriptive translation studies in their attitudes toward a comparative analysis of verse forms. Our survey traces the common roots and the logic of the development of various research trajectories of this discipline and outlines prospects for further studies.

Keywords: metrics, poetry, rhythmic, survey, translation, verse

Acknowledgements: This study was sponsored by RFBR grant No. 20-112-50275. The authors are grateful to Kirill Korchagin and Mihhail Lotman for their acute criticism and helpful suggestions.

For citation: Polilova V. S., Pilshchikov I. A., Belousova A. S. Comparative verse studies in Russia and globally. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 2: 125–150.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.125-150

Памяти Джеймса Бейли

Введение

Сравнительное стиховедение — раздел науки о стихе, изучающий типологические сходства и различия разноязычных стиховых традиций (сравнительно-типологическое стиховедение), а также их генетические связи и взаимовлияния (сравнительно-историческое стиховедение).

В русской науке терминологическое сочетание «сравнительное стиховедение» давно устоялось; достаточно указать на тома сериального издания «Славянский стих», где традиционно присутствует соответствующий тематический блок. Принятое в России обозначение этой области имеет точные соответствия в немецком («*vergleichende Verslehre*»)¹, чешском («*srovnávací versologie*») и, например, испанском языке («*versología comparada*», где «*versología*» — богемизм). В английском для указания на ту же сферу используется сочетание «*comparative metrics*», имеющее близкие аналоги и в других европейских языках (нем. «*vergleichende / komparativen Metrik*», польск. «*metryka porównawcza*», исп. «*métrica comparada*», ит. «*metrica comparata*», фр. «*métrique comparée*»).

По-русски термин «сравнительная метрика» обычно используется в более узком значении: «метрикой» называют не теорию стиха в целом, а ее раздел, изучающий системы стихосложения, метры и стихотворные размеры, т. е. константные признаки стиха². «Метрика» противопоставлена «ритмике», исследующей метроритмические доминанты и ритмические тенденции, т. е. изменчивые признаки стиха, проявляющиеся на фоне константных [Тарановский 1953/2010: 15–60; Гаспаров 1974: 14; ср. Jakobson 1930]³.

Для передачи сочетания *сравнительное стиховедение* по-английски ищут поясняющие формулировки вроде *comparative verse studies*, *comparative study of verse*. Употребляются они, однако, почти исключительно в англоязычных статьях авторов из России и Восточной Европы. В оригинальных работах на европейских языках для указания на ту же тематику используют также обозначения типа *сравнительная версификация* и *сравнительная просодия*: англ. *comparative versification*, *comparative prosody*, чеш. *srovnávací versifikace*, фр. *versification comparée*, исп. *versificación comparada*. В русских работах тоже встречается близкая формулировка *сопоставительное (сравнительное) стихосложение*.

Терминологическая неопределенность — не самая большая сложность, возникающая при обсуждении сравнительного стиховедения. Существеннее то, что работы, относящиеся к этой сфере, традиционно тяготеют к одной из более широких дисциплин:

¹ В свою очередь русск. *стиховедение* — калька нем. *Verslehre* (*Vers* ‘стих’ + *Lehre* ‘изучение’).

² О терминологической омонимии двух «метрик» писал еще В. М. Жирмунский [1925: 11].

³ Очерк истории терминов «метр» и «ритм» в русском стиховедении см. в [Пильщиков 2017].

собственно стиховедению (и шире — поэтике), фонологии (и шире — лингвистике), теории и истории перевода и литературной компаративистике. Специфика этих отраслей влияет на исследовательскую оптику. Далее, в стиховедении выделяются мало контактирующие традиции — славянское вероятностно-статистическое стиховедение (использующее так называемый «русский лингвостатистический метод» [Bailey 1979]), американское генеративное стиховедение и «изолированные» национальные стиховедческие школы (итальянская, испанская, немецкая, французская). Их представители плохо знакомы с достижениями друг друга; это мешает обобщению, систематизации и интерпретации накопленных сведений.

1. Р. О. Якобсон и его роль в становлении сравнительного стиховедения

Начало сравнительно-исторической метрике положила книга Антуана Мейе «Индоевропейское происхождение древнегреческих метров» [Meillet 1923], но современный образ этой науки сформировался на следующем этапе ее развития — в трудах Р. О. Якобсона [Гаспаров 1989/2003: 10–14].

Якобсон дополнил построения Мейе в области индоевропейского стиха, основанные на сопоставлении древнегреческой и древнеиндийской метрики, реконструкцией гипотетических праформ славянского народного стиха [Jakobson 1929; 1952], повлиявшей на последующие метрические реконструкции [Watkins 1963; 1994; 1995; Cole 1969; West 1973; 2007]. Его работы 1920–1960-х гг. предвосхитили генеративный подход к метрике (М. Халле и П. Кипарский — ученики Якобсона) и отразились в общих установках метрического генеративизма (представление о поэзии как языке в его поэтической функции и о том, что свойства стиха в значительной степени предопределяются просодией языка), а также в опоре на якобсоновскую триаду «verse design (метрическая схема) — verse instance (ритмическая форма) — delivery instance (исполнение: рецитация, пение)», позволяющую анализировать не только стих, но и его акустические реализации, в том числе музыкальные⁴. Преимущественный интерес к исполнению и восприятию стиха отличает когнитивную метрику [Tsur 1992/2008; 1998].

Далее, Якобсон [Jakobson 1953/1987; 1954] инициировал сравнительно-типологические исследования славянских стихосложений и сопоставительное изучение их ритмики, предложив рассматривать не только их общие истоки, но и анализировать в сравнении их актуальное состояние. Из этого замысла родился международный проект «Сравнительная славянская метрика» («Słowiańska metryka porównawcza», 9 томов, 1978–2011)⁵, участники которого изучали влияние славянских языков на поэтическую форму и предложили обширную программу сопоставления метров славянского ареала — друг с другом и с внешними аналогами.

Якобсон обращался к анализу стихотворных переводов в их соотношении с оригиналами для выяснения базовых черт национальных стихосложений и решения вопроса о функциональной эквивалентности в переводе [Jakobson 1930]. В работах Иржи Левого [1963/1974] эта исследовательская линия обособилась в «сравнительную версификацию», а выйдя за пределы изучения стиха, легла в основу современного дескриптивного переводоведения.

⁴ Эту триаду Якобсон дополнял четвертым элементом — delivery design, исполнительской установкой (скандирующей, прозаизирующей и т. д.) [Jakobson 1960: 364–367].

⁵ О замысле и реализации см. [Mayenowa 1977; Petrović 1999; Pszczołowska 1999; 2014].

2. Цели сравнительного стиховедения и цифровые перспективы

Резюмируя разноязычные рефлексии второй половины XX — начала XXI в. [Jakobson 1953/1987; Левый 1963/1974: 254; Gachechiladze 1970; Fowler 1977; Гаспаров 1986; Bailey 1987; Tarlinskaja 1987; 1992; 1993; Bělič 1997; Червенка 2011: 350–361; M. Lotman 2011], можно сформулировать три главные цели стиховедческой компаративистики:

- 1) установление принципов организации стихотворной речи и взаимодействия стиха и языка (теория);
- 2) описание различных аспектов стиха с учетом разноязычных традиций (история);
- 3) создание базы для практической работы переводчиков поэзии (пропедевтика).

Достижение этих целей требует многостороннего анализа эмпирического материала, его систематизации и теоретического осмысления уже собранных данных, ср. [Domínguez Saratós 2001; M. Lotman 2006; M. Лотман 2008; Казарцев 2017: 7–10] и мн. др. Внимание преимущественно уделяется версификации германских, романских и славянских языков. Анализу «периферийных» стиховых систем в сравнительной перспективе посвящены отдельные исследования⁶, выводы которых редко привлекаются для более широких теоретических построений.

В последние годы возрос интерес стиховедов-компаративистов к методам создания инфосистем, автоматического компьютерного анализа и корпусной лингвистики [Pilshchikov, Polilova 2018; Maslov, Nikitina 2019; Akimova et al. 2020; De la Rosa et al. 2021; Kazartsev, Zemskova 2021; Sarv et al. 2021]. Разрабатываются общие программно-технологические инфраструктуры для всестороннего изучения стиха [González Blanco E. et al. 2020].

3. Сравнительное стиховедение и общая теория стиха

Ключевым препятствием на пути развития нашей дисциплины является отсутствие общей теоретической платформы.

В 1918 г. В. Я. Брюсов так описывал желанную будущность стиховедения: будут составлены «словари к отдельным поэтам», «таблицы метров, употребляемых всеми значительными поэтами», систематизированы «все особенности их просодии», прослежены «все сочетания звуков», «рифм и ассонансов», чтобы «на основании систематизированных фактов и наблюдений писать сначала частные метрики и просодии, а затем и общую сравнительную метрику, и общую теорию рифмы и звукописи» [Брюсов 1918: 12]. На деле вопрос о переходе от частных наблюдений к обобщениям в разных стиховедческих школах получает разные ответы.

По пути систематизации данных о **метрах и просодических основах метрики** пошла американская школа генеративистики⁷. В России и Восточной Европе получило распространение лингвостатистическое или квантитативное направление, уделяющее основное внимание **ритмике стихотворных размеров** и ее диахроническому описанию. К сравнительным исследованиям эти школы подходят по-разному. При генеративном подходе в фокусе внимания оказываются глубинные метрические структуры и их реализация

⁶ Работы Г. Гачечиладзе (грузинский стих), Р. Папаяна (армянский стих), М. Лотмана и М.-К. Лотман (эстонский стих). См. также обзор работ по тюркскому стихосложению [Орехов 2019а: 22–60], ср. [Orekhov 2021].

⁷ О Брюсове как протогенеративисте см. [Гиндин 1973].

в поверхностных структурах разных языков, а при количественном — история и типология ритмических тенденций, доминант и констант в стихе данной национальной традиции в сопоставлении с другими традициями и выяснение языковых и культурных факторов, послуживших причинами обнаруженных расхождений и сходств. Для генеративной метрики характерно более последовательное разграничение метра и ритма, однако ритмическое разнообразие как таковое в рамках этого направления остается на периферии научного интереса.

Предложенный Андреем Белым и развитый Б. В. Томашевским и К. Ф. Тарановским метод учета ритмических вариаций метра и анализа «вертикального ритма» русского стиха (частотности ударений на определенных слогах) был перенесен на другой языковой материал. Компаративисты, работающие в традиции «русского метода», начинали с изучения ритмических отличий разноязычных размеров от одноименных русских, более тщательно обследованных. Ср. заглавия классических работ: «Болгарский пятистопный ямб в сопоставлении с русским» [Якобсон 1933/1979], «О национальных формах ямбического стиха» [Жирмунский 1968], «Русский ямб и английский ямб» [Гаспаров 1973], «Meter and Language: Binary and Ternary Meters in English and Russian», «Metrical Typology: English, German, and Russian Dolnik» [Tarlinskaja 1987; 1992].

Генеративная метрика родилась в 1960–1970-х гг. в США на стыке сравнительно-типологического изучения стиха в его якобсоновском изводе и генеративной лингвистики. Метод, предложенный М. Халле и С. Кайзером [Halle, Keyser 1966; 1971] и развитый позднее П. Кипарским [Kiparsky 1973; 1977], представляет собой не статистический подход к ритму, а аксиоматический подход к метру. Генеративная метрика интересуется вопросами ритмики размеров не в количественном, а в качественном отношении, формулируя «правила соответствия» между глубинными (метр) и поверхностными (ритм) структурами и отделяя «метричные» строки от «неметричных» (см., впрочем, [Noyer 2002]).

Для русских двусложных размеров правила соответствия были впервые описаны А. Н. Колмогоровым и А. В. Прохоровым [1968]⁸. Позднее их уточнил и дополнил М. Ю. Лотман [1995], сформулировавший шесть правил (correspondence rules, CR):

- (CR1) Каждой позиции W <= слабая (weak)> и S <сильная (strong)> соответствует один и только один слог.
- (CR2) Любой позиции W всегда может соответствовать безударный слог; возможность появления в этой позиции ударного слога регламентируется правилом CR5.
- (CR3) Любой позиции S всегда может соответствовать ударный слог; возможность появления в этой позиции безударного слога регламентируется правилом CR4.
- (CR4) Позиции S может соответствовать безударный слог многосложного слова, если и только если ударный слог этого слова приходится на другую позицию S.
- (CR5) Позиции W может соответствовать ударный слог лишь односложного слова.
- (CR6) Последнему S в строке может соответствовать лишь ударный слог.

Английский ямб имеет ту же метрическую схему, что и русский, однако правила соответствия отличаются. Во-первых, иначе интерпретируется правило CR4: если в русском ямбе «многосложные» слова — это слова, состоящие из двух и более слогов, то в английском — из трех и более слогов, в результате чего допускается внутрислоговая хорейская инверсия после паузы (phonological phrase boundary) — главным образом (но не исключительно) на первой стопе. Во-вторых, не действует правило CR6, т. е. пропуск ударения

⁸ Mutatis mutandis они годятся для описания всех русских силлабо-тонических размеров.

на последнем икте разрешен (в русской силлаботонике — запрещен). В-третьих, в английском Я5 действует ряд дополнительных правил:

(CR7a) Позиции W могут соответствовать два безударных слога одного слова, если и только если ударный слог этого слова приходится на позицию S;

(CR7b) Позиции W могут соответствовать два безударных слога разных слов, если и только если между ними пролегает словораздел, а ударные слоги соответствующих слов приходятся на позиции S.

Известна утрирующая манера передачи английского ямба по-русски — переводы Ивана Аксенова из елизаветинцев [Тарлинская 1996]. Вот примеры нетипичных для русского ямба строк из его перевода «Укрощения укротителя» Флетчера: «*Вроде* Георгия Победоносца»; «*Если* стерплю, пусть буду травоядным»; «...согласье ваше / Сошлось с моим, *если* не упредило»; «Увидите, что будет. — *Спаси*, боже».

Отдельные строки с переакцентуациями на двусложных предлогах и союзах можно найти и в русском стихе (при декламации они легко атонируются), но когда ритмических инверсий много, на наш слух они звучат как стих непонятной метричности. Такова у С. Шевырева имитация стиха Данте — силлабического, но с ямбической каденцией:

Мною входят в град скорбей безутешных,
Мною входят в мученье без конца.
Мною входят в обитель падших грешных.
Правда подвигла моего творца... (1830)⁹

В переводе И. Вишневецкого из Д. Гаскойна обращают на себя внимание пропуски ударной константы:

...как кажется, за драною вуалью
(над мартовским студёным *воздухом*)...
...а каждый панцирь высохшей улитки,
каких полно на листьях у причала,
он — в ясном *обесценивании*...¹⁰

Аналогичные примеры акцентной инверсии и несоблюдения ударной константы есть в русском фольклорном Х4 и его литературных имитациях. В некоторых русских переводах хореем Х43ж с ямбическими переакцентуациями передается украинский силлабический (коломыйковый) стих Шевченко (И. Суриков; имитация — «Дума про Опанаса» Э. Багрицкого) [Гаспаров 1989/2003: 189; Корчагин 2015: 25–28], а ямбом Я5ж с хорейскими переакцентуациями — эндекасиллаб Петрарки (М. Кузмин, О. Мандельштам) [Плунгян 2013; Пильщиков 2015: 143–145, 152–154]. Таким образом, один и тот же формальный прием может служить знаком разных поэтических традиций.

Генеративный аппарат позволяет сравнивать разноязычные одноименные размеры. Возьмем, к примеру, гексаметр [М. Лотман 2011; Kiparsky 2018]. Греческий и латинский гексаметр — стих количественный, немецкий и русский — (силлабо-)тонический («дактило-хорейский»). Ритмически между ними нет ничего общего, «дактило-хорейский» гексаметр — это 6-иктный дольник с дополнительными ограничениями [М. Лотман 1995: 318–319]. Сходство обнаруживается на глубинном уровне: все национальные формы метра имеют общую схему чередования «сильных» и «слабых» мест (или, точнее, двух разных типов позиций; спор о том, какая из них «сильная», а какая «слабая», идет еще с античности). Ср.:

⁹ См. [Гаспаров 1989/2003: 104–105; Илюшин 2004: 202–207].

¹⁰ <https://www.facebook.com/igor.vishnevetsky/posts/10214663502095775> (опубл. 28.07.2020).

S W	S W	S W	S W	S W	S W
— <u>u</u> ¹¹					
Xx(x)	Xx(x)	Xx(x)	Xx(x)	Xxx	Xx

Сходство есть и на поверхностном уровне (силлабическая структура): нечетная позиция заполняется одновариантно — только долгим слогом (квантитативный гексаметр) или ударным слогом (тонический гексаметр); четная — двухвариантно: допускается либо долгий или два коротких слога (квантитативный гексаметр), либо один или два безударных слога (тонический гексаметр).

Национальные формы гексаметра многообразны: так, эстонский гексаметр может быть и квантитативным, и силлабо-тоническим, а еще квантитативно-силлабо-тоническим [М.-К. Lotman 2011; 2012; М.-К. Lotman, М. Lotman 2012]. Для статистического стиховедения нет «единого» гексаметра: даже греческий и латинский противопоставлены друг другу по частотности цезур (латинский, в отличие от греческого, предпочитал мужскую) [Гаспаров 1997]. Более того, греческий гексаметр разных авторов и эпох имеет разное распределение частотности дактилических и спондеических стоп, что позволяет проводить атрибуцию — собственно, с этого и началось статистическое стиховедение в Германии XIX в. [Там же: 234].

Самый амбициозный проект генеративной теории стиха всех времен и языков представлен в книге М. Халле и Н. Фабба «Метр в поэзии: новая теория» [Fabb, Halle 2008]. Оценив в этой работе цельность формального подхода и широкий охват материала (английский, санскрит, древнегреческий, арабский, испанский (вклад К. Пьеры), латышский, французский и др.), рецензенты критикуют ее за фактический отказ от анализа ритма [Kiparsky 2009; Корчагин 2010; Espósito 2011].

Уверенность в том, что на основе «частных метрик и просодий» может быть создана универсальная теория стиха, давно поколеблена. Рост числа работ о конкретных стиховых явлениях мало влияет на представления о стихе как таковом.

4. Разделы сравнительного стиховедения

Подобно общему стиховедению, сравнительное стиховедение состоит из нескольких разделов: сравнительная метрика, просодия, ритмика, строфика и фоника.

Сравнительная метрика и просодия описывают принципы организации, генезис и эволюцию систем стихосложения, метров и размеров в разноязычных традициях¹². На метрической просодии и метрической аксиоматике строятся метрическая фонология и метрическая типология, выявляющие общие закономерности стихосложений на разных языках, в том числе такие, которые не объясняются общностью происхождения или фактами взаимного влияния. Сравнительная ритмика исследует языковые и стиховые факторы ритма и выясняет, в какой степени ритмика конкретных метров определена просодическими свойствами языков, а в какой — культурными факторами. Сравнительная строфика изучает строение строф и твердых форм, уделяя особое внимание истории их переходов из традиции в традицию. Компаративная фоника анализирует инструментовку стиха и рифму в разных языках, выделяя необычные фонетические структуры на фоне общезыковых.

Основы сравнительной ритмики были заложены в работах формалистов 1910–1930-х гг.

В статье «Пятистопный ямб Пушкина» (1923) Б. В. Томашевский сопоставил ритмику Я5 у Пушкина и других русских поэтов с ритмикой европейских размеров той же слоговой

¹¹ «[П]оследняя стопа гексаметра может быть только спондеем (или хореем), предпоследняя — только дактилем (“спондеические стихи” со спондеем на этом месте редки)» [Гаспаров 1997: 236].

¹² Стохасты считают просодию (в узком смысле слова) разделом метрики (в узком смысле слова), генеративисты — независимой дисциплиной.

протяженности (итальянский эндекасиллаб, французский декасиллаб, английский и немецкий Я5). Ритмическую специфику стихов Вяземского 1821–1825 гг. (у II и IV икта ударность повышена, у I и III понижена) исследователь объяснил влиянием французского силлабического 10-сложника: в эти годы Вяземский переводил эпиграммы Ж.-Б. Руссо [Томашевский 1923/2008: 226–227]¹³.

Книга Якобсона «О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским» охарактеризована автором как «набросок отдельной главы еще не существующей сравнительной ритмики» [1923: 5]. В книге показано, что даже при точном воспроизведении метроритмической структуры формально идентичный ритм в разноязычных текстах производит разный эффект. Так, в чешском переводе строки «Буря мглоу небо кроет» В. А. Юнг дает такой же, как у Пушкина, стопобойный хорей (“*Bouře | mlhou | nebo | kručje*”), но перевод лишен пульсирующей экспрессии оригинала, потому что в чешском хорее, в отличие от русского, совпадение словоразделов и границ стоп вполне обычно из-за начальнударности чешских слов [Там же: 46–47]. Примеры функциональных конфликтов такого рода позднее приводили А. В. Федоров [1928: 48] и Иржи Левый [1963/1974: 254].

Сравнительную ритмику развивали приверженцы «русского метода» (Дж. Бейли, М. Л. Гаспаров, С. А. Матяш, М. Г. Тарлинская, участники проекта «Сравнительная славянская метрика»). В последние годы она приобретает черты самостоятельной дисциплины [Казарцев 2017; Kazartsev 2018; M. Lotman, M.-K. Lotman 2018; 2019; Lotman 2019].

Сочетания «сравнительная строфика» и «сравнительная фоника (эвфония)» в науке пока не используются, хотя изучение этих аспектов стиховой речи в сравнительной перспективе уже ведется. Немало сделано в области сравнительного исследования рифмы, начало которому положил Жирмунский в книге «Рифма, ее история и теория» [1923].

5. Методы и подходы сравнительного стиховедения. Исследования переводного стиха

Вслед за Мейе Якобсон был уверен, что «методологические достижения сравнительно-исторической лингвистики могут и должны быть распространены на поэтический язык» [Jakobson 1953/1987: 39]. Тем самым Якобсон возражал своему учителю — Ф. Е. Коршу, утверждавшему, что сравнительно-исторической реконструкции стихосложений нужно предпочесть их сравнительно-типологическое изучение и исследование культурных влияний в области стиха [Корш 1907: 311; Якобсон 1923: 5; Зайцев 1994: 118]. Несмотря на некоторые успехи в области реконструкции метрических форм, об общих законах эволюции стиха мы по-прежнему знаем мало, теория «поэтических изменений» [McCully 2003]¹⁴ находится в предварительном состоянии.

Синхронный типологический подход к стихосложениям на разных языках предложили В. М. Жирмунский (прежде всего § 15 «Русский стих по сравнению с германским и романским» из «Введения в метрику» [Жирмунский 1925: 80–89]) и Б. В. Томашевский. Последний в книге «Теория литературы (Поэтика)» выделил специальный раздел «Сравнительная метрика», где наряду с описанием основ количественного античного стиха предложен абрис актуальных европейских систем стихосложения: силлабо-тонической, силлабической и тонической (материал немецкой, французской, итальянской, польской, испанской поэзии сравнивается с русским) [Томашевский 1925: 72–132]. Помимо общих характеристик национальных размеров Томашевский касался и вопросов имитации иноязычных стиховых форм, прежде всего античных. Томашевский и Жирмунский опираются на анализ

¹³ Гипотезу Томашевского поддержал Тарановский [1953/2010: 174–181].

¹⁴ Автор, работая преимущественно на английском материале, выделяет четыре типа эволюционных изменений (changes) системы стиха: adaptive, assimilative, typological и reactive.

частотности ритмических форм у разных поэтов, т. е. демонстрируют количественный подход, определивший пути русского и славянского стиховедения.

Первый большой этап развития сравнительно-исторической и типологической метрики на материале стиховых традиций Европы увенчался выходом монографии М. Л. Гаспарова «Очерк истории европейского стиха» [1989/2003]¹⁵. Ее публикация ознаменовала переход от накопления сведений об истории размеров к методологическому синтезу, позволяющему свести «результаты, фактические и гипотетические, в одну систему, охватывающую материал от общеиндоевропейских времен до наших дней» [Гаспаров 1986: 196]¹⁶. Гаспаровский подход противостоит генеративной сравнительно-фонологической метрике, которая уделяет меньше внимания семантике стиховых форм и поэтике отдельных текстов¹⁷.

При генеративном подходе задача исследователя состоит в формулировании системы правил, определяющих метрический или неметрический характер стихотворной строки. Генеративный диахронический анализ стиха выясняет, встречаются ли реконструируемые метры в известных традициях на близких языках, и таким образом верифицирует выводы [Hammond 1995; Hanson 2011; Blumenfeld 2016; Kiparsky 2018; 2020]. С английского стиха метод был распространен на другие традиции, что дало возможность сравнивать правила, действующие в русском [Лотман 1995; Фридберг 2001; Friedberg 2006], испанском [Piera 1980], турецком, латинском, древнегреческом и т. д. стихе. Некоторые исследователи (М. Ю. Лотман, чешские стиховеды П. Плехач и Р. Колар (Ибрагим) [Plecháč, Ibrahim 2013]) сочетают генеративный подход с количественным. Примирить стохастику и генеративистику попытался Л. Блюменфельд, предложивший новую теорию метра (MAF, meter as faithfulness), в которой метр рассматривается с точки зрения теории оптимальности и с учетом данных количественной оценки языкового и стихового ритма [Blumenfeld 2015].

Слабая сторона классического генеративизма, отмеченная еще в рецензии М. Ю. Лотмана [1975] на статью Халле и Кейзера о 5-стопном ямбе [Halle, Keyser 1972], — произвольность отбора правил корреспонденции. Эту проблему предложено решать путем их иерархического ранжирования.

Исследования стихотворных переводов образуют особую, обширную и пеструю область.

В России традиция стиховедческого анализа переводов восходит к двум ранним статьям А. В. Федорова [1927; 1928], ученика Ю. Н. Тынянова. Эти пионерские работы незнакомы западным ученым (ср. [Рум 2016]). Близкие к федоровским подходы к вопросам переводного стиха дошли до мирового сообщества в передаче Якобсона, Яна Мукаржовского и Иржи Левого (вопрос генеалогии идей требует дальнейшего исследования).

Федоров выдвинул принципы формальной и функциональной эквивалентности перевода оригиналу, последовательное противопоставление которых провел позднее Ю. Найда [Nida 1964: 166–177]. Поставив вопросы о передаче ритмической структуры и стиховой семантики в переводных поэтических текстах и о проникновении новых стиховых форм в национальную поэзию через перевод, Федоров [1928: 53] пришел к выводу о том, что для переводчика возможны две установки — «или пользоваться аналогами на своей языковой почве, или создавать чуждую, необычную словесную форму» [Федоров 1927: 117]. Эти противоположные переводческие установки были впоследствии названы доместикацией и форенизацией [Venuti 2008: 1–13].

¹⁵ Итал. пер.: 1993; англ. пер. (с важными поправками редактора): 1996; чеш. пер.: 2011. Раздел о финно-угорской метрике написан совместно с М. Ю. Лотманом.

¹⁶ Цитируемая работа включает полезный дайджест истории европейского стиха [Гаспаров 1986: 197–209].

¹⁷ Укажем еще две монографии, написанные в структуралистском ключе — «Испанский и европейский стих» Олдржиха Белича (1920–2002) [Bělič 2000] и «Три тысячелетия еврейского стихосложения» Биньямина Харшава (Грушовского, 1928–2015) [Harshav 2014].

В одновременно вышедших «Искусстве перевода» Иржи Левого [1963/1974]¹⁸ и «Поэзии и переводе» Е. Эткинды [1963] получили развитие многие идеи, намеченные предшественниками. С этого момента начинается дисциплинарное размежевание сравнительного стиховедения и науки о переводе в России и за рубежом.

6. Актуальные работы по сравнительной метрике

Представления о системах стихосложения начали складываться в XVIII–XIX вв. Теоретики выделяли метрическую, силлабическую и тоническую системы, в XX в. к ним добавилась силлаботоника¹⁹. К системам стихосложения также причисляют способы версификации, построенные на метрически предсказуемом расположении аллитераций или рифм (германский аллитерационный стих, русский рашный стих²⁰) и свободный стих (верлибр), где минимальной единицей повтора (парадигматической константой, по М. И. Шапиру) является строка.

В фундаментальной статье М. Ю. Лотмана [1998] выделено девять основных систем стихосложения: 1) чисто-квантитативный стих; 2) силлабический стих; 3) акцентный стих; 4) свободный стих; 5) силлабо-квантитативный стих; 6) квантитативно-силлабический стих; 7) акцентно-силлабический стих; 8) силлабо-акцентный стих; 9) акцентно-силлабо-квантитативный стих. Работа Лотмана продолжает аксиоматико-типологическую традицию, представленную в трудах Е. Д. Поливанова, Р. О. Якобсона, Дж. Лотца и Я. Пыльдмяэ [Якобсон, Лотц 1941/1987; Lotz 1960; Гаспаров и др. 1987; Руднев 1989: 91–92].

Несмотря на разработанную аксиоматику типов стиха, на практике возникают трудности. В методической статье [Скулачева 2014] предложено тестировать гипотезы о принадлежности текстов к той или иной системе стихосложения, выявив статистически упорядоченность количества слогов, количества ударений, длины междуударного интервала, чередования долгот гласных или расположения аллитерированных согласных. Однако этих сведений может оказаться недостаточно при обработке экзотического материала [Коровина 2018].

Надежные результаты гарантирует только исторически и типологически фундированный подход. Новейшая гипотеза С. Л. Николаева [2020] о том, что «Слово о полку Игореве» написано «смешанным» силлабо-тоническим стихом, сочетающим «стопы» 2-сложников и 3-сложников, критикуется за произвольную разбивку текста на стихи и игнорирование данных сравнительного стиховедения [Ранчин 2021]²¹. При всех лингвистических достоинствах работы, недоказанная гипотеза о метричности текста влияет на интерпретацию языкового материала [Там же].

Простого подсчета слогов, ударений и интервалов недостаточно даже для анализа силлабических стихосложений Европы. Сравним схемы французского, итальянского и польского александрийского стиха [Томашевский 1925: 88–89; Голенищев-Кутузов 1973]:

¹⁸ Чеш. изд.: 1963. Пер. на нем. (1969), русск. (1974) и англ. (2011) сделаны с расширенного варианта монографии.

¹⁹ См. обзор ее теоретической эмансипации [Корчагин 2017].

²⁰ Клаузульная или рифменная система стихосложения, по М. П. Штокмару.

²¹ Сравнительная славянская метрика не знает такого размера, как «неравносложная силлаботоника» или его аналоги. Вопреки С. Л. Николаеву [2018: 376–380; 2020: 92–96], наличие в былинном стихе строк с 1- и 2-сложными интервалами (явление ритмики, а не метрики) не может служить типологической параллелью к реконструируемым «размерам».

французский:	xxxxxX	xxxxxX(x)	6м+6м (12м) / 6м+7ж (13ж)
итальянский с жен. ц.:	xxxxxXx	xxxxxXx	7ж+7ж (14ж)
итальянский с дакт. ц.:	xxxxxXxx	xxxxxXx	8д+7ж (15ж)
польский:	xxxxxXx	xxxxXx	7ж+6ж (13ж)

Ключевым фактором разнообразия национальных вариантов выступает цезура. В классическом французском александрене соблюдается мужская цезура, поэтому метрическая структура реализуется в двух слоговых вариантах: 12м и 13ж. В польском и итальянском мужская цезура, как правило, заменяется женской или реже (в итальянском) — дактилической, но дополнительный слог на цезуре трактуется по-разному. В польском он учитывается в общем счете слогов — при женской цезуре второе полустишие сокращается на один слог, и следовательно, выдерживается «французская» длина строки (13ж). А в итальянском александрийце ни женская, ни дактилическая цезура не приводят к сокращению слоговой длины второго полустишия, они выступают как экстраметрические наращивания (7ж/8д+7ж).

В испанском александрийском стихе возможна и женская, и дактилическая, и мужская цезура; соответственно, вариантов длин полустиший и общей слоговой длины строк становится еще больше:

xxxxxXx	xxxxxXx	(14 слогов, 7ж+7ж)
xxxxxXxx	xxxxxXx	(15 слогов, 8д+7ж)
xxxxxX	xxxxxXx	(13 слогов, 6м+7ж)

К вариативности на цезуре прибавляется варьирование клаузулы (ж/д/м):

xxxxxXxx	xxxxxXxx	(16 слогов, 8д+8д)
xxxxxX	xxxxxX	(12 слогов, 6м+6м)

Все строки, несмотря на значительную разницу в слоговой длине (min 12, max 16), метрически равны, но если представить, что мы анализируем их, не имея предварительного представления об особенностях цезурованных метров²², то их структура может остаться неясной. При работе с более отдаленным в хронологическом и/или культурном отношении материалом возникает еще больше сомнений. В их числе — проблема определения prosodic rules, т. е. правил соотношения метрических позиций со слогами. В романских стихосложениях это правила слияния / неслияния гласных в метрический слог на границе слов (синалефа, хиатус) и внутри слова (дифтонги, трифтонги, синереза, диереза). Для решения этих вопросов нужно сочетать генеративные и количественные методы.

Квантитативные и корпусные методы развиваются и совершенствуются [Козьмин 2009; Kozmin 2011; Орехов 2019a; Prieto Mendoza 2021]. Исследователи работают над созданием корпусов с ритмической разметкой, которые дают материал для развития сравнительной ритмики и метрики [Kazartsev, Zemskova 2021]. В статье [Plecháč et al. 2018] и книге [Plecháč 2021] метрические и ритмические данные корпусов чешских, испанских, немецких и английских поэтических текстов используются как стилометрический показатель, релевантный при авторской атрибуции. В книге [Орехов 2019a] представлен корпусный анализ башкирского стиха. Проводится сопоставительное исследование древнейших стихосложений мира — шумерского, аккадского, хеттского [Nurullin et al. 2019].

М. И. Шапир предлагал дифференцировать системы стихосложения на основе минимальной парадигматической константы (от слога до строки) и синтезировать априорный

²² Русский александрийский стих — цезурованный Я6 — обычно не допускает цезурных наращиваний. На редкие исключения (Тредиаковский, Бальмонт, Северянин, их последователи) указывает К. М. Корчагин [2021: 187–188, 463].

(от метра) и апостериорный (от ритма) подходы к стиху [Шапир 2000–2015, кн. 1: 83, 100]. М. Ю. Лотман различает не только подходы, но и типы метрики. Если метрика заимствована из внешней (часто — иноязычной) традиции, то представление о стихотворном размере предшествует созданию текстов; это априорная, эксплицитная метрика. Неклассические размеры, напротив, имплицитны и апостериорны — сначала появляются в поэтической практике и лишь затем подвергаются теоретическому осмыслению [Лотман 2008: 27–28].

Пример апостериорных размеров — дольник и тактовик. Одни исследователи относят их к тонике, другие — к силлаботонике, третьи — к отдельной акцентно-силлабической системе. В работах генеративистов английский тактовик рассматривался как «расшатанный анапест» (*loose anapaest*), а дольник — как «расшатанный ямб» (*loose iamb*), но под влиянием работ М. Тарлинской [Tarlinskaja 1992; 1993], русский термин «dolnik» закрепляется и применительно к английской поэзии [Attridge 2010; 2012; Plungian 2011].

В статье [Saavedra Carballido 2020] понятие дольника предложено перенести на испанский стих, а именно на стих «*arte mayor*» Хуана де Мены. Испанский стих, как правило, выдерживает изосиллабизм, но попытки выделения тонических и силлабо-тонических испанских метров предпринимались не раз [Гончаренко 1988; Bělič 2000: 432–503; Volek 2006; Ярхо 2021]. В статье [Duffel 2004] вновь обсуждается возможность влияния германской тоники на раннюю испанскую поэзию и содержится призыв к углублению сравнительных исследований в области германской и романской метрики.

Из иноязычных сопоставительных работ широко цитируется статья Ж.-Л. Аруи «Предложения по метрической типологии» [Корчагин 2011]. Аруи различает изохронную и просодическую метрику, в рамках изохронного типа — песенный и поющий стих, а в рамках просодического типа вслед за Н. Фаббом [Fabb 1997: 56–87] выделяет считающие (*counting*) и шаблонные (*patterning*) системы. В считающих системах метр задан последовательностью языковых единиц, а в шаблонных — правилами их группировки. Считающие системы подразделяются на слогосчитающие и моросчитающие, а шаблонные — на количественные, акцентные и тоновые [Aroui 2009a: 10–15]. Такой подход позволяет продуктивно сопоставлять генетически не связанные системы стихосложения. В докладе «Типология количественных метров» Аруи выдвинул тезис о том, что такие метры управляются набором из четырех метрических ограничений (количество мор, слогов, метрических позиций и ограничение на группировку мор и слогов) и выделил четыре разновидности таких метров в зависимости от того, какое ограничение имеет более высокий ранг:

- 1) константно количество мор — силлабо-морные метры (греч. дактилический гексаметр, араб. камил, нгизимские метры);
- 2) константно количество слогов — морно-силлабические метры (санскр. ведические, греч. эолийские метры, араб. хафиф, марокканский араб. малхун);
- 3) константно количество мор и слогов (санскр. мандакранта);
- 4) константно количество метрических позиций (греч. ямбический триметр, греч. трохаический тетраметр, сомалийский масафо) [Aroui 2014].

В 2011 г. вышел завершающий, девятый том серии «Сравнительная славянская метрика», в который вошли статьи, посвященные бытованию гексаметра и связанных с ним античных стиховых форм в польском (Л. Пшоловска, Д. Урбанска), чешском (К. Сгаллова), русском (М. Лотман), украинском (Н. Чамата, Н. Костенко), болгарском (Р. Кунчева), хорватском и сербском (М. Стефанович) и словенском стихосложении (А. Белчевич). Заключительная глава «Сравнения и выводы» написана совместно редакторами тома Л. Пшоловской и М. Лотманом. Богатая по материалу, книга имеет и характерные для больших проектов недостатки. Сравнительное исследование славянской метрики задумывалось как коллективный труд с едиными принципами описания, методологией и терминологией. Осуществить такой замысел на практике непросто: материал разных литератур изучен в разной степени, главы посвящены разным периодам, имеют разную

фокусировку и объем. «Сравнения и выводы» дают лишь самое общее представление об античных метрических формах в славянских литературах, но при этом содержат отдельные неточности [Ibrahim 2012]. Тем не менее это важное начинание. Аналогичные обзоры, посвященные, например, античным формам в романских или германских стихосложениях, — дело будущего.

В сравнительных исследованиях переводов часто царит методологическая анархия. Для продвижения в этой области было бы полезно уяснить принципы, много лет назад сформулированные Л. Пщоловской [1989: 272–273]: переводной стих — это «особая система стиховых форм»; чтобы получить распространение, переводной размер «должен хорошо укорениться в системе стихотворных форм национальной литературы, включиться в ее традицию». Взаимодействие или воздействие не гарантировано: перевод «не всегда является стимулом для создания в этой литературе новых форм или двигателем их развития». Конечно, влияние иноязычной поэзии возможно не только через перевод, но и благодаря знакомству поэта с иноязычной традицией [Кормилов 1995: 23–27].

Разработано несколько классификаций переводной поэзии. Наиболее известны модели Дж. С. Холмса²³ и Андре Лефевра²⁴. Более детальная типология предложена в работах Армина Пауля Франка [Frank 2008]. Он выделяет следующие типы трансфера стиха:

- A. Воспроизведение размера в той же системе стихосложения (identical schema).
- B. Перенос метра из одной системы в другую (transposed schema) (например, силлаботонизация гексаметра немцами в XVIII в.).
- C/D/E. Замена схемы оригинала другой метрической схемой:
  - C — более сложной (tighter schema),
  - D — схемой неопределенной сложности (degree of difficulty indeterminate),
  - E — более простой (looser schema). Параметры сложности:
    - 1) число слогов в строке, строфе или стихотворении;
    - 2) строгость/расшатанность метра (например, силлаботоника строже тоники);
    - 3) рифмовка:
      - i) ее наличие,
      - ii) ее густота, определяемая числом слогов между рифмопарой,
      - iii) урегулированность (например, катрен урегулированнее вольной рифмовки),
      - iv) разнообразие рифмовки с учетом рифменного запаса (Reimvorrat, rhyme reservoir) конкретного языка.
- F/G/H/J. Перевод свободным стихом (с выделением типов и подтипов).
- K. Прозаический перевод.

Со стиховедческой точки зрения в этой типологии неудовлетворительно смешение параметров разного уровня (рифма, длина строки, метр, система стихосложения), но ее можно уточнять и развивать — например, дополнить классификацией типов стиховой эквивалентности, различающей перевод эквиметрический, эквиритмический и эквипросодический (сохранение системы стихосложения) [М.-К. Lotman 2012]. Понятие «эквипросодичности» позволяет дифференцировать эквиметрические, но не эквипросодические переводы (как тонический и квантитативный гексаметр), а также переводы эквиритмические, но не эквипросодические и не эквиметрические.

²³ Статья [Holmes 1969] была опубликована в журнале «Вавилон» и перепечатана в сборнике “The Nature of Translation” (1970) по материалам конференции “Translation as an Art” (Братислава, 1968), посвященной памяти Иржи Левого. Холмс выделяет следующие типы перевода стиха: 1) миметической (наиболее близкой к оригиналу) формой (сюда же входит создание такой формы), 2) аналогичной (по функции) формой, 3) «органичной» (для содержания) формой, 4) формой, не связанной с оригиналом (extraneous form).

²⁴ Лефевр выделяет семь типов перевода стиха: «фонемный», «буквальный», «метрический», «прозаический», «рифмованный», «перевод белым стихом», «перевод-интерпретация» [Lefevre 1975].

Проблема хорошо иллюстрируется «Комедией» Данте в силлабическом переводе А. А. Илюшина. Она эквипросодична и эквиметрична оригиналу, но не эквиритмична ему. Ритму итальянского эндекасиллаба, где основная каденция — ямбическая, ближе соответствует конвенционально эквивалентный Я5, который ему неэквипросодичен и неэквиметричен [Акимова, Болотов 2009], поэтому перевод эндекасиллаба 5-стопным ямбом (как у М. Л. Лозинского) при всей его силлабо-тонической монотонности оказывается ритмически более точен, чем чистая силлабика. Кроме того, в переводе Илюшина преимущественно ударен 4-й слог, а ударение на 7-м слоге встречается чаще, чем на 6-м и 8-м: Илюшин воспроизвел **польский** ритмический вариант силлабического 11-сложника, а не итальянский; недаром его переводы из Данте и Мицкевича имеют тождественный ритм [Гаспаров 1981: 214–215], ср. [1987/1997].

Другой пример. Бальмонт передавал 10-, 11- и 12-сложники испанского поэта Хосе де Эспронседы особым тактовиком (авторское название — «прерывистые строки»). Ключевая ритмическая черта этой формы состоит в том, что в одной строке совмещаются полуступиши разных силлабо-тонических двусложных и трехсложных метров, а следовательно, в стихах соседствуют безударные интервалы разной слоговой длины: в один, два или три безударных слога [Полилова 2017; 2018]. На первый взгляд, Бальмонт перевел длинные силлабические строки Эспронседы неэквипросодично, подменяя испанскую силлабику оригинала русской тоникой. Но силлабический принцип в длинных размерах Эспронседы соседствует с силлабо-тоническим, определенные позиции в строке несут преимущественное ударение: 10-сложник — анапестический, 11-сложник — ямбический, 12-сложник — цезурованный амфибрахический. Как и в случае с итальянским 11-сложником, с точки зрения ритма более точным мог бы считаться не силлабический, а силлабо-тонический перевод этих размеров, отражающий ритмические тенденции оригинала. Однако ритм перевода будет однообразнее ритма оригинала: в испанском 11-сложнике много отклонений от ямбической каденции в первых 4 слогах строки (почти в 50 % строк), а у 10-сложника произвольно ударен первый слог (зачин часто хореический, с двусложным или трехсложным словом). Ритмическая структура таких испанских строк не совпадает со структурой русских силлабо-тонических метров: в них регулярно совмещаются двусложные и односложные интервалы, что по-русски возможно только в логаэдах и дольниках. Перевод Бальмонта, не будучи ни эквипросодическим, ни эквиметрическим, стремится «дать знак» необычных метроритмических тенденций оригинала²⁵.

Подобным же образом тонизировал романскую силлабику Н. Гумилев (только французскую, а не испанскую). А. В. Федоров показал, что ДкЗ, которым — вместо традиционного Я4 — Гумилев перевел 8-сложник Т. Готье («Уронила луна из ручек...», 1912), отражает ритмические «особенности оригинала», который «можно было бы назвать парадоксальным термином “французский дольник”» [Федоров 1928: 47–48]. Гумилев копирует ритм подлинника, где в строке соседствуют междуударные интервалы разной длины, и получает русский дольник. Этим же переводом Гумилева М. Л. Гаспаров иллюстрировал понятие «мнимая силлабика» (= равносложный дольник) [Гаспаров 1993/2001: 160–161]. Сходные явления возникают при передаче силлабической полиметрии в традициях, ориентированных на силлаботонику²⁶.

Детальное описание переводческих стратегий и фактологическая акрибия позволит по-новому взглянуть и на переводческую практику, и на историю литературы в целом. Франк предлагает термин «портал» для обозначения конкретной «исторической ситуации, когда и где поэт или переводчик впервые реализовал определенную просодическую

²⁵ Ср.: «Важным оказывается не реальное чередование сильных и слабых элементов звучания, а принцип и знак системы (...) Задания, которые ставит себе переводчик, могут быть различны: (...) установка на чуждое звучание, чуждые метрические приемы, или хотя бы стремление дать знак таких приемов» [Федоров 1928: 52–53].

²⁶ О передаче полиметрии Кальдерона по-чешски см. [Darebný 2018], по-русски — [Полилова 2014].

возможность в данном языковом и литературном сообществе» [Frank 2008: 978]. Среди недавних русскоязычных работ о «порталах» (сам термин не используется) — статьи о роли переводов из Уитмена и Верхарна в становлении русского свободного стиха [Орлицкий 2017; 2018] и о формировании стиха русского романсеро [Polilova 2018]. Здесь требуется координация переводоведческого и стиховедческого инструментария, позволяющая точнее описывать взаимоотношения между оригиналом и переводом, динамику эволюции переводческих стратегий и развитие национальных «систем стиха»²⁷.

Еще одно направление — исследование семантических сдвигов, возникающих при установлении функциональной эквивалентности между переводом и оригиналом. Пример такого анализа — статья Б. В. Орехова [2019б] о метрике узбекских переводов русской силлаботоники и К. Ю. Тверьянович [2020] о стихе сказки Дж. Дональдсон “The Gruffalo” и ее русского перевода. Статья Тверьянович, помимо прочего, отвечает международному интересу к вопросам передачи стиха в переводах детской поэзии, ср. [Kreller 2007].

7. Новейшие работы по сравнительной ритмике

В России в этом направлении работает Е. В. Казарцев, изучающий ритмику германского (немецкого, нидерландского и английского) и восточнославянского (русского, украинского и белорусского) ямба. В центре внимания — соотношение реальной ударности иктов (вертикальный ритм) с теоретическими моделями размеров [Kazartsev 2014; 2015; 2019; 2020; Казарцев 2017].

Сравнительному изучению ритмики эстонских и русских двусложных размеров посвящен ряд работ М. Ю. Лотмана и М.-К. Лотман (основные итоги подведены в англоязычном дайджесте [M. Lotman, M.-K. Lotman 2019]). Статистический анализ показал, что эстонские ямбы и хорей характеризуются общими ритмическими тенденциями, несмотря на различие анакрус. Сходные тенденции проявляет чешский стих, в котором клаузула тоже является более важным ритмическим фактором, чем анакруса²⁸.

В статьях К. Ф. Тарановского о ямбе Шевченко и М. Ю. Лотмана о ямбе Набокова и Балтрушайтиса показано, что ритмические паттерны у поэтов-билингвов могут переходить из языка в язык [Тарановский 1953/2010: 445–491; M. Lotman 2019]. Этот факт интерпретируется не генетически, а типологически. В работе Лотмана предложена гипотеза распространения альтернирующего ритма в разноязычных ямбах: он обусловлен характером ударения и константной ударностью последнего икта (Лотман подчеркивает, что эта константа не имеет языковых оснований, а является феноменом стихосложения). Есть сопоставимые ритмические данные по 4-стопным двусложным размерам для ряда поэтических традиций (русской, украинской, польской, чешской, сербской, болгарской, литовской, английской, немецкой, голландской, финской, эстонской). Выяснилось, что из 16 возможных комбинаций вторичного («вертикального») ритма, т. е. чередования частоударных (S) и малоударных иктов (W), только 4 нашли широкое распространение: полноударный ритм SSSS (немецкий Я4, ранние ямбы Ломоносова), прогрессивная диссимилиация SWSW (как в чешском Х4), рамочный ритм SWWS (как в русском Я4 XVIII в.) и регрессивная диссимилиация WWSW (как в русском и литовском Х4 или русском ямбе XIX в.). Статья Лотмана открывает широкие перспективы исследования межъязыковой ритмической интерференции.

²⁷ «Система стиха» — это вся совокупность стиховых форм (в том числе принадлежащих разным системам стихосложения), функционирующих в национальной стиховой культуре [Руднев 1989: 23–24].

²⁸ О русских и чешских хорейх и ямбах см. [Томашевский 1923: 47–49; Якобсон 1923; Jakobson 1938/1979]. Проанализировав мужские и женские строки одного метра по отдельности, М. Червенка [2011: 100–109] показал, что они подчиняются разным ритмическим импульсам.

На повестке дня — обобщение и систематизация сведений об эквиритмических переводах и межъязыковых ритмических влияниях. По-видимому, первым такого рода явления обнаружил Томашевский (см. выше). Позднее этот вопрос разрабатывали Дж. Бейли (на материале ритмики оригинальных и переводных дольников Блока [Bailey 1969] и переводов сербского десетераца на славянские и германские языки [Bailey 1987; Топић, Буњак 2013]), М. Л. Гаспаров [1981] (на примере илюшинских переводов Данте и Мицкевича) и М. Тарлинская (в работе об имитации ритмических особенностей английского ямба у Ивана Аксенова [Тарлинская 1996]). Укажем также работу [Liapin, Pilshchikov 2015] о ритмике русского и немецкого дольника (Гейне и переводы) и границах эквиметрии и эквиритмии, а также статью об эквиритмических переводах О. Брика с немецкого [Полилова 2014].

Образец изучения межъязыковых влияний — книга Нилы Фридберг «Английские ритмы в русском стихе: Эксперимент Иосифа Бродского» [Friedberg 2011]. Исследовательница анализирует поэтические эксперименты Бродского, сочетая инструментарий квантитативной ритмики и генеративной метрики. С увлечением Бродского английской поэзией Фридберг связывает метрические отклонения в его стихах — добавочные слоги в ямбе («Дождь стягивает просвет», ЯЗ). На иконизм этой строки указывал М. Ю. Логман: поэт вынуждает читателя стянуть, «проглотить» слог; но у Бродского много примеров таких добавлений и без явного смыслового курсива. Фридберг анализирует 28 подобных нарушений и демонстрирует, что Бродский предпочитает ставить дополнительный слог после первого икта, что не находит соответствия в схожих экспериментах современников (Б. Слуцкий), но часто встречается у Джона Донна и других английских поэтов: «As virt(u)ous men pass mild(y) away» (из стихотворения «A Valediction: Forbidding Mourning», которое переводил Бродский, причем без стяжений); «To Jes(u)its, to buffones my pensiveness»; «By Hill(i)ard drawne, is worth an history» [Friedberg 2011: 45]. Было предложено несколько терминов для обозначения таких явлений: «ритмическая стилизация» [Bailey 1987: 371], «ритмический буквализм» [Гаспаров 1990; Тарлинская 1996], «ритмическая калька» (у разных авторов). При этом, как отмечает Фридберг, Бродский не берет на вооружение другую характерную вольность английского ямба — хорейческие переакцентуации (внутрислопные инверсии).

Одно из направлений сравнительной ритмики развивает идеи французского поэта и переводчика Анри Мешонника [Meschonnic 1982]. В монографии ученика Мешонника Джеймса Андерхилла «Голос и стихосложение в переводной поэзии» [Underhill 2016] ключевым в переводе названа передача ритма, понимаемого максимально широко — как все аспекты динамической организации речи²⁹. В этом значении Андерхилл использует термин «голос» («voice») и выделяет пять уровней его реализации: голос 1) языка, 2) эпохи, 3) литературной школы, 4) поэта и 5) конкретного стихотворения. Несмотря на всю неопределенность этого понятия, ему уже посвящена обширная библиография [Taivalkoski-Shilov, Suchet 2013].

8. Сравнительная фоника

Звуковая организация художественных текстов в сравнительной перспективе пока не является предметом широкого интереса за исключением переводной поэзии, где воспроизведение звучания иноязычного текста иногда становится специальным заданием. Примеры стихотворных переводов, не эквивалентных оригиналу лексически, но воспроизводящих его звук и ритм, были впервые обнаружены Ю. Н. Тыняновым [1922/1977]. Позже это явление

²⁹ Ср. концепцию «Ритма с большой буквы» как общей упорядоченности звукового строения речи в его отношении к «ритму с маленькой буквы» и «метру» [Гаспаров 1987; Шапир 2000–2015, кн. 1: 91–128].

было названо «фонетическим факсимиле» (Дж. Штайнер), «фонемным» (А. Лефевр) или «омофоническим переводом» (Л. Венути). Вопрос об условиях и функциях сохранения иноязычной фоники в поэтических переводах рассмотрен в работах И. А. Пильщикова³⁰.

Вышло несколько интересных статей по типологии и сравнительному исследованию рифмы: в лингвистическом ключе с привлечением разнообразного редкого материала (хеттский, иврит, арабский, арамейский) — [Peust 2014]; с точки зрения исторической поэтики и с применением статистических методов — [Maslov, Nikitina 2019]. В работе [M. Lotman, M.-K. Lotman 2015] предложена типология аллитераций в разноязычном стихе и исследованы стратегии ее передачи в эстонских и русских переводах.

9. Сравнительная строфика

Строфика — одна из наиболее разработанных областей стиховедения. Создана номенклатура описания строфических признаков, изучаются строфические репертуары отдельных поэтов и эпох, закономерности формирования строф и строфоидов, их синтаксические и ритмические особенности. Но лишь недавно эти формы стали исследоваться как содержательные лингвостилистические единства, выполняющие роль передатчиков при кросс-культурном взаимодействии и способствующие развитию национальных поэтических языков. Примером таких исследований могут служить статьи М. И. Шапира [2006] и А. С. Белоусовой [2013] об эволюции семантических лейтмотивов европейской октавы. Не ослабевает внимание к сонету как интернациональной стиховой форме и его судьбам в разных национальных традициях [Aroui 2009b; R. Lotman 2013; 2017; Белоусова 2019; Regan 2019].

Заключение

Подводя итог столетним усилиям исследователей, можно сказать, что сравнительное стиховедение превратилось в обширную и разнообразную область, которая, с одной стороны, активно развивается, а с другой стороны, страдает от разобщенности.

Сближаются традиции генеративного и стохастического стиховедения, о которых еще недавно говорили как о «разных — и, очевидно, конкурирующих — школах» [Küper 2011: 9]. Этому способствует организация международных конференций (Meter and Rhythm — Rhythm and Meter 2008; *Frontiers in Comparative Metrics* 2008, 2014, 2017; *NordMetrik* 2016, 2018; *Plotting Poetry* 2017, 2018, 2019, 2020; *Quantitative Approaches to Versification* 2019), публикация их материалов и выход других международных сборников³¹, а также создание нового специализированного журнала «*Studia Metrica et Poetica*» (англ. яз., с 2014, Эстония), объединяющего стиховедов разных традиций. Возможность знакомиться с новыми работами о европейских стихосложениях дают национальные журналы: «*Stilistica e metrica italiana*» (итал. яз., с 2001, Италия) и «*Rhythmica. Revista española de métrica comparada*» (преимуществ. исп., также англ. и фр. яз., с 2003, Испания).

Важнейшая задача сравнительного стиховедения — поиск путей если не к унификации, то «гармонизации» и взаимной «конвертации» разных подходов. Это позволит использовать добытые в рамках разных методологий данные без ущерба для конечного результата.

³⁰ См. [Pilshchikov 2016] (там же история вопроса).

³¹ «*Formal Approaches to Poetry*», eds. В. Е. Dresher, N. Friedberg, 2006; «*Towards a Typology of Poetic Forms*», eds. J.-L. Aroui, A. Arleo, 2009; «*Frontiers in Comparative Prosody*», eds. M. Lotman, M.-K. Lotman, 2011; «*Formal Methods in Poetics*», eds. Barry P. Scherr, J. Bailey, E. Kazartsev, 2011; «*Current Trends in Metrical Analysis*», ed. C. Küper, 2011.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Акимова, Болотов 2009 — Акимова М. В., Болотов С. Г. Стих «Божественной комедии» и проблема его адекватной передачи на русском языке. *Славянский стих. VIII: Стих, язык, смысл*. Прохоров А. В., Скулачева Т. В. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2009, 299–321. [Akimova M. V., Bolotov S. G. The verse of the *Divine Comedy* and the problem of its Russian equivalent. *Slavyanskii stikh. VIII: Stikh, yazyk, smysl*. Prokhorov A. V., Skulacheva T. V. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2009, 299–321.]
- Белоусова 2013 — Белоусова А. С. Ритмико-синтаксическая организация русской, итальянской и английской октавы: к проблеме «Стих и язык». *Вестник Московского ун-та. Сер. 9: Филология*, 2013, 3: 121–131. [Belousova A. S. The rhythmic and syntactic organization of the Russian, Italian, and English ottava rima: “Verse and Language” as a problem]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya*, 2013, 3: 121–131.]
- Белоусова 2019 — Белоусова А. С. Строфический макросинтаксис: октава, терцина, сонет (Россия и Италия). *Рема*, 2019, 4: 9–20. [Belousova A. S. Strophic macrosyntax: Ottava rima, terza rima, sonnet (Russia and Italy). *Rhema*, 2019, 4: 9–20.]
- Брюсов 1918 — Брюсов В. *Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам*. М.: Геликон, 1918. [Bryusov V. *Opyty po metrike i ritmike, po evfonii i sozvuchiyam, po strofike i formam* [Essays on metrics and rhythmic, on euphony and consonances, on stanzas and forms]. Moscow: Gelikon, 1918.]
- Гаспаров 1973 — Гаспаров М. Л. Русский ямб и английский ямб. *Philologica: Исследования по языку и литературе: Памяти акад. В. М. Жирмунского*. Ярцева В. Н. (отв. ред.). Л.: Наука, 1973, 408–415. [Gasparov M. L. Russian iamb and English iamb. *Philologica: Issledovaniya po yazyku i literature: Pamyati akademika V. M. Zhirmunskogo*. Yartseva V. N. (ed.). Leningrad: Nauka, 1973, 408–415.]
- Гаспаров 1974 — Гаспаров М. Л. *Современный русский стих: Метрика и ритмика*. М.: Наука, 1974. [Gasparov M. L. *Sovremennii russkii stikh. Metrika i ritmika* [Modern Russian verse. Metrics and rhythmic]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Гаспаров 1981 — Гаспаров М. Л. Итальянский стих: силлабика или силлабо-тоника? *Проблемы структурной лингвистики 1978*. Григорьев В. П. (отв. ред.). М.: Наука, 1981, 199–218. [Gasparov M. L. Italian verse: Syllabics or syllabo-tonics? *Problemy strukturnoi lingvistiki 1978*. Grigor'ev V. P. (ed.). Moscow: Nauka, 1981, 199–218.]
- Гаспаров 1986 — Гаспаров М. Л. Историческая поэтика и сравнительное стиховедение (проблема сравнительной метрики). *Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения*. Храпченко М. Б., Бердников Г. П., Гей Н. К., Бочаров С. Г., Подгаецкая И. Ю. (ред.). М.: Наука, 1986, 188–209. [Gasparov M. L. Historical poetics and comparative poetics (The problem of comparative metrics). *Istoricheskaya poetika: Itogi i perspektivy izucheniya*. Khrapchenko M. B., Berdnikov G. P., Gei N. K., Bocharov S. G., Podgaetskaya I. Yu. (eds.). Moscow: Nauka, 1986, 188–209.]
- Гаспаров 1987 — Гаспаров М. Л. Ритм. *Литературный энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1987, 326. [Gasparov M. L. Rhythm. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987, 326.]
- Гаспаров 1987/1997 — Гаспаров М. Л. Вероятностная модель стиха (английский, французский, итальянский, испанский, латинский стих). *Избранные труды*. Т. III. Гаспаров М. Л. М.: Языки русской культуры, 1997, 9–39. [Gasparov M. L. A probability model of verse (English, French, Italian, Spanish, Latin). *Izbrannye trudy*. Vol. 3. Gasparov M. L. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1997, 9–39.]
- Гаспаров 1989/2003 — Гаспаров М. Л. *Очерк истории европейского стиха*. М.: Фортуна Лимитед, 2003. [Gasparov M. L. *Ocherk istorii evropeiskogo stikha* [A history of European versification]. Moscow: Fortuna Limited, 2003.]
- Гаспаров 1990 — Гаспаров М. Л. Буквализм словесный против буквализма ритмического (Неизданный перевод из «Пана Тадеуша»). *Quinquagenario Alexandri II'ushini oblata*. Шапир М. И. (ред.). М.: МГУ, 1990, 53–62. [Gasparov M. L. Verbal literalism vs. rhythmic literalism (An unpublished partial translation of “Pan Tadeusz”). *Quinquagenario Alexandri II'ushini oblata*. Shapir M. I. (ed.). Moscow: Moscow State Univ., 1990, 53–62.]
- Гаспаров 1993/2001 — Гаспаров М. Л. *Русский стих начала XX века в комментариях*. М.: Фортуна Лимитед, 2001. [Gasparov M. L. *Russkii stikh nachala XX veka v kommentariyakh* [Early twentieth-century Russian verse, annotated]. Moscow: Fortuna Limited, 2001.]
- Гаспаров 1997 — Гаспаров М. Л. Русский гексаметр и иные национальные формы гексаметра. *Избранные труды*. Т. III. Гаспаров М. Л. М.: Языки русской культуры, 1997, 234–258. [Gasparov M. L.

- Russian hexameter and other national forms of hexameter. *Izbrannyye trudy*. Vol. 3. Gasparov M. L. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1997, 234–258.]
- Гаспаров и др. 1987 — Гаспаров М., Лотман М., Руднев П., Тарлинская М. Проблемы стиховедения в работах Я. Р. Пьльдмяз. *Ученые записки Тартуского ун-та*, 1987, 780: 99–115. [Gasparov M., Lotman M., Rudnev P., Tarlinskaja M. Approaches to verse theory in the works of Ja. R. Põldmäe. *Acta Universitatis Tartuensis*, 1987, 780: 99–115.]
- Гиндин 1973 — Гиндин С. И. Брюсовское описание метрики русского стиха с точки зрения современной типологии лингвистических описаний [Gindin S. I. Bryusov's description of Russian metrics from the perspective of modern typology of linguistic descriptions]. *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky*. Jakobson R. (ed.). The Hague: Mouton, 1973, 151–160.
- Голенищев-Кутузов 1973 — Голенищев-Кутузов И. Н. Александрийский стих в России и на Западе. *Славянские литературы*. Голенищев-Кутузов И. Н. М.: Наука, 1973, 372–395. [Golenishchev-Kutuzov I. N. The Alexandrine verse in Russia and the West. *Slavyanskije literatury*. Golenishchev-Kutuzov I. N. Moscow: Nauka, 1973, 372–395.]
- Гончаренко 1988 — Гончаренко С. Ф. *Стилистический анализ испанского стихотворного текста: Основы теории испанской поэтической речи*. М.: Высшая школа, 1988. [Goncharenko S. F. *Stilisticheskii analiz ispanского stikhotvornogo teksta: Osnovy teorii ispanской poeticheskoi rechi* [Stylistic analysis of the Spanish poetic text: Fundamentals of Spanish poetic speech theory]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1988.]
- Жирмунский 1923 — Жирмунский В. М. *Рифма, ее история и теория*. Пг.: Academia, 1923. [Zhirmunsky V. M. *Rifma, ee istoriya i teoriya* [Rhyme, its history and theory]. Petrograd: Academia, 1923.]
- Жирмунский 1925 — Жирмунский В. М. *Введение в метрику: Теория стиха*. Л.: Academia, 1925. [Zhirmunsky V. M. *Vvedenie v metriku: Teoriya stikha* [Introduction to metrics: The theory of verse]. Leningrad: Academia, 1925.]
- Жирмунский 1968 — Жирмунский В. М. О национальных формах ямбического стиха. *Теория стиха*. Холшевников В. Е. (отв. ред.). Л.: Наука, 1968, 7–23. [Zhirmunsky V. M. On the national forms of the iambic verse. *Teoriya stikha*. Kholshevnikov V. E. (ed.). Leningrad: Nauka, 1968, 7–23.]
- Зайцев 1994 — Зайцев А. И. *Формирование греческого гекзаметра*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. [Zaitsev A. I. *Formirovanie grecheskogo gekzametra* [The making of Greek hexameter]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 1994.]
- Илюшин 2004 — Илюшин А. А. *Русское стихосложение*. М.: Высшая школа, 2004. [Ilyushin A. A. *Russkoe stikhoslozhenie* [Russian versification]. Moscow: Vysshaya Shkola, 2004.]
- Казарцев 2017 — Казарцев Е. В. *Сравнительное стиховедение: метрика и ритмика*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. [Kazartsev E. V. *Sravnitel'noe stikhovedenie: metrika i ritmika* [Comparative study of verse: meter and rhythm]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical Univ. Press, 2017.]
- Козьмин 2009 — Козьмин А. В. Стихосложение гавайских песен (mele): опыт применения одного статистического показателя. *Вестник РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, 2009, 9: 91–96. [Koz'min A. V. The verse of Hawaiian songs (mele): Applying one statistical indicator. *Vestnik RGGU. Ser. "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"*, 2009, 9: 91–96.]
- Колмогоров, Прохоров 1968 — Колмогоров А. Н., Прохоров А. В. К основам русской классической метрики. *Содружество наук и тайны творчества*. Мейлах Б. С. (ред.). М.: Искусство, 1968, 397–432. [Kolmogorov A. N., Prokhorov A. V. The fundamentals of Russian classical metrics. *Sodruzhestvo nauk i тайны tvorchestva*. Meilakh B. S. (ed.). Moscow: Iskusstvo, 1968, 397–432.]
- Кормилов 1995 — Кормилов С. И. *Маргинальные системы русского стихосложения*. М.: Изд-во МГУ, 1995. [Kormilov S. I. *Marginal'nye sistemy russkogo stikhoslozheniya* [Marginal systems of Russian versification]. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1995.]
- Коровина 2018 — Коровина Е. В. К вопросу о применении статистики для определения метра (на примере тонганских текстов). *Вестник РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, 2018, 9: 79–89. [Korovina E. V. Application of statistics to identify meter: Case study of Tongan texts. *Vestnik RGGU. Ser. "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"*, 2018, 9: 79–89.]
- Корчагин 2010 — Корчагин К. М. [Рец. на:] N. Fabb, M. Halle. Meter in poetry. A new theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. *Вопросы языкознания*, 2010, 1: 138–146. [Korchagin K. M. [Review of:] N. Fabb, M. Halle. Meter in poetry. A new theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. *Voprosy Jazykoznanija*, 2010, 1: 138–146.]
- Корчагин 2011 — Корчагин К. М. Современные зарубежные исследования метрики. *Вопросы языкознания*, 2011, 4: 90–115. [Korchagin K. M. Contemporary international studies of metrics. *Voprosy Jazykoznanija*, 2011, 4: 90–115.]

- Корчагин 2015 — Корчагин К. М. Начальные переакцентуации (перебой) в русских двусложных размерах (типология и история). *Известия РАН. Сер. литературы и языка*, 2015, 74(1): 19–29. [Korchagin K. M. The first-foot trans-accentuations (metrical inversions) in Russian binary meters: Typology and history. *Izvestiya RAN. Ser. literature i yazyka*, 2015, 74(1): 19–29.]
- Корчагин 2017 — Корчагин К. М. Типология систем стихосложения и метрический статус дольника на двусложной основе. *Зборник Матице српске за славистику*, 2017, 92: 707–730. [Korchagin K. M. The typology of versification systems and the metrical status of the dolnik on the disyllabic basis. *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*, 2017, 92: 707–730.]
- Корчагин 2021 — Корчагин К. М. *Русский стих: Цезура*. СПб.: Алетейя, 2021. [Korchagin K. M. *Russkii stikh: Tsezura* [Russian verse: The caesura]. St. Petersburg: Aleteiya, 2021.]
- Корш 1907 — Корш Ф. Е. Введение в науку о славянском стихосложении. *Статьи по славяноведению*. Т. II. Корш Ф. Е. СПб.: Тип. ИАН, 1907, 300–378. [Korsh F. E. Introduction to Slavic versification. Korsh F. E. *Stat' i po slavyanovedeniyu*. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1907, 300–378.]
- Левый 1963/1974 — Левый И. *Искусство перевода*. Пер. с чеш. М.: Прогресс, 1974. [Levý J. *Umění překlady* [The art of translation]. Prague: Československý spisovatel, 1963. Transl. into Russian.]
- М. Лотман 1975 — Лотман М. [Рец. на:] Morris Halle and Samuel Jay Keyser. The Iambic Pentameter. *Versifikation: Major Language Types*. Wimsatt W. K. (ed.). New York, 1972, 217–237. *Ученые записки Тартуского ун-та*, 1975, 365: 301–305. [Lotman M. [Review of:] Morris Halle and Samuel Jay Keyser. The Iambic Pentameter. *Versifikation: Major Language Types*. Wimsatt W. K. (ed.). New York, 1972, 217–237. *Acta Universitatis Tartuensis*, 1975, 365: 301–305.]
- М. Лотман 1995 — Лотман М. Русский стих: основные размеры, входящие в европейский метрический фонд. [Lotman M. Russian verse: The main meters of the European metrical fund.] *Ślowiańska metryka porównawcza*. No. VI. Červenka M. et al. (ed.). Warsaw: Institute of Literary Research, 1995, 259–339.
- М. Лотман 1998 — Лотман М. О системах стихосложения (преимущественно на материале эстонского и русского стиха). [Lotman M. On versification systems (primarily exemplified by Estonian and Russian verse)]. *Sign Systems Studies*, 1998, 26: 201–255.
- М. Лотман 2008 — Лотман М. Становление античных размеров в русском стихе: аспекты когнитивной метрики. [Lotman M. The formation of Classical meters in Russian verse: Aspects of cognitive metrics.] *Russian text (19th century) and Antiquity*. Kroo K., Torop P. (eds.). Budapest: L'Harmattan, 2008, 24–53.
- М. Лотман 2011 — Лотман М. Историческая типология русского гексаметра. [Lotman M. The historical typology of Russian hexameter.] *Ślowiańska metryka porównawcza*. No. IX. Łotman M., Pszczółowska L. (eds.). Warsaw: Institute of Literary Research, 2011, 82–166.
- Николаев 2018 — Николаев С. Л. К реконструкции древнерусских стихотворных текстов. *Славянское языкознание. XVI Международной съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации*. М.: ИСЛ РАН, 2018, 351–382. [Nikolaev S. L. Towards the reconstruction of Old Russian poetic texts. *Slavyanskoe yazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Belgrad, 20–27 avgusta 2018 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow: Institute of Slavic Studies, 2018, 351–382.]
- Николаев 2020 — Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. [Nikolaev S. L. «*Slovo o polku Igoreve*»: *rekonstruktsiya stikhotvornogo teksta* [The Lay of Igor's Campaign: A reconstruction of the versified text]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020.]
- Орехов 2019а — Орехов Б. В. *Башкирский стих XX века: Корпусное исследование*. СПб.: Алетейя, 2019. [Orekhov B. V. *Bashkirskii stikh XX veka: Korpusnoe issledovanie* [Twentieth-century Bashkir verse: A corpus study]. St. Petersburg: Aleteiya, 2019.]
- Орехов 2019б — Орехов Б. В. Метрика узбекских переводов русской силлабо-тоники. *Российская тюркология*, 2019, 3/4: 74–84. [Orekhov B. V. Meters of the Uzbek translations of Russian syllabo-tonics. *Rossiiskaya tyurkologiya*, 2019, 3/4: 74–84.]
- Орлицкий 2017 — Орлицкий Ю. Б. Русский Верхарн до и после революции: к проблеме генезиса пролетарского верлибра. *Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы*. Полонский В. В. (отв. ред.). М.: ИМЛИ РАН, 2017, 195–212. [Orlitskii Yu. B. Russian Verhaeren before and after the revolution: On the genesis of the proletarian vers libre. *Perelom 1917 goda: revolyutsionnyi kontekst russkoi literatury*. Polonsky V. V. (ed.). Moscow: Gorky Institute of World Literature, 2017, 195–212.]
- Орлицкий 2018 — Орлицкий Ю. Б. К генеалогии стиха русского Уитмена: Тургенев, Чуковский, Бальмонт и немногие другие (статья первая). *Славянские чтения XII*. Станкевич А. (ред.). Даугавпилс: Сауле, 2018, 103–113. [Orlitskii Yu. B. On the genealogy of Russian Whitman's verse: Turgenev,

- Chukovsky, Balmont and a few others (Article 1). *Slavyanskije chteniya XII*. Stankeviča A. (ed.). Dau-gavpils: Saule, 2018, 103–113.]
- Пильщикова 2015 — Пильщикова И. А. Традиции «русского петраркизма» и сонеты Петрарки в переводе М. Кузмина. *Михаил Кузмин: Литературная судьба и художественная среда*. Лавров А. В., Дмитриев П. В. (ред.). СПб.: Реноме, 2015, 139–157. [Pilshchikov I. A. The traditions of “Russian Petrarchism” and Petrarch’s sonnets translated by M. Kuzmin]. *Mikhail Kuzmin: Literaturnaya sud’ba i khudozhestvennaya sreda*. Lavrov A. V., Dmitriev P. V. (eds.). St. Petersburg: Renome, 2015, 139–157.]
- Пильщикова 2017 — Пильщикова И. А. Понятия «стих», «метр» и «ритм» в русской стиховедческой традиции. *Труды Ин-та русского языка им. В. В. Виноградова*, 2017, 11: 12–31. [Pilshchikov I. A. The concepts of “verse”, “meter” and “rhythm” in Russian verse studies. *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*, 2017, 11: 12–30.]
- Плунгян 2013 — Плунгян В. А. К метрике мандельштамовских переложений Петрарки. *Диалог культур: «Итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе*. Фатеева Н. А. (отв. ред.). М.: Инфотех, 2013, 34–44. [Plungian V. A. The meter of Mandelstam’s imitations of Petrarch]. *Dialog kul’tur: “Ital’janskij tekst” v russkoi literature i “russkij tekst” v ital’janskoi literature*. Fateeva N. A. (ed.). Moscow: Infotekh, 2013, 34–44.]
- Полилова 2014 — Полилова В. С. Осип Брик и стихотворный перевод (к проблеме эквиритмического перевода). *Брикковский сборник*. Вып. 2. Векшин Г. В. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2014, 158–169. [Polilova V. S. Osip Brik and poetic translation (on the problem of equirhythmical translation). *Brikovskij sbornik*. No. 2. Vekshin G. V. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2014, 158–169.]
- Полилова 2017 — Полилова В. С. О неклассическом стихе Бальмонта: Ритмическая структура прерывистых строк. *Зборник Матице српске за славистику*, 2017, 92: 731–746. [Polilova V. S. On Balmont’s non-classical verse: The rhythmic structure of “broken lines”. *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*, 2017, 92: 731–746.]
- Полилова 2018 — Полилова В. С. Перевод стиха: между функциональным и формальным эквивалентом (на материале бальмонтовских переводов испанских поэтов). *Поэзия филологии. Филология поэзии*. Пастернак Е. А., Катаев В. Б. (ред.). Тверь: А. Н. Кондратьев, 2018, 134–149. [Polilova V. S. Translation of verse: Between the functional and formal equivalent (exemplified by Balmont’s translations of Spanish poets). *Poeziya filologii. Filologiya poezii*. Pasternak E. A., Kataev V. B. (eds.). Tver: A. N. Kondrat’ev, 2018, 134–149.]
- Пщоловска 1989 — Пщоловска Л. Стих переводной и национальной литературы (На материале переводов из русской поэзии) [Pszczółowska L. Verse of translated and national literature (exemplified by translations from Russian poetry)]. *Russian Verse Theory: Proc. of the 1987 Conf. at UCLA*. Scherr B. P., Worth D. S. (eds.). Columbus (OH): Slavica, 1989, 253–274.
- Ранчин 2021 — Ранчин А. М. Стихи и проза, лед и пламень... (Рец. на: Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве»: реконструкция стихотворного текста. М.; СПб., 2020.) *Новое литературное обозрение*, 2021, 170: 344–352. [Ranchin A. M. Stikhi i proza, led i plamen’... (Review of: Nikolaev S. L. “Slovo o polku Igoreve”: rekonstruktsiya stikhotvornogo teksta. M.; SPb., 2020.) *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2021, 170: 344–352.]
- Руднев 1989 — Руднев П. А. *Введение в науку о русском стихе*. Тарту: Тартуский ун-т, 1989. [Rudnev P. A. *Vvedenie v nauku o russkoi stikhe* [Introduction to Russian verse studies]. Tartu: Tartu Univ., 1989.]
- Скулачева 2014 — Скулачева Т. В. Методы анализа стиха при неизвестной системе стихосложения. *Вестник Оренбургского гос. ун-та*, 2014, 11: 41–46. [Skulacheva T. V. Methods for verse analysis with an unknown versification system. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, 11: 41–46.]
- Тарановский 1953/2010 — Тарановский К. *Русские двухсложные размеры; Статьи о стихе*. Пер. В. В. Сонькина. М.: Языки славянской культуры, 2010. [Taranovsky K. *Russkie dvukhslozhnye razmery* [Russian binary meters, 1953]; *Stat’i o stikhe* [Essays on verse]. Translated by V. V. Son’kin. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul’tury, 2010.]
- Тарлинская 1996 — Тарлинская М. Г. Ритмический буквализм? О том, как Иван Аксенов перевел елизаветинцев. *Славянский стих: Стиховедение, лингвистика и поэтика*. Гаспаров М. Л. (ред.). М.: Наука, 1996, 147–155. [Tarlinskaja M. Rhythmic literalism? How Ivan Aksenov translated the Elizabethans. *Slavyanskij stikh: Stikhovedenie, lingvistika i poetika*. Gasparov M. L. (ed.). Moscow: Nauka, 1996, 147–155.]
- Тверьянович 2020 — Тверьянович К. Ю. «The Gruffalo» Дж. Дональдсон и «Груффало» М. Бородинской: ритмическая структура и дидактический смысл. *Детские чтения*, 2020, 18(2): 300–325. [Tver’yanovich K. Yu. J. Donaldson’s *The Gruffalo* and M. Boroditskaya’s *Gruffalo*: Their rhythmic structure and didactic meaning. *Detskie Chteniya*, 2020, 18(2): 300–325.]

- Томашевский 1923 — Томашевский Б. В. *Русское стихосложение: Метрика*. Пр.: Academia, 1923. [Tomashevskii B. V. *Russkoe stikhoslozhenie: Metrika* [Russian versification: Metrics]. Petrograd: Academia, 1923.]
- Томашевский 1923/2008 — Томашевский Б. В. Пятистопный ямб Пушкина. *Избранные работы о стихе*. Томашевский Б. В. СПб.: СПбГУ, 2008, 140–242. [Tomashevskii B. V. Pushkin's iambic pentameter. *Izbrannye raboty o stikhe*. Tomashevskii B. V. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2008, 140–242.]
- Томашевский 1925 — Томашевский Б. В. *Теория литературы (Поэтика)*. Л.: Госиздат, 1925. [Tomashevskii B. V. *Teoriya literatury (Poetika)* [Theory of literature: Poetics]. Leningrad: Gosizdat, 1925.]
- Топић, Буњак 2013 — Топић М., Буњак П. Метрички проблеми преводње српске народне епике на польски језик (на материјалу польских превода песама косовског циклуса). *Зборник Матице српске за славистику*, 2013, 83: 77–107. [Topić M., Bunjak P. Metric problems of translating the Serbian folk epic into Polish: A study of Polish translations of the songs of the Kosovo cycle. *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*, 2013, 83: 77–107.]
- Тынянов 1922/1977 — Тынянов Ю. Н. Тютчев и Гейне. *Поэтика. История литературы. Кино*. Тынянов Ю. Н. М.: Наука, 1977, 350–395. [Tynyanov Yu. N. Tyutchev and Heine. *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. Tynyanov Yu. N. Moscow: Nauka, 1977, 350–395.]
- Федоров 1927 — Федоров А. В. Проблема стихотворного перевода. *Временник отдела словесных искусств Гос. ин-та истории искусств. Поэтика*. Вып. II. Л.: Academia, 1927, 104–118. [Fedorov A. V. The problem of verse translation. *Vremennik otдела slovesnykh iskusstv Gosudarstvennogo instituta istorii iskusstv. Poetika*. No. 2. Leningrad: Academia, 1927, 104–118.]
- Федоров 1928 — Федоров А. В. Звуковая форма стихотворного перевода (Вопросы метрики и фонетики). *Временник отдела словесных искусств Гос. ин-та истории искусств. Поэтика*. Вып. IV. Л.: Academia, 1928, 45–69. [Fedorov A. V. The sound form of the verse translation (Issues of metrics and phonetics). *Vremennik otдела slovesnykh iskusstv Gosudarstvennogo instituta istorii iskusstv. Poetika*. No. 4. Leningrad: Academia, 1928, 45–69.]
- Фридберг 2001 — Фридберг Н. Теория русского метра на основе ограничений. *Славянский стих: лингвистическая и прикладная поэтика*. Гаспаров М. Л., Прохоров А. В., Скулачева Т. В. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2001, 27–41. [Friedberg N. A constraint-based theory of Russian verse. *Slavyanskii stikh: Lingvisticheskaya i prikladnaya poetika*. Gasparov M. L., Prokhorov A. V., Skulacheva T. V. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2001, 27–41.]
- Червенка 2011 — Червенка М. *Смысл и стих. Труды по поэтике*. М.: Языки славянской культуры, 2011. [Červenka M. *Smysl i stikh. Trudy po poetike* [Meaning and verse. Works on poetics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2011.]
- Шапир 2000–2015 — Шапир М. И. *Universum versus: Язык — стих — смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*. Кн. 1–2. М.: Языки славянской культуры, 2000–2015. [Shapir M. I. *Universum versus: Yazyk — stikh — smysl v russkoi poezii XVIII–XX vekov* [Universum versus: Language — verse — meaning in Russian poetry of the 18th–20th centuries]. Books 1–2. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2000–2015.]
- Шапир 2006 — Шапир М. И. Семантические лейтмотивы ирои-комической октавы (Байрон — Пушкин — Тимур Кибиров). [Shapir M. I. Semantic leitmotifs of the mock-heroic *ottava rima* (Byron — Pushkin — Timur Kibirov).] *Philologica*, 2006, 8: 91–168.
- Эткинд 1963 — Эткинд Е. Г. *Поэзия и перевод*. М.; Л.: Советский писатель, 1963. [Etkind E. G. *Poeziya i perevod* [Poetry and translation]. Moscow; Leningrad: Sovetskii Pisatel', 1963.]
- Якобсон 1923 — Якобсон Р. О. *О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским*. Берлин: Гос. изд-во РСФСР, 1923. [Jakobson R. *O cheshskom stikhe, preimushchestvenno v сопоставлении s russkim* [On Czech verse primarily compared to Russian]. Berlin: RSFSR State Publishing House, 1923.]
- Якобсон 1933/1979 — Якобсон Р. Болгарский пятистопный ямб в сопоставлении с русским [Jakobson R. Bulgarian iambic pentameter compared to Russian]. *Selected Writings*. Vol. V. Jakobson R. The Hague: Mouton, 1979, 135–146.
- Якобсон, Лотц 1941/1987 — Якобсон Р., Лотц Дж. Аксиомы системы стихосложения (на примере мордовской народной песни). *Работы по поэтике*. Якобсон Р. М.: Прогресс, 1987, 133–139. [Jakobson R., Lotz J. *Axiomatik eines Verssystems am mordwinischen Volkslied dargelegt*. (Thesen zu einem Vortrag im Ungarischen Institut am 8. April 1941.) Stockholm: Stockholm Univ., 1941. Transl. into Russian.]
- Ярхо 2021 — Ярхо Б. И. Предисловие <«Песни о моем Сиде»>. Публ. и коммент. В. С. Полиловой. *Художественно-филологический перевод 1920–1930-х годов*. Баскина М. Э., Филичева В. В. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2021, 146–214. [Yarkho B. I. Introduction to *El Cantar de mio Cid*. Annot. by V. S. Polilova. *Khudozhestvenno-filologicheskii perevod 1920–1930-kh godov*. Baskina M. E., Filicheva V. V. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021, 146–214.]

- Akimova et al. 2020 — Akimova M., Belousova A., Pilshchikov I., Polilova V. CPCL: A multilingual parallel corpus of poetic texts and new perspectives for comparative literary studies. *DHN2020: The workshop "Parallel Corpora as Digital Resources and Their Applications"* (Riga, 2020): Abstracts. E-publication, 2020. https://parallellcorporadhn2020.github.io/talks/Akimova_Belousova_Pilshchikov_Polilova.html.
- Aroui 2009a — Aroui J.-L. Introduction: Proposals for metrical typology. *Towards a typology of poetic forms: From language to metrics and beyond*. Aroui J.-L., Arleo A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009, 1–40.
- Aroui 2009b — Aroui J.-L. Metrical structure of the European sonnet. *Towards a typology of poetic forms: From language to metrics and beyond*. Aroui J.-L., Arleo A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009, 385–401.
- Aroui 2014 — Aroui J.-L. A typology of quantitative meters. *Frontiers in comparative metrics 2: In memoriam Lucyllae Psczołowskae: Conf. abstracts*. Tallinn: TLU, 2014, 10–11.
- Attridge 2010 — Attridge D. In defence of the dolnik: Twentieth-century British verse in free four-beat metre. *Études britanniques contemporaines*, 2010, 39: 5–18.
- Attridge 2012 — Attridge D. The case for the English dolnik; Or, How not to introduce prosody. *Poetics Today*, 2012, 33(1): 1–26.
- Bailey 1969 — Bailey J. Blok and Heine: An episode from the history of Russian *dol'niki*. *Slavic and East European Journal*, 1969, 13(1): 1–22.
- Bailey 1979 — Bailey J. The Russian linguistic-statistical method for studying poetic rhythm: A review article. *Slavic and East European Journal*, 1979, 23(2): 251–261.
- Bailey 1987 — Bailey J. An exploration in comparative metrics. *Style*, 1987, 21(3): 359–376.
- Bělič 1997 — Bělič O. La métrica histórica y la métrica comparada. *Thesaurus: Boletín del Instituto Caro y Cuervo*, 1997, 52(1/3): 255–271.
- Bělič 2000 — Bělič O. *Verso español y verso europeo*. Santafé de Bogota: Instituto Caro y Cuervo, 2000.
- Blumenfeld 2015 — Blumenfeld L. Meter as faithfulness. *Natural Language & Linguistic Theory*, 2015, 33(1), 79–125.
- Blumenfeld 2016 — Blumenfeld L. Generative metrics: An overview. *Language and Linguistics Compass*, 2016, 10(9): 413–430.
- Cole 1969 — Cole T. The Saturnian verse. *Yale Classical Studies*, 1969, XXI: 1–73.
- Darebný 2018 — Darebný J. *Verso español y verso checo. Traducción del teatro polimétrico de Calderón de la Barca*. Brno: Muni Press, 2018.
- de la Rosa et al. 2021 — de la Rosa J., Pérez Á., de Sisto M., Hernández L., Diaz A., Ros S., González-Blanco E. Transformers analyzing poetry: Multilingual metrical pattern prediction with transformer-based language models. *Neural Computing and Applications*, 2021, 24. <https://doi.org/10.1007/s00521-021-06692-2>.
- Domínguez Caparrós 2001 — Domínguez Caparrós J. Sobre métrica comparada. *Signa*, 2001, 10: 233–250.
- Duffell 2004 — Duffell M. J. The typology and origin of accentual verse. *Rhythmica*, 2004, 2: 67–86.
- Espósito 2011 — Espósito E. El cómputo silábico = Counting syllables. *Rhythmica*, 2011, 9: 43–58.
- Fabb 1997 — Fabb N. *Linguistics and literature: Language in the verbal arts of the world*. Oxford: Blackwell, 1997.
- Fabb, Halle 2008 — Fabb N., Halle M. *Meter in poetry: A new theory*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Fowler 1977 — Fowler R. Comparative metrics and comparative literature. *Comparative Literature*, 1977, 29(4): 289–299.
- Frank 2008 — Frank A. P. Versification and stanza formation: Towards a transfer approach. *Übersetzung — Translation — Traduction: An international encyclopedia of translation studies*. Kittel H. et al. (eds.). Tbd. II. Berlin: De Gruyter, 2008, 962–980.
- Friedberg 2006 — Friedberg N. Constraints, complexity, and the grammar of poetry. *Formal approaches to poetry*. Drescher B. E., Friedberg N. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2006, 211–232.
- Friedberg 2011 — Friedberg N. *English rhythms in Russian verse: On the experiment of Joseph Brodsky*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011.
- Gachechiladze 1970 — Gachechiladze G. R. Georgian verse, comparative versification, and verse translation. *The nature of translation: Essays on the theory and practice of literary translation*. Holmes J. et al. (eds.). The Hague: Mouton; Bratislava: Slovak AS, 1970, 112–123.
- González Blanco E. et al. 2020 — González Blanco E. et al. *postdata-prosodicElements ontology. Revision: V1.0*. Web resource, 2020. <https://postdata.linhd.uned.es/ontology/postdata-prosodicElements/documentation/index-en.html>
- Halle, Keyser 1966 — Halle M., Keyser S. J. Chaucer and the study of prosody. *College English*, 1966, 28(3): 187–219.

- Halle, Keyser 1971 — Halle M., Keyser S. J. *English stress: Its form, its growth and its role in verse*. New York: Harper & Row, 1971.
- Halle, Keyser 1972 — Halle M., Keyser S. J. The iambic pentameter. *Versification: Major language types*. Wimsatt W. K. (ed.). New York: New York Univ. Press, 1972, 217–237.
- Hammond 1995 — Hammond M. Metrical phonology. *Annual Review of Anthropology*, 1995, 24: 313–342.
- Hanson 2011 — Hanson K. Generative metrics: The state of the art. *Current trends in metrical analysis*. Küper C. (ed.). Bern: Peter Lang, 2011, 45–62.
- Harshav 2014 — Harshav B. *Three thousand years of Hebrew versification: Essays in comparative prosody*. New Haven: Yale Univ. Press, 2014.
- Holmes 1969 — Holmes J. S. Forms of verse translation and the translation of verse form. *Babel*, 1969, 15(4): 195–201.
- Ibrahim 2012 — Ibrahim R. Konec Velkého Projektu. *Česká literatura*, 2012, 60(3): 448–452.
- Jakobson 1929 — Jakobson R. Zur vergleichende Forschung über die slavischen Zehnsilber. *Slavistischer Studien*, 1929, 1(5): 7–20.
- Jakobson 1930 — Jakobson R. О překladu veršů. *Plán*, 1930, 2(1): 9–11. (Abridged English transl.: Jakobson R. *Selected writings*. Vol. V. The Hague: Mouton, 1979, 131–134.)
- Jakobson 1938/1979 — Jakobson R. Toward a description of Mácha's verse. Jakobson R. *Selected writings*. Vol. V. The Hague: Mouton, 1979, 433–485.
- Jakobson 1952 — Jakobson R. Studies in comparative Slavic metrics. *Oxford Slavonic Papers*, 1952, 3: 21–66.
- Jakobson 1953/1987 — Jakobson R. The kernel of comparative Slavic literature. *Harvard Slavic Studies*, 1953, 1: 1–71. (Рус. пер.: Якобсон Р. *Работы по поэтике*. М.: Прогресс, 1987, 23–79.)
- Jakobson 1954 — Jakobson R. Comparative Slavic studies. *The Review of Politics*, 1954, 16(1): 67–90.
- Jakobson 1960 — Jakobson R. Linguistics and poetics. *Style in language*. Sebeok Th. A. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1960, 350–377. (Сокр. рус. пер. в кн.: *Структурализм: «за» и «против»*. Басин Е. Я., Поляков М. Я. (ред.). М.: Прогресс, 1975, 193–230.)
- Kazartsev 2014 — Kazartsev E. Comparative study of verse: Language probability models. *Style*, 2014, 48(2): 119–139.
- Kazartsev 2015 — Kazartsev E. Language and meter in Early English, Dutch, German, and Russian iambic verse. *Comparative Literature Studies*, 2015, 52(4): 682–703.
- Kazartsev 2018 — Kazartsev E. Ритмическое представление текста в сравнительных стиховедческих исследованиях [Conceptions of rhythmical structure in comparative studies of verse]. *Russian Linguistics*, 2018, 42: 271–287.
- Kazartsev 2019 — Kazartsev E. Probability and cognitive models of verse meter. *Quantitative approaches to versification*. Plecháč P. et al. (eds.). Prague: ICL CAS, 2019, 105–112.
- Kazartsev 2020 — Kazartsev E. Computer models of verse prosody. *CEUR Workshop Proc.*, 2020, vol. 2780: 155–165. <http://ceur-ws.org/Vol-2780/paper14.pdf>.
- Kazartsev, Zemskova 2021 — Kazartsev E., Zemskova T. A new electronic system for comparative analysis of verse and prose. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2021. <https://www.dialog-21.ru/media/5521/kazartsevpluszemskovat061.pdf>
- Kiparsky 1973 — Kiparsky P. The role of linguistics in a theory of poetry. *Daedalus*, 1973, 102: 231–244.
- Kiparsky 1977 — Kiparsky P. The rhythmic structure of English verse. *Linguistic Inquiry*, 1977, 8: 189–247.
- Kiparsky 2009 — Kiparsky P. [Review of:] *Meter in Poetry: A New Theory* by Nigel Fabb, Morris Halle. *Language*, 2009, 85(4): 923–930.
- Kiparsky 2018 — Kiparsky P. Indo-European origins of the Greek hexameter. *Language and meter*. Gunkel D., Hackstein O. (eds.). Leiden: Brill, 2018, 77–128.
- Kiparsky 2020 — Kiparsky P. Metered verse. *Annual Review of Linguistics*, 2020, 6(1): 25–44.
- Kozmin 2011 — Kozmin A. Syllabic verse and vowel length in Polynesian languages: Tongan, Tuvaluan, Hawaiian, Mangarevan, Marquesan and Rapanui. *Frontiers in comparative prosody*. Lotman M., Lotman M.-K. (eds.). Bern: Peter Lang, 2011, 195–205.
- Kreller 2007 — Kreller S. *Englischsprachige Kinderlyrik: Deutsche Übersetzungen im 20. Jahrhundert*. Bern: Peter Lang, 2007.
- Küper 2011 — Küper C. Acknowledgements. *Current trends in metrical analysis*. Küper C. (ed.). Bern: Peter Lang, 2011, 9–10.
- Lefevre 1975 — Lefevre A. *Translating poetry. Seven strategies and a blueprint*. Amsterdam: Van Gorcum, 1975.

- Liapin, Pilshchikov 2015 — Liapin S., Pilshchikov I. “Ein Fichtenbaum steht einsam” and the typology of the Russian *dolnik*. *Studia Metrica et Poetica*, 2015, 2(1): 58–80.
- M. Lotman 2006 — Lotman M. Generative metrics and the comparative approach: Russian iambic tetrameter in a comparative perspective. *Formal approaches to poetry*. Drescher B. E., Friedberg N. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006, 253–266.
- M. Lotman 2011 — Lotman M. Introduction: Linguistics and poetics revisited. *Frontiers in comparative prosody*. Lotman M., Lotman M.-K. (eds.). Bern: Peter Lang, 2011, 15–53.
- M. Lotman 2019 — Lotman M. The semiotics of verse rhythm and comparative rhythmicity: Vladimir Nabokov’s and Jurgis Baltrušaitis’s binary tetrameters from a typological perspective. *Studia Metrica et Poetica*, 2019, 6(2): 74–101.
- M. Lotman, M.-K. Lotman 2015 — Lotman M., Lotman M.-K. Lost and found in translation: The case of alliteration. *Studia Metrica et Poetica*, 2015, 2(1): 34–57.
- M. Lotman, M.-K. Lotman 2018 — Lotman M., Lotman M.-K. *Eesti silbilis-rõhulise rütmika jooni: neliktrohheus ja -jamb 19. sajandi teisel poolel ja 20. sajandi alguses*. Tallinn: EKSA, 2018.
- M. Lotman, M.-K. Lotman 2019 — Lotman M., Lotman M.-K. Estonian syllabic-accentual binary tetrameters: An overview. *NORDMETRIK News*, 2019, 2: 7–14.
- M.-K. Lotman 2011 — Lotman M.-K. The typology of the Estonian hexameter. *Frontiers in comparative prosody*. Lotman M., Lotman M.-K. (eds.). Bern: Peter Lang, 2011, 313–333.
- M.-K. Lotman 2012 — Lotman M.-K. Equiprosodic translation method in Estonian poetry. *Sign Systems Studies*, 2012, 40(3/4): 447–472.
- M.-K. Lotman, M. Lotman 2012 — Lotman M.-K., Lotman M. The derivatives of hexameter in Estonian poetry and their link with the traditional hexameter. *Sign Systems Studies*, 2012, 40(1/2): 94–120.
- R. Lotman 2013 — Lotman R. Sonnet as closed form and open process. *Interlitteraria*, 2013, 18(2): 317–334.
- R. Lotman 2017 — Lotman R. The patterns of the Estonian sonnet: Periodization, incidence, meter and rhyme. *Studia Metrica et Poetica*, 2017, 4(2): 67–124.
- Lotz 1960 — Lotz J. Metric typology. *Style in language*. Sebeok Th. A. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1960, 135–148.
- Maslov, Nikitina 2019 — Maslov B., Nikitina T. Rhyme in European verse: A case for quantitative historical poetics. *Comparative Literature*, 2019, 71(2): 194–212.
- Mayenowa 1977 — Mayenowa M. R. Comparative Slavic poetics in the work of Roman Jakobson. *Roman Jakobson: Echoes of his scholarship*. Armstrong D., Van Schoonveld C. H. (eds.). Lisse: Peter de Ridder, 1977, 259–268.
- McCully 2003 — McCully C. B. Towards a theory of poetic change. *Language and Literature*. 2003, 12(1): 5–25.
- Meillet 1923 — Meillet A. *Les origines indo-européennes des mètres grecs*. Paris: Presses universitaires de France, 1923.
- Meschonnic 1982 — Meschonnic H. *Critique du rythme: Anthropologie historique du langage*. Lagrasse: Verdier, 1982.
- Nida 1964 — Nida E. A. *Toward a science of translating*. Leiden: Brill, 1964.
- Noyer 2002 — Noyer R. Generative metrics and Old French octosyllabic verse. *Language Variation and Change*, 2002, 14(2): 119–171.
- Nurullin et al. 2019 — Nurullin R., Roudik N., Molina M., Sideltsev A., Skulacheva T. The most ancient verse in the world (Sumerian, Akkadian, Hittite): Quantitative analysis. *Quantitative approaches to versification*. Plecháč P. et al. (eds.). Prague: ICL CAS, 2019, 173–182.
- Orekhov 2021 — Orekhov B. Bashkir verse from the Turkic perspective. *Studia Metrica et Poetica*, 2021, 8(2): 32–44.
- Petrović 1999 — Petrović S. Jakobson’s idea of Comparative Slavic Literature as a general idea. *Roman Jakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniya*. Baran Kh., Gindin S. (eds.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1999, 363–371.
- Peust 2014 — Peust C. Towards a typology of poetic rhyme: With observations on rhyme in Egyptian. *Egyptian-Coptic linguistics in typological perspective*. Grossman E. et al. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2014, 341–385.
- Piera 1980 — Piera C. *Spanish verse and the theory of meter*. Ph.D. diss., Univ. of California, Los Angeles, 1980.
- Pilshchikov 2016 — Pilshchikov I. The semiotics of phonetic translation. *Studia Metrica et Poetica*, 2016, 3(1): 53–104.
- Pilshchikov, Polilova 2018 — Pilshchikov I., Polilova V. A new online information system on comparative poetics and comparative literature as a tool for studying the history of Russian and European verse.

- NordMetrik 2018: Abstracts*. E-publication, 2018. https://www.su.se/polopoly_fs/1.400472.15368255791/menu/standard/file/AbstractsNordMetrik_2018_4.pdf.
- Plecháč 2021 — Plecháč P. *Versification and authorship attribution*. Praha: Karolinum, 2021.
- Plecháč, Ibrahim 2013 — Plecháč P., Ibrahim R. Phonological and morphological means compensating for non-metricity in 19th-century Czech verse. *Prace Filologické*, 2013, 59(3): 31–50.
- Plecháč et al. 2018 — Plecháč P., Bobenhausen K., Hammerich B. Versification and authorship attribution: A pilot study on Czech, German, Spanish, and English poetry. *Studia Metrica et Poetica*, 2018, 5(2): 29–54.
- Plungian 2011 — Plungian V. A. Two Requiems, or the English dolnik on Russian soil. *Formal methods in poetics*. Scherr B. P. et al. (eds.). Lüdenscheid: RAM 2011, 173–181.
- Polilova 2018 — Polilova V. Spanish Romancero in Russian and the semantization of verse form. *Studia Metrica et Poetica*, 2018, 5(2): 77–108.
- Prieto Mendoza 2021 — Prieto Mendoza A. A. Meter in traditional Kakataibo chants. *Studia Metrica et Poetica*, 2021, 8(1): 117–138.
- Pszczółowska 1999 — Pszczółowska L. Roman Jakobson's concepts and thoughts as applied and continued in the series "Comparative Slavic Metrics". *Roman Jakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniya*. Baran Kh., Gindin S. (eds.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 1999, 691–695.
- Pszczółowska 2014 — Pszczółowska L. Comparative Slavic metrics: Evolution of aims and methods of investigation. *Studia Metrica et Poetica*, 2014, 1(2): 130–141.
- Pym 2016 — Pym A. Exploring translations theories. Trad. do Capítulo adicional: "Descriptions — the intellectual background", de E. César Godarth et al. *Cadernos de Tradução*, 2016, 36(3): 269–317.
- Regan 2019 — Regan S. (ed.). *The sonnet*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2019.
- Saavedra Carballido 2020 — Saavedra Carballido J. M. Juan de Mena's arte mayor verse in *Laberinto de fortuna*: Identifying and describing a Spanish dolnik. *Studia Metrica et Poetica*, 2020, 7(1): 47–96.
- Sarv et al. 2021 — Sarv M., Kallio K., Janicki M., Mäkelä E. Metric variation in the Finnic Runosong tradition: A rough computational analysis of the multilingual corpus. *Tackling the toolkit: Plotting poetry through computational literary studies*. Plecháč P., Kolár R., Bories A.-S., Říha J. (eds.). Prague: ICL CAS, 2021, 131–150.
- Taivalkoski-Shilov, Suchet 2013 — Taivalkoski-Shilov K., Suchet M. Introduction: Voice in the field of translation studies / De questionnement en questionnement. *La traduction des voix intratextuelles / Intratextual voices in translation*. Taivalkoski-Shilov K. (ed.). Montreal: Éditions québécoises de l'œuvre, 2013, 1–31.
- Tarlinskaja 1987 — Tarlinskaja M. Meter and language: Binary and ternary meters in English and Russian. *Style*, 1987, 21(4): 626–649.
- Tarlinskaja 1992 — Tarlinskaja M. Metrical typology: English, German, and Russian dolnik verse. *Comparative Literature*, 1992(1): 1–21.
- Tarlinskaja 1993 — Tarlinskaja M. *Strict stress-meter in English poetry compared with German and Russian*. Calgary: Univ. of Calgary Press, 1993.
- Tsur 1992/2008 — Tsur R. *Toward a theory of cognitive poetics*. 2nd, expanded and updated edn. Brighton: Sussex Academic Press, 2008.
- Tsur 1998 — Tsur R. *Poetic rhythm: structure and performance. An empirical study in cognitive poetics*. Bern: Peter Lang, 1998.
- Underhill 2016 — Underhill J. W. *Voice and versification in translating poems*. Ottawa: Univ. of Ottawa Press, 2016.
- Venuti 2008 — Venuti L. *The translator's invisibility: A history of translation*. London: Routledge, 2008.
- Volek 2006 — Volek E. Hry typologie a studium verše: český a španělský verš v zápasu o charakter a tvar sylabotónismu. *Česká literatura*, 2006, 54(2/3): 41–58.
- Watkins 1963 — Watkins C. Indo-European metrics and Archaic Irish verse. *Celtica*, 1963, 6: 194–249.
- Watkins 1994 — Watkins C. *Selected writings*. Vol. I: *Language and linguistics*. Vol. II: *Culture and poetics*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Univ. Innsbruck, 1994.
- Watkins 1995 — Watkins C. *How to kill a dragon: Aspects of Indo-European poetics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.
- West 1973 — West M. L. Indo-European metre. *Glotta*, 1973, 51(3/4): 161–187.
- West 2007 — West M. L. *Indo-European poetry and myth*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.

[Рец. на / Review of:] **T. Tenbrink. *Cognitive Discourse Analysis: An introduction***. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 271 p. ISBN 9781108422666 (hardback), 9781108436847 (paperback), 9781108534185 (e-book).

Andrej A. Kibrik

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; aakibrik@gmail.com

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.151-156

Андрей Александрович Кибрик

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия; aakibrik@gmail.com

When I first found out about Thora Tenbrink's book *Cognitive Discourse Analysis: An introduction*, I was quite excited because I have been proposing and developing a research field with exactly the same name for many years; see, e.g., [Kibrik 1999; 2011; 2021]. The basic idea of Tenbrink's approach is quite similar to mine: as she puts it, "it is all about taking language seriously as a representation of thought" (p. 248). From my perspective, cognitive discourse analysis is a very natural endeavour that was hindered for a long time because cognitive linguistics and discourse analysis were largely separated. Discourse linguists are often bashful regarding cognition, while cognitive linguists have a preference for offline phenomena, such as lexical semantics. Tenbrink's book does bridge the gap between these traditions, and in this capacity the book is useful. Tenbrink remarks that she has backgrounds in both linguistics and cognitive science, which is definitely a valuable combination. I first recount the content of the book (with some comments along the way) and then proceed with my general assessment.

The book consists of an introduction, nine chapters, and some additional materials.

In the introduction, Thora Tenbrink presents the key notion of the book: Cognitive Discourse Analysis, or CODA for short. CODA is "a method designed to reveal how speakers' thoughts and concepts are reflected in language, both explicitly and implicitly" (p. 2). Tenbrink suggests that CODA is based on traditional discourse analysis, but focuses on thought structure. She rightly claims that linguistic features help one to study cognition. So the book is intended not only as a cognitively-minded analysis of linguistic evidence, but also as a contribution to general cognitive science.

Jumping ahead somewhat, I must point out the main difficulty I had while reading the book: it is not easy to clearly understand what exactly CODA is. I will be returning to this point below, but anyway, the reader of this review should not expect the essence of CODA to be explained in the course of my retelling of the specific book chapters, since I had this problem myself while reading the book.

Chapter 1, "Background and scope", outlines the basics of the approach adopted in the book. Section 1.1 addresses the relationship between language and thought. Tenbrink says that language is just one way of evoking thought, but probably the most complex and the most flexible one. Language and thought are distinct but, at the same time, interconnected and interdependent. The CODA-style studies are somewhat Whorfian: "the relationship between thought and language is complex and bidirectional; neither can be fully understood entirely without the other" (p. 11). Section 1.2 outlines the areas of application for CODA, one of them being language as an expression of thought: when speaking, one always makes various choices, such as syntactic structures, reference types or modality that can be shown to reveal less than obvious meanings. Other areas of application include mental representations, such as spatial relationships in scene descriptions, and complex cognitive processes, i.e., problem solving and decision making. (On p. 143, Tenbrink remarks that problem solving and mental representations

are two of the main areas she is concerned with in the book.) The proposed analysis relies on the observation that language users are often aware of thought processes and can verbalize them. Section 1.3 treats the reliability and limits of CODA, i.e., whether what is said can be trusted as a source of knowledge of cognitive processes. Basically, the answer is that how things are said matters more than what is said. Overall, it is not easy for a reader to assimilate Chapter 1. Formulations about the substance of CODA activities — such as “a wide range of things that we can learn through a close analysis of linguistic patterns beyond content” (p. 30) — are very general. The text contains various reservations and disclaimers, but it is not always clear what the basic ideas they constrain are.

Chapters 2, “Language as a representation of thought”, and 3, “Resources”, also provide background for the main content of the book, offering an overview of cognitively-oriented research on language use. Chapter 2 starts with general observations (Section 2.1) and then proceeds with accounts of two research traditions: psycholinguistics (Section 2.2) and cognitive psychology (Section 2.3). Both of these traditions, even if different in particular emphases, seek to understand processes of language production and comprehension as unfolding in minds. According to Tenbrink, various notions developed in these fields are useful for CODA as well. With regard to cognitive psychology, methods such as verbal protocols of thinking aloud, originally developed by Ericsson and Simon [1993], and retrospective reports and post-performance interviews are explained, along with their strong sides, potential problems and criticism. One of the problems is that language users, when reporting their thoughts, may involve metacognition; that is, they may convey their thoughts about their thoughts. According to Tenbrink’s reasonable argument, such criticism makes sense, but it should not be too radical, as verbal protocols about thinking are better than nothing. Another interesting comment regarding the Ericsson and Simon’s [1993] paradigm is that these authors tried to make language use as context-free as possible. However, as Tenbrink rightly says, all language is contextual, and this creates a limitation to this method. Overall, Chapter 2 suggests that linguistic analysis can be added to psychological methods which are largely concerned with content only, rather than with language as such.

Chapter 3 continues an overview of the existing research traditions, including cognitive linguistics, discourse analysis and Systemic Functional Grammar (SFG). The review of cognitive linguistics (Section 3.1) covers familiar topics, such as embodiment, categorization, prototypes, conceptual metaphor, and cognitive grammar. The section on discourse analysis (3.2) discusses several traditions, such as critical discourse analysis, the work of van Dijk (including the 2000 paper, which is a short unpublished manuscript with the same title as Tenbrink’s book) and Conversation Analysis, as well as a number of discourse phenomena, including information structure, presupposition, coherence and cohesion. I would not agree with the definition of information structure as “the sequential order of information in a sentence, along with other ways in which information can be represented as new or already known”, because givenness and sequential order are only indirectly related. The discussion of SFG (Section 3.3) introduces some of the main ideas of that approach [Halliday, Matthiessen 2014], such as understanding grammar as a system of choices, the distinction between the interpersonal, ideational, and textual levels, and thematic structure. Concluding this chapter, Tenbrink suggests that elements of all the approaches may be used when doing CODA, since CODA is theory neutral.

Chapters 4 to 7 address various cognitive phenomena that were previously explored in numerous CODA studies, that is, papers authored or coauthored by Tenbrink; 34 of these are cited in the book, dated between 2003 and 2019. Chapter 4, “Identifying cognitive orientation”, focuses on attention and perspective. “Attention concerns what we orient to, in terms of cognitive focus, and perspective concerns how we orient to it, that is, from which point of view” (p. 92). A good and knowledgeable review of cognitive literature on attention (Section 4.1) is provided, as well as of some linguistic work (particularly [Talmy 2007]). Tenbrink is definitely right in saying that attention guides the use of language, and the range of issues discussed is quite broad, including profiling, pronominal reference, and description of visual scenes. The section on perspective (4.2) generally follows the work by Levinson [2003] on reference frames and related concepts.

Chapter 5, “Identifying cognitive depth”, deals with granularity and certainty. Granularity (Section 5.1) is defined as cognitive zoom, i.e., the degree of detail one can use when considering something, such as a picture. Two aspects of granularity are discussed: scale and elaboration. Scalar phenomena in spatial cognition — such as the distinction between figural, vista, environmental, and geographical space — are discussed. Elaboration essentially concerns the discourse relation adding to a clause another clause specifying what was said in the first one, as in *This is my conviction, this is what the god I serve thinks about this* (p. 124). Certainty (Section 5.2) means confidence found in various discourse phenomena. Difference between novices and experts are treated, the former demonstrating less certainty in using hedges, hesitation, vagueness, restarts, etc.

Chapter 6, “Identifying cognitive constructiveness”, addresses inference and transformation, two notions involved in problem solving and related to how the mind constructs reality. Section 6.1 on inference starts with this example: *Helena lived in a farmhouse with her parents. She didn't have many friends, and was often bored.* Such a story opening invites inferences such as ‘Helena is a child’ or ‘The farmhouse is located in a rural area’. A good analysis suggesting how we arrive at such inferences is offered. Cognitive processes of inference are discussed in greater detail, including overgeneralization and reliance on prior experience. “The world is far too complex for us to understand in full detail — but we can manage quite well based on generalised and vague knowledge as well as some practical heuristics” (p. 149). Section 6.2 on transformation discusses phenomena such as mental rotation.

Chapter 7, “Using language to convey thoughts”, is more general than the previous chapters and looks into two phenomena: communication and cognitive strategies. Section 7.1 on communication considers how language is used in interaction. The discussion is partly based on SFG notions. Issues in theory of communication are addressed. These include illocutionary phenomena, monitoring interlocutors, backchannels, and mutual adaptation. A discussion of speech technology is also included. Section 7.2, entitled “Cognitive strategies”, in fact deals with thinking aloud, thus apparently implying that the communication processes considered in the previous section are somehow less cognitive. This section uses the verbal protocol method originally developed by Ericsson and Simon [1993] and mentioned above. Tenbrink adds linguistic analyses, such as annotation and the study of discourse markers, to this original method, and concludes that “cognitive and communicative aspects work together whenever we formulate our thoughts” (p. 193).

Chapter 8, “CODA procedures”, is different from the previous four chapters and “is devoted to more practical aspects of doing CODA”. The goal of this chapter is to describe general principles of analysis, independent of which approach is taken. The preliminary section (8.1) is followed by Section 8.2 on experimental design, in which Tenbrink provides methodological recommendations, such as consistency, participant design, and instructions to participants and participant groups. Section 8.3 looks into various ways in which verbal data, such as focusing on description per se, or on the underlying thought processes, can be elicited from experimental participants. Section 8.4 discusses issues in data preparation, such as the feasibility of automatic transcription and specifics of manual transcription principles. A good example of various kinds of transcription is provided and discussed on pp. 209–210, including a spontaneous, ad hoc version and two consistent versions, one being minimal and the other more elaborate. Section 8.5 addresses some practical steps of data analysis, such as segmentation, content, tools, and operationalization. Particularly useful in this section are the discussions of the following issues: “possible sentences” in spoken discourse; use of Excel as a simple but efficient tool; inter-annotator reliability; and requirements towards annotation such as the mutually exclusive character of categories. Section 8.6 suggests that, in qualitative analysis, one should refrain from unwarranted generalization. Finally, Section 8.7 on quantitative patterns offers useful advice on inferential statistics: “the best starting point for statistical analysis is the one that motivated your study” (p. 226). Also, Tenbrink rightly suggests that one’s theoretical perspective is more central to research than the use of particular statistical tests.

The final, ninth, chapter “Beyond CODA” treats additional perspectives that the author sees as extensions to CODA. Section 9.1 on triangulation discusses various research methods that can be combined with CODA, including behavioural performance, reaction times, eye-tracking, neuroimaging, and cognitive modelling. Methods of corpus linguistics, including the use of software tools, are also explained. Section 9.2 focuses on practical purposes of analysis, associated with artificial intelligence, architectural design, and visualization tools. Section 9.3 concludes the chapter, as well as the whole book. Further prospects are discussed, such as the difference between production and comprehension or the link between textual and visual elements. The concluding sentence, referring to the overall content of the book, says: “it is my hope that this will spark further ideas about how discourse can help us understand human thought”.

At the very end of the book there are a register of linguistic features, a list of references, and an index.

Now let me proceed with some critical comments regarding the book. I begin with those that concern the very notion of CODA. On the one hand, Tenbrink calls CODA a method (e.g., p. 226) or a methodology (p. 37), but, on the other hand, says many times that anyone, not even necessarily a linguist, exploring cognition via language is already doing CODA (e.g., pp. 32, 194, 225, 248–249). So, is CODA really a specific method or just a mindset? I think that the latter is more adequate, and the claim that CODA is a coherent method is overstated. In this sense the very use of the technical acronym “CODA” does not seem warranted.

Throughout the book, Tenbrink repeats that CODA is intended as a study of cognition via the analysis of language. For example: “the main purpose of this book is to highlight the wide range of concepts and cognition-related aspects that are reflected in language, encouraging researchers to seek relevant insights through linguistic analysis” (p. 194). “Any systematic study of language use that sheds light on cognition certainly falls within the scope of ‘cognitive discourse analysis’, CODA” (p. 225). At the same time, it is said on p. 39 that “CODA does not target the mechanisms of language production and comprehension in the mind”. However, production and comprehension are cognitive processes. What is wrong with them that puts them outside of the scope of CODA?

During the first third of the book at least, the reader has a feeling that the author forgot to explain what CODA actually involves. General definitions such as those provided above are given, but that does not feel like instrumental knowledge. For instance, it is difficult to read Section 1.2, “Areas of application for CODA”, without knowing what is applied. The goal of the book is not stated at the beginning explicitly, either. As a result, the reader is kept waiting till a specific illustration of CODA appears.

The first actual illustration does not appear till p. 101. It is a relief, but this illustration has its own problems. Referring to [Cialone et al. 2018], Tenbrink retells a “Whorfian” study in which four groups of subjects (painters, sculptors, architects, and a control group) were describing a picture and demonstrated differences in what they attended to. The result is interesting, but it remains unclear what the data looked like and how they were analysed quantitatively. This is a general problem with most of the cited CODA studies: the retelling in the book is too sketchy, and, in order to be convinced, a reader has to go back to the original study. Of course, I would not expect the whole article to be included in the book, but it seems a proper balance of detail was not found.

Another interesting and practically useful CODA study is reported in Section 6.1 about inference. In this study, based on [Tenbrink et al. 2016], participants were shown a film of a collapsed building and were then asked to describe where various objects were. Unfortunately, it is not easy to understand from the retelling on pp. 153–155 what the conclusions were and even how all this is related to inference. My understanding is that a participant, in order to make sense of the complex visual scene, must make many inferences about the original orderly state.

The style of the book is not always easy to follow. The exposition is sometimes too general and tedious. For example, consider this passage from Section 2.3, “How cognitive psychologists analyse language use in relation to cognition”:

The aim is to study cognitive processes on a general scale, with specific problems as examples. By combining and comparing solution paths to different kinds of specific problems, researchers can distil the cognitive processes involved in problem solving in a more abstract way, that is, on a more general scale. Accordingly, the specific problems used in an experimental setting in cognitive psychology are not picked randomly. Instead, they are often chosen in order to support or falsify a certain existing theory about problem solving, and involve specific hypotheses about the underlying cognitive processes and strategies. (p. 44)

Similar passages are also found in sections that are supposed to be empirical, but remain too abstract; this applies, for example, to parts of Section 8.3, “Verbal data elicitation”. Some examples do occur, but they are often too schematic to allow the reader to interpret what is said in a usable and testable way.

At the beginning of the book, Tenbrink explains that the main readership of her book are novice researchers. Regarding the latter point, I must say that after reading the book I believe it is not easy for a novice researcher to use it as a procedural instruction in his/her own work. The book is more of a general discussion as to how various discourse studies can be used in cognitive research.

I was surprised that a number of well-known studies and even research traditions, falling under the general umbrella of “cognitive discourse analysis” are not mentioned in the book. This particularly concerns the work by Chafe (e.g., [1994; 2018]) and Givón (e.g., [1989; 2020]). Both of these authors actually started doing cognitive discourse analysis back in the 1970s, though without using this specific label. Tenbrink’s book emphasizes attention as a cognitive system that guides much in discourse, but does not mention relevant studies, such as [Tomlin 1995] or [Myachykov, Posner 2005]. The discourse relation of elaboration is discussed at length in Section 5.1, but no reference is made to Rhetorical Structure Theory that explored this relation within the taxonomy of discourse-semantic relations [Mann, Thompson 1988].

It would be inappropriate here to compare two versions of cognitive discourse analysis — what is proposed by Tenbrink and my own version [Kibrik 1999; 2011; 2021] — but in some other context that could be an interesting exercise. The most obvious difference is that the specific CODA studies serving as the basis for the book are associated primarily with spatial cognition, while in my approach such limitation is not found. Notwithstanding substantial differences, there are some similarities as well: first, attempting to cross-breed different research traditions that often ignore each other, particularly discourse analysis and cognitive linguistics; and second, seeing discourse as a window into the mind. I believe that the potential impact of cognitive discourse analysis — in its various instantiations — is broad, and it is good that this field, still an emerging one, is approached from various perspectives.

The bulk of specific studies by Tenbrink, often with coauthors, cited and partly retold in the book is quite impressive. I have a feeling that the approach developed by the author over the years is in fact richer than what can be gathered from this book as such.

In spite of a number of criticisms offered above, I believe that *Cognitive Discourse Analysis: An introduction* is a substantial piece of work that will pave the way for further cognitively-oriented discourse studies.

REFERENCES

- Chafe 1994 — Chafe W. *Discourse, consciousness, and time*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
 Chafe 2018 — Chafe W. *Thought-based linguistics: How languages turn thoughts into sounds*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018.
 Cialone et al. 2018 — Cialone C., Tenbrink T., Spiers H. J. Sculptors, architects, and painters conceive of depicted space differently. *Cognitive Science*, 2018, 42: 524–553.

- Ericsson, Simon 1993 — Ericsson K. A., Simon H. A. How to study thinking in everyday life: Contrasting thinking-aloud protocols with descriptions and explanations of thinking. *Mind, Culture, and Activity*, 1993, 5(3): 178–186.
- Givón 1989 — Givón T. *Mind, code and context: Essays in pragmatics*. Hillsdale: Erlbaum, 1989.
- Givón 2020 — Givón T. *Coherence*. Amsterdam: John Benjamins, 2020.
- Halliday, Matthiessen 2014 — Halliday M. A. K., Matthiessen C. M. I. M. *Halliday's introduction to functional grammar*. London: Routledge, 2014.
- Kibrik 1999 — Kibrik A. A. Cognitive inferences from discourse observations: Reference and working memory. *Discourse studies in cognitive linguistics. Proc. of the 5th International Cognitive Linguistics Conf.* Van Hoek K., Kibrik A. A., Noordman L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1999, 29–52.
- Kibrik 2011 — Kibrik A. A. Cognitive Discourse Analysis: Local discourse structure. *Slavic linguistics in a cognitive framework*. Grygiel M., Janda L. A. (eds.). Frankfurt: Peter Lang, 2011, 273–304.
- Kibrik 2021 — Kibrik A. A. Language, cognitive systems, and the methodology of observation. *Proc. of the 9th International Conf. on Cognitive Sciences, Intercognsci-2020* (Moscow, 2020). Velichkovsky B. M., Balaban P. M., Ushakov V. L. (eds.). Dordrecht: Springer, 2021, 1–14.
- Levinson 2003 — Levinson S. C. *Space in language and cognition*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Mann, Thompson 1988 — Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: Toward a functional theory of text organization. *Text*, 1988, 8: 243–281.
- Myachykov, Posner 2005 — Myachykov A., Posner M. Attention in language. *Neurobiology of attention*. Itti L., Tsotsos J., Rees G. (eds.). Amsterdam: Elsevier, 2005, 324–329.
- Talmy 2007 — Talmy L. Attention phenomena. *Handbook of cognitive linguistics*. Geeraerts D., Cuyckens H. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 264–293.
- Tenbrink et al. 2016 — Tenbrink T., Bergmann E., Hertzberg C., Gondorf C. Time will not help unskilled observers to understand a cluttered spatial scene. *Spatial Cognition and Computation*, 2016, 16(3): 192–219.
- Tomlin 1995 — Tomlin R. S. Focal attention, voice and word order: An experimental cross-linguistic study. *Word order in discourse*. Downing P., Noonan M. (eds.). Amsterdam: Benjamins, 1995, 517–554.
- van Dijk 2000 — van Dijk T. *Cognitive discourse analysis: an introduction*. Manuscript, 2000. <http://www.discursos.org/unpublished%20articles/cogn-dis-anal.htm>.

Получено / received 06.05.2021

Принято / accepted 18.05.2021

[Рец. на: / Review of:] **B. Sands (ed.). *Click consonants***. Leiden; Boston: Brill, 2020. xvi + 467 pp. (Empirical approaches to linguistic theory, 15.) ISBN 9789004424357.

Юрий Юрьевич Макаров

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия;
yurmkrv@gmail.com

Yury Y. Makarov

HSE University, Moscow, Russia;
yurmkrv@gmail.com

Благодарности: Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 22-00-034) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2022 (grant No. 22-00-034).

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.2.157-162

Рецензируемый сборник уникален и для серии «Empirical approaches to linguistic theory» (выпускаемой издательством Brill с 2011 г.), и для лингвистической литературы последних лет в целом. Во-первых, несмотря на то, что инструментальная фонетика — это одно из наиболее «осязаемых» направлений лингвистики, в серии, посвященной эмпирическим подходам, «Click consonants» является первым собственно фонетическим томом. Во-вторых, «Click consonants» — единственное на данный момент многостороннее типологическое описание конкретного класса звуков. Едва ли существует подобное издание, например, об аффрикатах в языках мира. Конечно, во многом это объясняется спецификой предмета — кликсы (или «щелкающие» согласные) значительно выделяются на фоне прочих согласных, а их географическое распределение как фонем четко привязано лишь к немногим ареалам.

Редактором тома выступила Бонни Сэндз, известный специалист в области кликсов, проводившая полевые фонетические исследования таких языков Южной Африки, как !хун¹, н!уу, хадза (Танзания, изолят), сандаве (Танзания, изолят), дахало (кушитский) и !хоан. Из ее последних обзорных работ особо отметим главу о фонетике языков банту [Maddieson, Sands 2019], а также главу о тоногенезе [Michaud, Sands 2020]; обе работы написаны в соавторстве с известными фонетистами.

Ниже следует краткий обзор проблематики каждой из глав.

В главе «Click consonants: An introduction» (Бонни Сэндз) обсуждается то, что известно о кликсах — прежде всего, с точки зрения фонетики, но приведены и некоторые экстралингвистические сведения. В собственно фонетической части описаны инициация, фонация, а также основные и дополнительные артикуляции, которые могут быть задействованы в произнесении кликсов. В связи с каждым из этих этапов рассматриваются проблемы фонетической и орфографической нотации. В частности, внимание уделено недостаткам Международного фонетического алфавита (МФА). По мнению автора главы, имеющиеся в МФА диакритики и набор из пяти символов (⟨⊙⟩ для билабиального кликса, ⟨!⟩ для дентального, ⟨!⟩ для (пост)альвеолярного, ⟨‡⟩ для палатоальвеолярного и ⟨||⟩ для альвеолярного латерального) не способны адекватно отобразить ту фонетическую вариативность,

¹ Для кириллической записи языков с кликсами в названии будет использована транслитерация с символами МФА для кликсов. Для койсанских языков генетическая принадлежность не указывается.

которая может иметь место в языках с кликсами. На практике это приводит к тому, что авторы языковых очерков, использующие МФА, порой игнорируют важные фонетические подробности, что происходит за неимением средств для их передачи или под влиянием привлекательной простоты предлагаемого набора средств. Особо примечательна практика, принятая некоторыми койсанстами и призванная частично устранить эту лауну: различия между /!/ и /ʄ/ сводятся ими не к разным местам образования передней² смычки (что соответствовало бы МФА), а к разным положениям языка³.

Помимо собственно фонетической части, в главе представлены разделы, посвященные ареалам, где распространены языки с кликсами, истории и методологии изучения кликсов, проблеме их возникновения, а также кликсам с нефонологическим статусом; наконец, кликсам в свете усвоения языка и речевой патологии.

Обсуждая эти и другие проблемы, Сэндз привлекает инструментальные данные, что в целом способствует наглядности изложения. Тем не менее в ряде мест — особенно там, где приводятся многосимвольные транскрипции, — весьма остро ощущается недостаток аудиоиллюстраций, которые могли бы упростить восприятие материала, а также помочь читателю установить связи между акустическими образами и их представлениями в виде фонетических транскрипций⁴. Далеко не каждый лингвист имеет значительный опыт работы с «щелкающими» (а часто и с тональными) системами, позволяющий с ходу понять, как звучит один из используемых примеров — /!ʰāā/ ‘иметь хороший вкус (о мясе жирафа)’ и чем он (перцептивно) отличается от минимальной пары /!ʰāā/ ‘знать’ (язык г!уи) (по [Nakagawa 2006; Nakagawa et al. 2014]).

В главе «Click phonology» (Уильям Беннет) обозреваются существующие подходы к фонологическому описанию кликсов с синхронной генеративной перспективы. Вначале автор рассматривает фонологические процессы, в которые бывают вовлечены кликсы. Он показывает, что кликсы, несмотря на особый механизм артикуляции, вполне могут взаимодействовать с прочими согласными фонемами. Так, в языке зулу (банту) префиксы для существительных 9 и 10 классов, присоединяясь к соответствующим основам, ассимилируются по месту образования с начальным согласным. Это происходит не только с пульмоническими согласными, но также и с кликсами, причем целью ассимиляции выбирается задняя (велярная) преграда⁵.

Далее Беннет переходит к проблемам, связанным с фонетической типологией, и приводит ряд имплицативных универсалий, выявляющих важные отличия кликсов от пульмонических согласных. К примеру, если в некотором языке есть неназальные кликсы, то в нем

² В англоязычной традиции для названия передней смычки используются термины «influx», «click type» и «anterior place», для названия задней — «efflux», «posterior place» и (отчасти) «click accompaniment»; последний также применяется для обозначения дополнительных артикуляций и типов фонации — иначе говоря, для всего того, что не описывается термином «click type». Здесь и далее в качестве русских аналогов будут использованы термины «передняя» и «задняя смычка» соответственно.

³ Система, отражающая в первую очередь место образования преграды (ср. названия столбцов в МФА) и в базовой конфигурации игнорирующая детальное описание активного артикулятора и его траектории движения, неспособна передать различия между, например, кликсами, производимыми с языком, выгнутым к нёбу, и, наоборот, вогнутым. Последние две конфигурации, однако, хорошо различаются на слух по глубине звучания. (Вогнутое положение языка, благодаря дополнительному резонатору в подъязычном пространстве, имеет более объемную, низкочастотную реализацию.)

⁴ Среди фонетических работ, в которых используются аудиоиллюстрации, отметим поздние издания известного учебника «A course in phonetics» [Ladefoged, Johnson 2014] и сопровождающий их сайт <https://linguistics.berkeley.edu/acip/>, а также [Beňuš 2021].

⁵ Это, однако, не говорит о том, что признак [Place] именно задней смычки всегда имеет статус основного, ср. данные из !хоон, где приводятся примеры с передней смычкой в качестве цели ассимиляции [Traill (ed.) 1977: 110 ff.].

будут и назальные кликсы (обратное неверно, ср. кушитский язык дахало); аналогичная универсалия для пульмонических согласных, очевидно, не выполняется.

Наконец, рассматриваются два типа подходов к представлению кликсов: как целостных фонем и как кластеров, состоящих как минимум из одной передней и одной задней смычки. Это ключевой момент в построении теоретического описания языка с кликсами, ведь фонемный инвентарь может либо существенно увеличиваться (за счет разнообразных сочетаний мест передней смычки с местами задней, а также дополнительных артикуляций и типов фонации) и вступать в противоречие с принципом экономии, либо сохранять нормальный размер ценой трудноразрешимых проблем с описанием фонологических процессов. К кластерному анализу предъявляется ряд вопросов, которые призваны выявить объяснительную силу подхода. Например, помогает ли кластерный анализ предсказать набор кликсов в языке, основываясь на остальных согласных фонемах этого же языка?

В заключение обзора этой главы отметим, что, на наш взгляд, ей не хватает раздела, в котором бы были представлены хотя бы некоторые примеры применения описанных принципов к генеративному анализу системы с кликсами. Автор неоднократно указывает, что тот или иной факт «проливает свет» на ту или иную признаковую архитектуру. В связи с этим было бы уместно привести хотя бы несколько кликсов некоторого языка с их признаковыми матрицами, а также примеры правил, оперирующих этими сегментами. В текущем же виде главе не хватает «кульминации» — того самого момента, в котором эмпирические данные находят применение в теоретическом описании конкретной системы.

В главе «The interaction between click consonants and tone in Tsua» (Тимоти Мэфэс) рассматривается один из сценариев взаимодействия кликсов и тона. На материале языка цуа автор демонстрирует, как кликсы выступают в роли «угнетателей тона» (tonal depressors⁶) наряду с другими согласными. Ситуация осложнена наличием ряда исключений: к части слов, содержащих контексты применения правила «угнетения тона», это правило не применяется. Используя сравнительно-исторический метод, Мэфэс убедительно показывает, что причина этого — в процессе утраты и замены кликсов и в исконной назальности «угнетателей тона» в рассматриваемых исключениях⁷. Мэфэс также предлагает способы описания этих фактов в русле генеративной фонологии.

Данная глава является ярким примером объяснения фактов синхронии через обращение к диахронии. Хочется отметить легкий стиль автора, позволяющий не потерять нить повествования даже в самых информационно нагруженных местах. Единственным композиционным недостатком можно считать помещение ряда новых фактов в заключение вместо предыдущего раздела, к которому они и относятся. Что касается содержания главы, обратим внимание на необходимость проверить результаты исследования на большем числе носителей, нежели три человека, и на расширенной лексической выборке.

⁶ «Угнетение тона» (tonal depression) — понижение частоты основного тона (F0) после определенных типов согласных. «Угнетатели тона» в цуа включают в себя некоторые взрывные, аффрикаты, /h/, серии звонких непродыхательных и глухих продыхательных кликсов, а также часть кластеров с кликсами.

⁷ Этот факт также позволяет уточнить формулировку процесса утраты и замены кликсов, данную в [Traill, Vossen 1997: 23–24]; цитата по рецензируемому изданию: «... accompaniments consist of independent articulations involving glottal states (voiceless, voiced, glottal stop), voice onset time, nasalization and ejection (...) Neither process [click loss and click replacement. — Ю. М.] involves the accompaniment» («... аккомпанементы [кликсов. — Ю. М.] состоят из следующих независимых речевых жестов: различные состояния голосовой щели (наличие или отсутствие фонации, гортанная смычка), VOT [интервал между окончанием консонантной артикуляции и началом колебания голосовых связок. — Ю. М.], назализация, эйективность. (...) Никакой из процессов [утраты или замены кликсов. — Ю. М.] не взаимодействует с этими аккомпанементами»). Как видно, формулировка слишком строга: замена кликсов все-таки может затрагивать «click accompaniment» (в данном случае — дополнительную артикуляцию назализацию).

Описанная в главе «Click loss and click insertion in Fwe» (Хильда Гунник) разновидность языка фве (банту) интересна прежде всего тем, что допускает значительную фонетическую вариативность. Во-первых, место образования передней смычки в ней неконтрастно: в одной и той же позиции разными носителями может произноситься и дентальный, и палатальный, и латеральный клик. Это не касается признаков назализации и глухости-звонкости, которые контрастивны всегда. Во-вторых, любой велярный взрывной может быть реализован кликом (и наоборот) без изменения в значении слова. Эти факты могут объясняться тем, что рассматриваемый вариант фве используется в регионе, севернее которого в фве кликсы не используются, а южнее — используются. Помимо этого, фве находится на грани исчезновения, что также может приводить к сильной фонетической вариативности [Campbell, Muntzel 1989]. Интересно, что сами носители этой разновидности фве никак не оценивают наличие кликов в речи и не считают их характерной чертой своего языка.

Автор главы без дополнительных пояснений использует в транскрипциях некоторые отсутствующие в МФА [Nolan et al. (eds.) 1999] символы, например надстрочный ⟨'⟩. На наш взгляд, это усложняет восприятие материала.

В главе «Perception of non-native click consonant contrasts: Implications for theories of speech perception» (Кэтрин Бест) рассматривается механизм восприятия кликов говорящими на языке с фонологическими кликами, с одной стороны, и говорящими на языке только с паралингвистическими кликами (например, передающими цоканье), с другой. Бест показывает, что перцептивная выделенность (perceptive salience), будучи субъективным и малоисследованным понятием, не является главной движущей силой в вопросе о фонологическом статусе. Так, несмотря на свою безусловную перцептивную выделенность, кликсы отсутствуют в большей части языков мира как фонемы, а в языках, где соответствующие фонемы все-таки имеются, часто наблюдается процесс их утраты. Не менее примечательно то, что, как показывают результаты ряда экспериментов, носители языка с исключительно паралингвистическими кликами (в данном случае английского) лучше различают разные переднеязычные кликсы, чем носители языка с отличным от стимульного составом фонологических кликов. Объяснение этим фактам дается в рамках авторской модели перцептивной ассимиляции (Perceptual Assimilation Model).

Глава «Studying clicks using real-time MRI» (Майкл Проктор и др.) содержит предварительное описание фонологических и паралингвистических кликов, полученное с помощью магнитно-резонансной томографии. Лишенный ограничений палатографии / лингвографии (нельзя или неудобно использовать дальше твердого неба) и ультразвукового исследования (положение неба приходится реконструировать), этот метод позволяет с большей детальностью описать заднюю смычку и некоторые дополнительные артикуляции, а также динамику производства звуков.

Центральное положение в главе «Recording and measuring acoustic attributes of clicks» (Шон Фулоп, Ричард Райт) занимают практические советы по проведению акустического исследования речи в полевых условиях. Помимо краткого очерка методов элицитации, в главе представлены подробные иллюстрированные инструкции по акустическому анализу полученных фрагментов речи в программе Praat [Boersma, Weenik 2001]. Особо важно то, что эти инструкции посвящены нескольким параметрам: местам образования смычек, назализации, звонкости, типу фонации и др. В связи с проблемой противопоставления плоттализованных кликов эйективным рассматривается частая ошибка в транскрибировании, которая может быть устранена благодаря акустическому анализу соответствующего материала. Отдельно отметим полезное приложение, в котором даются рекомендации по выбору записывающего оборудования и его настройке.

Идейно эта глава напоминает книгу Питера Ладефогедда «Phonetic data analysis» [Ladefoged 2003] и дополняет это классическое руководство, уделяя особое внимание кликам и опираясь на современные компьютерные средства.

Глава «Nasalized accompaniments in Proto-Khoe and in Khwe» (Эдвард Элдеркин) посвящена вопросу о назализации кликов в прото-кхое и кхве.

В главах «Click loss in Khoe-Kwadi» и «Click replacement and loss in Ju» (Анна-Мария Фен) подробно описан процесс утраты и замены кликсов в некоторых языках кхое-квади и !хун соответственно. Автор приводит богатый иллюстративный материал, а сам процесс рассматривается с привлечением социолингвистической и диахронической перспектив.

Целью главы «Production of click sounds in acquired apraxia of speech: A view to the motoric nature of the disorder» (Анита ван дер Мерве и Молли Стейн) является описание производства кликсов носителем с приобретенной апраксией речи⁸. Поскольку исследовался материал, полученный лишь от одного носителя, результаты весьма предварительны.

Авторы главы «The ArtiVarK click study: Documenting click production and substitution strategies by learners in a large phonetic training and vocal tract imaging study» (Скотт Моисик и Дэн Дедиу) ставят цель определить, влияет ли та или иная морфология нёба на способность производить кликсы. Этот вопрос, безусловно, крайне интересен, однако в настоящей главе ответа на него не дается, о чем авторы заявляют в самом начале. Описанные сведения об успешных и некорректных произнесениях дентального и альвеолярного кликсов в позиции между /a/ весьма разнородны и на текущем этапе едва ли проливают свет на обсуждаемую проблему. Таким образом, статья лишь ставит проблему, но не раскрывает ее в удовлетворительной степени.

Глава «Notes on child acquisition of clicks in Hadza» (Кёрк Миллер) представляет собой заметки об усвоении ребенком кликсов языка хадза. Одна из описанных ситуаций состоит в том, что говорящий на суахили мальчик, с которым бабушка общалась на хадза, усвоил некоторые кликсы хадза раньше, чем /s/. Если принять, что приведенные импрессионистические данные точны и отражают то, как кликсы хадза усваиваются большинством детей, то нарушается следующее ожидание: артикуляционно более сложные и типологически редкие (= маркированные) звуки усваиваются позже более простых и распространенных (ср., например, [Herbert 1986: 29–30]).

Глава «Paralinguistic use of clicks in Chad» (Флориан Лионнет) включает сведения о паралингвистических кликсах в языке лаал (южный Чад, изолят). Ф. Лионнет также сравнивает полученные данные с языком волоф (западноатлантический), где кликсы используются в сходных ситуациях. Описывается, например, использование [l̥] в функции одобрения («да») и поддержания обратной связи (backchannel; «да, продолжай», «понимаю»).

В главе «False alarms: Spurious reports of click consonants» (Кёрк Миллер), заключающей сборник, собраны различные свидетельства о якобы фонологических «кликсах», которые на проверку оказывались эйективами. К. Миллер не ограничивается обзором ранних описаний ряда языков, а привлекает также материал искусственных языков (например, на'ви, который в СМИ был окрещен языком с кликсами) и опыт собственной полевой работы, во время которой он столкнулся с ложными кликсами в языке горова (кушитский).

Завершая обзор, еще раз подчеркнем, что «Click consonants» — уникальный разносторонний сборник, позволяющий погрузиться в проблематику фонетических систем с кликсами. Помимо теоретических обзоров, которые почти всегда предварительны вследствие недостаточности собранного материала, книга содержит полезные практические советы для проведения полевой фонетической работы, что вполне отвечает духу серии «Empirical Approaches to Linguistic Theory».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Beňuš 2021 — Beňuš Š. *Investigating spoken English: A practical guide to phonetics and phonology using Praat*. Cham: Springer International Publishing, 2021.
- Boersma, Weenik 2001 — Boersma P., Weenik D. Praat, a system for doing phonetics by computer. *Glot International*, 2001, 5(9/10): 341–345.

⁸ Данный дефект связан с ошибками, возникающими на этапе создания моторной программы.

- Campbell, Muntzel 1989 — Campbell L., Muntzel M. C. The structural consequences of language death. *Investigating obsolescence: Studies in language contraction and death*. Dorian N. C. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1989, 181–196.
- Herbert 1986 — Herbert R. K. *Language universals, markedness theory, and natural phonetic processes*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1986.
- Ladefoged 2003 — Ladefoged P. *Phonetic data analysis: An introduction to fieldwork and instrumental techniques*. Malden (MA): Blackwell, 2003.
- Ladefoged, Johnson 2014 — Ladefoged P., Johnson K. *A course in phonetics*. 7th edn. Stamford (CT): Cengage Learning, 2014.
- Maddieson, Sands 2019 — Maddieson I., Sands B. The sounds of the Bantu languages. *The Bantu languages*. Van de Velde M., Bostoen K., Nurse D., Philippson G. (eds.). New York: Routledge, 2018, 79–127.
- Michaud, Sands 2020 — Michaud A., Sands B. Tonogenesis. *Oxford research encyclopedia of linguistics*. Aronoff M. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020.
- Nakagawa 2006 — Nakagawa H. *Aspects of the phonetic and phonological structure of the Glui language*. Ph.D. diss., Univ. of the Witwatersrand, 2006.
- Nakagawa et al. 2014 — Nakagawa H., Sugawara K., Tanaka J. |Gui–English dictionary (A preliminary edition). [S.l.], 2014.
- Nolan et al. (eds.) 1999 — Nolan F., Ladefoged P., Maddieson I., Barry M., Ball M. (eds.). *Handbook of the International Phonetic Association*. New York: Cambridge Univ. Press, 1999.
- Traill (ed.) 1977 — Traill A. (ed.). *Khoisan linguistic studies 3: Proceedings*. Johannesburg: African Studies Institute, Univ. of the Witwatersrand, 1977.
- Traill, Vossen 1997 — Traill A., Vossen R. Sound change in the Khoisan languages: New data on click loss and click replacement. *Journal of African Languages and Linguistics*, 1997, 18(1): 21–56.

Получено / received 12.09.2021

Принято / accepted 21.09.2021

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 31.03.2022 Формат 70×100^{1/16} Уч.-изд. л. 15,5

Тираж 300 экз. Зак. 5/2а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций
Теория и практика археологических исследований

АСПИРАНТУРА

Исторические науки
и археология
Теория и история культуры

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — передовые технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде. Студенты факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Научные сотрудники ведущих институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Преподаватель общается с каждым студентом индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

